

Народный Совет

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Дарья Селиванова

18+

Дарья Селиванова

Народный совет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70647967

SelfPub; 2024

Аннотация

Идея написать такой текст возникла на волне активизма и сопротивления москвичей собянинской программе реновации, а заодно другим инициативам московских властей. На три долгих и насыщенных года, с 2017 до 2020, я погрузилась в районную и городскую повестку, училась защищать свои права и участвовала в неожиданно бурной жизни района. Я собрала и изложила свой в художественной форме переработанный опыт и истории многих активистов, с которыми я тогда познакомилась, а заодно любопытные слухи, легенды и скандалы – в общем, все то, чем жила и дышала протестная общественность одного из спальных районов доковидной Москвы.

Содержание

РЕНОВАЦИЯ	4
БЛАГОУСТРОЙСТВО	61
КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ	155

Дарья Селиванова

Народный совет

РЕНОВАЦИЯ

8 июня 2017 года в девять часов вечера я вышла из здания московской международной гимназии другим человеком. Ни одно учебное заведение не оказывало еще на мою судьбу и мое мировоззрение столь глубокого влияния за столь короткий срок. Пыльная улица веяла прохладой. Томно ползли в сумерках машины по проспекту, прерываясь на короткие передышки у светофоров. Я брела в сторону дома. За спиной мой муж тихо, но отчаянно спорил с Вероникой Леонидовной, нашей соседкой.

– Почитайте закон, – убеждал он ее терпеливо, – там ничего не сказано о том, что дом нам построят не выше девяти этажей.

– Но мэр и пресса об этом говорят, – возражала Вероника Леонидовна.

– Это может быть ложью. Правда в нашем случае написана только в законе, – мягко ответил мой терпеливый муж.

– Но как же! Их тогда поймают за руку!

Я сразу зашла в подъезд, а они еще долго стояли и разговаривали во дворе. Обрывки их фраз доносились до меня че-

рез приоткрытое окно. Мы жили на первом этаже. Окна нашей квартиры выходили на три стороны и казалось, что это не квартира вовсе, а вполне себе частный дом. По утрам я просыпалась под ласковый шорох сирени и яблонь. Шла через узкий, как хребет, коридор, поделенный на изгибе пополам еще более узким и низким, будто прорубленным в толстой стене романской крепости, проходом. Не знаю, как кусок средневековья вклеился в кирпичную пятиэтажку, построенную рабочими завода "Серп и молот" для своих семей в 60-х годах прошлого века.

В маленькой светлой кухне я пила чай и готовила завтрак. Ждала, когда муж выйдет из ванной, и наблюдала в окне, как просыпалась наша улица, слушала ее волнами нарастающий будничный гул. Днем я работала в гостиной, устроившись с ноутбуком на огромном, как скала, темно-сером мягком диване в пятне света от изогнутого дугой торшера. Ближе к вечеру гуляла по парку рядом с домом. У меня был фотоаппарат и под настроение я фотографировала птиц, белок и пейзажи. К шести вечера я возвращалась домой готовить ужин и ждать мужа с работы. Я любила эти стены.

Потребовалось пять с лишним лет экономии на всем, чтобы привести квартиру в порядок. И она, до поры напоминавшая замызганный барак, отвечала нежным, обволакивающим уютом. Бушующий шторм столичной повседневности не мог прорваться в мой уединенный домашний угол. Мои стены меня берегли.

– Программа реновации! – рычал диктор по радио, – москвичей наконец выселят из их ветхих, убогих домов в новое комфортабельное жилье!

Стоя у окна, я протираю от пыли маленькие восковые листочки фикуса. На подоконнике остывала кружка с чаем, а под ногами кошка, грызя свой корм, все норовила, чтобы на нее наступили.

– Москвичи всегда жили грязно... – гудело радио, но слова текли мимо меня, не касаясь сознания, прямо в разгоравшееся бледно-зеленой дымкой майское утро. Я цеплялась взглядом за прохожих, провожала их яркие от предвкушения скорого лета наряды.

"Тебя будут сносить?" – тревожно забулькал телефон. Мне написала моя давняя подруга Лена.

"Мой дом попал в список!"

"У нас тут целое сопротивление".

Я залезла в ноут и нашла карту с отмеченными на ней домами под снос.

"Нет, не вижу," – ответила я.

"Повезло!"

От плиты раздалось резкое шипение. Кофе убежал. Запахло горелым.

Мне стало совсем нечем дышать и я испугалась, что сейчас упаду в обморок. Солнце светило невыносимо ослепительно и воздух стремительно нагревался. Тело разбила сла-

бость.

– Давай выйдем из толпы! – попросила я Лену, пытаюсь перекричать грохот со сцены.

"Мы не позволим нарушать наши конституционные права!" – подрагивая, визжал искаженный динамиками высокий женский голос. Лена взяла меня за руку и некоторое время мы петляли в плотном, разноцветном потоке людей с плакатами и транспарантами. Иногда натыкались неожиданно на знакомых, здоровались. Смех и лозунги летели вверх, в высокое голубое небо. Все было похоже на народные гулянья по случаю большого праздника., а не митинг возмущенных горожан на проспекте Сахарова.

На нас прошагала шеренга крепких девиц в белых облегающих футболках с гербами разных районов Москвы и в красных пионерских галстуках.

– Руки прочь от наших домов! – скандировали они, размахивая белыми флагами. Обойдя их, мы уперлись в железное ограждение.

– Выпустите нас, пожалуйста! – обратилась я к молодому полицейскому в черной форме.

– Выход там, – флегматично ответил он и указал обратно в толпу.

Из-за его спины нас снимали на телефон какие-то люди. Они тотчас отворачивались, стоило только обратить на них внимание.

Проспект Сахарова перекрыли железными ограждениями

и оцеплением. Единственный способ выбраться – это вернуться туда, где мы заходили. Народ все прибывал – самые разные люди группками и по одному тянулись в сторону сцены. Мимо них шныряли журналисты, операторы и фотографы.

"Митинг 14 мая против программы реновации собрал шесть... десять... пятнадцать тысяч человек!" – бодро рапортовали телеграм-каналы.

– Ну, главное – мы ходили поддержать протест, – выдохнула Лена, когда мы сели в забегаловке на Китай-городе и заказали себе по кофе с ливанскими сладостями.

Последняя неделя у нее была насыщенной. Лена раскидывала листовки, участвовала в нескольких местных протестных сходах жителей и даже завела роман с соседом-активистом.

– Мне нравится твоя квартира, – я пыталась как-то ее утешить.

Лена жила в четырехэтажном сталинском доме на окраине парка. Ее двушка со сквозными проходами между комнатами выглядела богемно и модно. Принты современных художников на темных стенах, подушки на полу вместо кресел, мало мебели, много цветов в горшках и дискошар на потолке.

Летом мы грелись на балконе и пили вино за долгими беседами, а зимой сидели на кухне и придумывали гадкие про-

звица толстым серым голубям, облеплявшим дерево, растущее за окном.

Два дня назад у Лены во дворе случилось общее собрание собственников. Соседи пытались исключить дом из списка на снос.

– Бабки так громко кричали друг на друга, – рассказывала она, – что приехала полиция. Грозили забрать всех за несанкционированный митинг.

Я кивнула. Видела несколько эпизодов у нее в инстаграме. – Была даже драка, – тихо сказала Лена с улыбкой.

Поздно вечером я шла безлюдными и прохладными дворами от метро домой. Гул проспекта сонно приутих вдали. Под фонарем у второго подъезда стояли три женщины и что-то вполголоса очень живо обсуждали. Одна из них трясла какими-то бумагами. Движения их рук были нервными и суетливыми.

"Тоже, наверное, против..." – нырнув в свой первый подъезд, подумала я, но ошиблась.

– Меня зовут Вероника Леонидовна, я ваша соседка, – неуверенно держа микрофон и запинаясь, говорила одна из трех женщин, которых я неделю назад видела в сумерках. Рядом с ней вторая – Марина Николаевна, жила с Вероникой Леонидовной в одном подъезде. – Мы решили организовать собрание собственников, чтобы включить наш дом в программу реновации.

Я обвела взглядом актовъй зал московской международной гимназии, где собрались собственники помещений в нашем доме. Пришло не так много народу, но казалось, что зал был забит битком. Вокруг меня, перекрикивая друг друга и выступающих, солидные женщины и мужчины средних лет были поглощены алчностью и безумием. Они требовали себе новых квартир с хромированными полотенцесушителями. Плотные, крупные, взрослые тетки и дядьки, крепко стоявшие своими ногами-бревнами на земле и держащие на своих сутулых, твердых плечах грузную, тяжелую и скупую обыденность, рвались получить наконец-таки заслуженную награду за все свои страдания. Они были готовы растоптать всех, кто стоял на их пути к маякнувшей ярким лучиком надежды долгожданной счастливой жизни.

– У меня стенка сыплется! – орала мне в лицо блондинка за пятьдесят с ярко-голубыми глазами. В ее искаженных гневом чертах я видела ее былую, но ныне увядшую красоту.

– Обстучите штукатурку, сделайте ремонт, – предложила я ей.

– Это не поможет, – отмахнулась она от меня пухлой загорелой рукой.

– Нам помогло.

Рядом с ней ее супруг свирепо тряс кулаками и вопил кому-то позади меня, что денег у них нет. Я посмотрела на последний айфон в наманикюренных пальцах блондинки. Ее муж ездил на здоровой машине за два миллиона.

Меня омывало горячими волнами неистового противостояния соседей и я гадала, опустив беспомощно голову, наберется ли треть голосов против. На коленях у меня лежали записи – разбор законопроекта, материалы по капитальному ремонту, отчеты о состоянии дома, даже заранее написанная речь – мне стало смешно от собственной наивности. Никто не собирался меня слушать.

– Когда моя мама хотела чего-то добиться, она шла по дому говорить с соседями, – посоветовала мне моя подруга Ири за неделю до собрания. Я позвонила ей, чтобы погрустить. Ее мама – старая большевичка, прожившая всю свою беспокойную жизнь на Цветном бульваре. По рассказам Ири, она обладала упрямым, энергичным и целеустремленным характером, который позволял ей годами отбивать дом от посягательств различных структур, за что и была избрана самими жильцами председателем совета дома.

– Блин... – вырвалось у меня. Перспектива обходить дом и разговаривать с незнакомыми людьми меня совершенно не привлекала. Особенно, когда я вспоминала про пьяную коммуналку на последнем этаже в нашем подъезде. Квартиру регулярно посещали как полицейские, так и весь дворовый бомонд.

Деваться мне некуда и я пошла, как миссионер в неизведанные земли, нести свет сомнения и здорового прагматизма. Держа в руках свои записи, выписки из Жилищного ко-

декса, распечатки двух законопроектов о грядущем переселении, медленно и нехотя поднималась я по лестнице. Впереди было четыре подъезда по пять этажей. Я нажимала сразу по три дверных звонка.

– Кто? – раздалось из-за двери.

– Ваша соседка с первого этажа, – как можно добродушно ответила я.

Неожиданно. Во всем доме, казалось, кроме меня никого не было. Да и будто самого дома тоже не было – только извивающийся позвоночник лестницы с чередой запертых дверей, которые, как выяснилось, иногда открывались.

Ко мне вышла седая женщина в халате и шлепках. Я снова ей представилась и сообщила о предстоящем общем собрании собственников. Она позвонила живущему этажом ниже соседу, который, имея шестизначный долг за жилищно-коммунальные услуги, в принципе никому не открывал.

Наш разговор гулким эхом отскакивал от пустых стен и мало касался реновации. Тяжелая жизнь и бытовые невзгоды, маленькие зарплаты и горький опыт общения с государственными институтами – вот, что занимало моих собеседников. Во мне они нашли случайного слушателя, с которым можно поделиться своими несчастьями. Сама жизнь стала для них большой личной трагедией и ничего хорошего они больше не ждали. Я же старалась мягко вернуть беседу к волнующей меня теме. На кону стояли наши физически существующие квартиры в доме с земельным участком под ним.

А нас принуждали проголосовать за то, чтобы переехать, и отказаться будет нельзя, как только кто-то из соседей заключит первый договор мены.

– А что за дом? – спросила старушка с огромными прозрачными глазами. Она была похожа на маленького совенка. седой пух на голове, пушистая шаль, узкий крючковатый нос и тощие руки с длинными костлявыми пальцами, которыми она цепко держала чашку чая. Ее маленькая собачка влезла ко мне на колени. Я пила чай где-то в позапрошлом веке. На матово-серых обоях развешаны репродукции с натюрмортами и сценами охоты, на полках стоял фарфор и хрусталь, кухонный гарнитур был отделан темным полированным деревом, гипнотически тикали большие часы с разукрашенным фруктами циферблатом, пахло выпечкой.

– Неизвестно, – отвечала я ей, – сама программа пока состоит только из предварительного списка домов под снос. Дома для переселения еще не построены. И хотя мэр обещает, что они не будут выше четырнадцати этажей, никаких подтверждений этому в законопроекте нет. Зато там есть пункт, позволяющий застройщикам отступать от противопожарных, санитарных и прочих, полезных для здоровья норм. Это удручает.

– Удручает то, что наш дом рушится, – сказала мне Марина Николаевна, еще одна из трех женщин, стоявших в сумерках. Она, чуть наклонившись, держала дверь так, чтобы в любой момент хлопнуть ей перед моим носом. Я не пыталась

ее убедить в своей правоте. Я пыталась ее убедить подумать.

– Этот дом еще сто лет простоит! – незадолго до моего неожиданного столкновения с Мариной Николаевной воскликнула веселая рыжеволосая девица, недавно переехавшая к своему жениху из хрущевки на другом конце нашей улицы. Каждую зиму в оттепель ее квартиру на пятом этаже заливало талой водой с крыши.

Я вежливо улыбалась Марине Николаевне:

– Если бы наш дом рушился, его бы признали аварийным. А у нас скоро капитальный ремонт. Если его проконтролировать...

– А вы готовы этим заниматься? – перебила она меня.

– А вы? – вернула я ей вызов.

– Я не могу. У меня ребенок.

Дачи, дети и работы – три кита, на которых покоилась общественная апатия. Если наш дом натурально начал бы проваливаться в ад, это мало кого озаботило. Особенно летом.

– Какой идиот откажется от новой квартиры? – передо мной стоял мрачный дядька с испариной на лбу. Скользя взглядом ему за плечо, я увидела в тусклом свете одинокой лампочки заваленный пакетами и старой обувью пыльный коридор. Оттуда ощутимо несло сыростью и запахом дыма от дешевых сигарет. На всякий случай я сняла очки.

Тот идиот, который сталкивался с проблемами современного жилищного строительства.

Маршрутка высадила меня у магазина одежды "Данила" в Люберцах. Начало февраля и ни о какой реновации еще никто не слышал. Пасмурно. Оттепель. Вокруг тишина, запустение и подмосковная грусть. Под ногами – лужи, разбитый асфальт, грязь. Идти было сложно из-за беспорядочно припаркованных машин. Я петляла дворами, окруженными обшарпанными пятиэтажками, по карте на север, в сторону новых кварталов. Миновав старую, выкрашенную зеленым голубятню, я вскарабкалась на белоснежный холм. Прямо за ним плотным строем топтались панельные высотки, растворившиеся наполовину в бледном, больном небе. Вереницы припаркованных машин, полупустые, лысые улицы, "Пятерочка" и кафе "Плов" – все выглядело чуждо среди этих домов, будто склеенных ребенком из тетрадных листов в клетку и раскрашенных фломастерами. Мимо меня шли дворники и рабочие. От их пристальных, недружелюбных взглядов становилось не по себе.

Наши клиенты, молодая семья с тремя детьми, купили однокомнатную квартиру в доме, расположенном впритык к законсервированному мусорному полигону, и хотели сделать из нее трешку. Дизайнер сломала ногу, поэтому шеф отправила меня к клиентам делать замеры квартиры для проекта планировки и будущего ремонта. Я работала на маленькую студию дизайна интерьеров.

– У меня какая-то шизофрения в цифрах, – отчиталась я шефу, – я дважды все обмерила!

– Это нормально, дорогая! – успокоила она меня, – это эконо́м.

– Тут еще вентиляционный короб на кухне, здоровый как гроб, – сообщила я, – отстоит от стен на 30 и 50 сантиметров.

– Нас ждет ад, – хладнокровно отреагировала шеф.

Я отправила ей план и фотографии квартиры. Спустившись на улицу, я застала драку у соседнего подъезда. Туда сбежались грозные бородатые мужики. Эхом в воздухе колотилась брань. Я опустила глаза и, молясь, поспешила незаметно убраться оттуда. За поворотом маленькая девочка в толстых очках и розовом пуховике молотила пакетом со сменкой по грязному сугробу.

Картинки с такими же кварталами появились в новостях про программу реновации. Ходили слухи, что у нас в районе будет тот же застройщик. Нарисованными они выглядели, конечно, сильно привлекательней, чем в реальности.

– Ой, жила тут всю жизнь, тут и умру! – ворчала полуглухая бабка, инвалид и ветеран всего на свете. Я поймала ее, курящей на лестничной площадке между четвертым и пятым этажами. Она стряхивала пепел в большую банку "Нескафе" на подоконнике. Докурив, она, прокашлявшись, смачно схаркнула на пол.

Небольшая надежда у меня все-таки появилась. Среди тех, с кем мне удалось поговорить, большинство были настроены скептически.

– Сейчас Александр Лаврентьевич вам все расскажет! – ласково пропела Вероника Леонидовна в микрофон. Ее голос вибрировал особыми самочьими интонациями, которые вызывают у немолодых дам молодые мужчины приятной наружности, – Александр Лаврентьевич работает в управе.

Актовый зал гимназии кипел, но Александр Лаврентьевич был спокоен и доброжелателен. Его наружность и повадки напоминали мне аспиранта, который на третьем курсе института провел у нас пару семинаров по финансам. Он работал в Правительстве Москвы и обладал своеобразным, но неприятным обаянием. Опершись на белую доску и терзая маркер в руке, он вальяжно рассуждал об успешности фразами, взятыми из второсортной бизнес-литературы, от которой в то время ломились полки всех книжных магазинов. В облике Александра Лаврентьевича тоже было нечто неуловимо скользкое, как у капли жира, рыбы или таракана. Было видно, что этот человек легко выходит сухим из говна.

– Ваш дом ветхий, – начал он вкрадчиво свою речь. – Когда дом признают аварийным, вас всех будут переселять уже не в пределах района, а туда, где есть свободный квартирный фонд.

Он слегка наклонил голову на бок и приподнял брови, намекая на самый страшный кошмар москвича – выселение за МКАД, и продолжил рассуждением о том, что капитально отремонтировать дом технически невозможно, поэтому программа реновации – это лучший выход для нас всех.

Его слова то и дело тонули в возгласах собравшихся.

"Вот сволочь!" – подумала я, поняв, что пока мы с мужем пытались опровергнуть одну его ложь, он успевал наврать еще больше.

– Я пришел сюда не дискутировать, – уточнил Александр Лаврентьевич, – а доводить информацию до вашего сведения.

– Александр Лаврентьевич абсолютно прав! – вступилась за него третья женщина, стоявшая в сумерках. Антонина Александровна жила где-то неподалеку. Я видела ее пару раз в продуктовом через дорогу и на почте. В этот раз вместо замызганных штанов и рубашки она надела дешевый деловой костюм в серо-коричневую полоску и представилась общественным советником главы управы.

– А еще я немного юрист и чуть-чуть финансист, – игриво пожалала она плечами и заулыбалась, будто стеснялась чрезмерно себя похвалить.

– Это как? – мрачно спросил муж.

– Бухгалтер, – буркнула я в ответ, но тут же начала сомневаться. Антонина Александровна пространно рассказывала о своем неудачном опыте капитального ремонта в доме, где она избралась председателем совета. Основная проблема была в том, что с ее легкой руки оператор спецсчета, где копились отчисления жильцов, и одновременно генеральным подрядчиком работ по капитальному ремонту была их управляющая компания. Это был сильный ход рискованно-

го управленца, поскольку управляющая компания не стеснялась оплачивать сама себе все счета, невзирая на недостатки выполненных работ. Но Антонина Александровна винила во всем морально устаревшую конструкцию дома.

Я заметила, что женщина на задних рядах снимала все происходящее на видео. Встреча подходила уже к концу и я подскочила к ней с просьбой прислать мне запись.

– Напишите мне свою почту, – сказала она, взяла двумя пальцами вырванную мной из блокнота бумажку и ушла.

Зал постепенно пустел. Потоптавшись немного, я тоже направилась к выходу. Всю меня внутри парализовали злость и страх. Я даже не представляла себе, как выбраться из внезапно нахлынувшего кошмара, давилась дурными мыслями и предчувствиями. Впереди маячила долгая война без надежды на победу, и в ней я оказалась партизаном, засевшим в чаще. Мне надо было во всем разобраться и найти побольше тех, кто тоже против.

Шумит машинами лихой проспект, катится и взлетает с веселым летним ветром в пышные белые облака над горизонтом. Рябит туман зеленых, мягких крон тополей и лип, окутавший дома. Дребезжа несется трамвай. Рядом в сквере дети и собаки скачут по лужайкам. У ограды дремлет на легком складном стульчике седой дед. На маленьком столике перед ним стоит шахматная доска с деревянными фигурами, а прикрепленный скотчем к чугунным завиткам ограды

ватман над его головой крупным шрифтом зазывает: "Уроки шахмат детям 5-14 лет". Отстукивают пульс шаги то-ропливых горожан. Кругом движение и жизнь. Только облупившиеся пятиэтажки, рыхлыми боками выглядывавшие на проспект, не нравились депутату Андрею Семеновичу. Они тянули назад, в унылое социалистическое прошлое и балабановскую неустроенность. По ночам из открытых настежь окон во дворы выплескивались звуки шумных застолий, пьяных скандалов и драк. В этих доисторических пещерах будто засели архаичные монстры – синяки и женщины трудной судьбы.

Как и достопочтенный мэр, Андрей Семенович очень хотел, чтобы город развивался. Был чист, креативен и молод, как Гонконг, Сингапур или даже сам Андрей Семенович, белокурый, молодой и активный депутат совета депутатов района с горящим, устремленным в светлое будущее взором серых глаз. Когда глубоко уважаемый им однопартиец и глава совета депутатов Виктор Геннадьевич объявил о необходимости поддержать инициативу города по реновации ветхого жилищного фонда, Андрей Семенович с восторгом вызвался в числе первых продвигать идею в массы. И сейчас он сидел в передвижном пункте МФЦ, организованном для информирования граждан о программе и сбора голосов собственников жилья.

Стоял теплый летний день и рядом с микроавтобусом, любезно предоставленным префектурой, появилась активная

местная жительница. Андрей Семенович был с ней знаком, ему не раз приходилось отбивать ее едкие пикировки.

– Ваше транспортное средство припарковано на газоне, – строгим тоном начала Марианна Константиновна. Она постоянно была чем-то недовольна и везде совала свой выдающийся хищный нос, делавший ее похожей на грифа. Очень специфическая женщина, подумал Андрей Семенович и вздохнул.

– Добрый день, Марианна Константиновна!

– Я внимательнейшим образом слежу за вашей деятельностью. Вы ведете свою узурпаторскую линию уже давно, – недовольно отозвалась старушка, – но у меня своя позиция по данному вопросу. Уверена, уполномоченный по правам человека меня поддержит!

Несколько секунд мозг депутата Андрея Семеновича бездействовал. Наконец, он взял на себя смелость спросить:

– Вы про газон говорите?

Марианна Константиновна славилась в местных властных кругах своими сложными и замысловатыми речами, расшифровать смысл которых зачастую представлялось в принципе невозможным. Особенно от них страдал начальник районного отдела внутренних дел.

– Я про этот ваш неконституционный отъем собственности при помощи незаконного голосования через организации, больше напоминающие своей деятельностью преступные группировки нежели уполномоченные компетентные

органы, – раздраженно отчеканила Марианна Константиновна.

– Переселение по программе реновации – исключительно добровольное дело, – догадался Андрей Семенович.

– Лжете! – парировала сварливая старушка.

– Ну позвольте, Марианна Константиновна, – депутат собрался с силами. Это был вызов. – Ваш дом может выйти из программы в любой момент. Надо просто провести общее собрание...

– Я лично не хочу ни в какую программу. Почему глупость соседей отравляет мое существование? – Марианна Константиновна явно даже не собиралась его слушать, – а межевание? Хотите отобрать нашу землю, жулики?

– При чем тут земля вообще? – воскликнул Андрей Семенович с досадой.

– Я требую оставить меня в покое! Я не хочу никуда переезжать!

– Видимо, придется! – съязвил Андрей Семенович в ответ и увидел, как пухлые, ярко накрашенные губы Марианны Константиновны собрались в трубочку.

Через секунду теплая, вязкая слюна прилетела ему в лицо и депутат содрогнулся всем телом от неожиданности, отвращения и брезгливости. Кое-как вытерев лицо рукой, он помчался к неподалеку припаркованной машине, где, кажется, оставались у него влажные антибактериальные салфетки.

Весь вечер он не мог ни есть, ни пить от постоянно нака-

тывающих приступов тошноты. Поникший и тихий Андрей Семенович сидел на кухне и равнодушно листал фотографии на телефоне. Он активно вел свой профиль в инстаграме, надо было отчитаться о сегодняшнем дне.

"С коллегами из МФЦ помогаем жителям улучшить свои жилищные условия!" – подписал он выбранную фотографию. Ту, где он красивый и улыбочивый стоял, выпятив большой палец вверх, рядом с ведущим специалистом и милой девушкой Лизонькой. «Бодрость и позитив», – уговаривал себя муниципальный депутат, но на душе все равно было тоскливо и зябко.

Утром Андрей Семенович хмуро рассматривал свое отражение в зеркале пока брился. Ничего, кроме темных от бессонницы кругов под глазами, вроде бы не выдавало последствий вчерашнего инцидента, но он все равно чувствовал смутную тревогу. Капилляры под кожей нервно и горячо пульсировали, все время хотелось почесаться.

Глубоко погружившись в свои неясные мысли, Андрей Семенович неподвижно сидел в информационном центре и отвечал на взволнованные вопросы посетителей давно уже заученными фразами:

– Вы получите равнозначное жилье, либо равноценное, либо денежную компенсацию...

– Да-да, если вашего дома в списке нет и вы хотите, чтобы он был включен в программу реновации, надо проводить общее собрание собственников.

– Нет, пока еще неизвестно, куда и когда будут переселять. Стартовые площадки пока ищутся. Вас сразу оповестят, когда появятся детальные планы.

– Владельцы комнат в коммуналках получают отдельное жилье.

– Не переживайте! На ВДНХ открылась экспозиция. Там можно посмотреть планировку и оценить отделку, – бубнил Андрей Семенович, едва успевая переводить дыхание. Он собрал всю силу воли, чтобы не чесаться и не обращать внимания на то, что зудело у него буквально везде.

К середине дня жители разошлись. Андрей Семенович откинулся на стуле и смотрел, не моргая, в пустоту.

– Андрей Семенович, – наклонилась к нему Лизонька, – с вами все в порядке? Вы сегодня такой грустный...

Ее декольте оказалось прямо перед носом муниципально-го депутата. Андрей Семенович неожиданно для самом себя ощутил прилив возмущения.

– Посмотри на себя! – ледяным тоном четко проговорил он, – Выглядишь, как шлюха!

От удивления Лизонька широко распахнула свои густо накрашенные ресницы и резко отвернулась.

– Прости-прости! – спохватился Андрей Семенович, – я сегодня сам не свой! Со мной что-то не так, – бормотал он, чувствуя, как тяжелеет все тело, – может, заболел или еще что-то...

Но Лизонька не отозвалась.

Желание почесаться стало невыносимым. Инстинктивно Андрей Семенович схватился за голову, но температуры явно не было.

– С вами все в порядке, – сказал доктор, быстро перебирая бумажки, – анализы в норме.

На третий день Андрей Семенович решил показаться врачу. Чесотка прошла, но все равно ему было не по себе. Когда он шел в поликлинику, ему несколько раз показалось, что в отражении магазинных витрин вместо него мелькала пожилая, сухонькая дама, чертами лица напоминавшая Марианну Константиновну. Андрей Семенович резко остановился, достал телефон и включил селфи-режим. С экрана на него смотрел только он сам, немного осунувшийся. О своем наваждении он доктору рассказывать не стал. "В здоровом теле здоровый дух!" – подписал он свой автопортрет на фоне двери поликлиники и отправил в инстаграм. Он старался пропагандировать среди подписчиков здоровый образ жизни и показывать достойный для подражания личный пример.

Впереди были выходные. Андрей Семенович брел по проспекту в сторону дома. Хотелось провести эти два дня в спокойствии, без стресса, беготни и общения с назойливыми людьми. Дойдя до перекрестка, он увидел на другой стороне микроавтобус МФЦ. Возле него Лизонька в юбке короче, как ему показалось, допустимого о чем-то весело и живо болтала с его пожилым коллегой-депутатом. Андрей Семенович презрительно скривил свои пухлые, ярко накрашенные губы

и прошептал "Все-таки шлюха".

– Андрюха, народ волнуется! – сообщил ему по телефону глава совета депутатов Виктор Геннадьевич, – на встрече с главой управы ты как активный участник в работе с населением обязательно должен быть, – глава совета депутатов понизил голос, – я понимаю, ты устал, но партия требует.

– Хорошо, – еле-слышно ответил Андрей Семенович, стараясь ничем не выдать свою накатившую ненависть к этому человеку.

– До свидания, Виктор Геннадьевич, – он положил трубку. Из зеркала на дверце шкафа на него бесстрастно смотрела Марианна Константиновна.

Зал, где должна была пройти встреча с главой управы, быстро заполнялся. Андрей Семенович стоял, прислонившись к стене и рассматривал людей, приветствуя кивком знакомых. Пришла и Марианна Константиновна. Она обожгла муниципального депутата презрительным взглядом и величественно уселась в предпоследнем ряду посередине. Текли люди и рукопожатия, в зале появилась глава управы района. Встреча началась. Жители поочередно задавали свои однообразные вопросы, глава управы давала свои однообразные ответы. Выступали по очереди его коллеги-депутаты, убаюкивая своими обещаниями разбушевавшийся народ.

– Вот, – снова взяла слово глава управы, – Андрей Семенович дежурил в нашем мобильном информационном центре. Он может рассказать вам детали приема голосов.

Девочка-секретарь поднесла ему микрофон.

– Да, здравствуйте! – начал Андрей Семенович и замолчал, собираясь с мыслями.

– Андрей Семенович, пожалуйста, – повторила глава управы.

Депутат поймал на себе подозрительный взгляд Виктора Геннадьевича.

– Да-да, – пробормотал Андрей Семенович, глубоко вдохнул и произнес высоко и отчетливо, – Я считаю, что вся эта история с реновацией представляет собой нарушение конституционных прав граждан на неприкосновенность частной собственности в угоду заинтересованным капиталистическим и окол властным структурам. По сути, это очередная, но весьма настойчивая попытка пересмотра итогов приватизации с целью экспроприации и перераспределения народного достояния в пользу богатого и влиятельного класса буржуазии в условиях капиталистического империализма. Фактическая геттоизация и деление кварталов на зажиточные и бедные приведет к дальнейшему экономическому и социальному расслоению нашего общества, к усугублению криминогенной обстановки, усилению нагрузки на инфраструктуру района, неизбежной пауперизации. Как избранный жителями нашего района депутат я не могу допустить страданий своего народа, ограбляемого эксплуатацией со стороны недобросовестной власти и капиталистов.

Андрей Семенович выдохнул. Задние ряды взорвались

овацией и одобрительными выкриками. Ему аплодировал даже его давний оппонент в совете депутатов коммунист Иван Железный, а Марианна Константиновна довольно улыбалась. Виктор Геннадьевич в отличие от нее был крайне недоволен. Побледневший от ярости глава совета депутатов грузно поднялся со своего места и хищно крался через ряды в сторону Андрея Семеновича.

"Настало время для решительных действий!" – подумал Андрей Семенович, вернул микрофон девочке-секретарю и стремительно покинул зал.

Женщина, снимавшая наше собрание в гимназии, улыбнулась, встретив мой вопросительный взгляд. Мария Соловьева. На следующее утро я получила от нее письмо со ссылкой на видео. Я искала в сети потенциальных союзников, и ее канал оказался весьма полезен. Они все были тут.

– Если мой дом попадет в программу, я соберу партизанский отряд и... – свирепого вида здоровый, бородатый дядька на моем мониторе на секунду задумался.

– Давайте без экстремизма! – перехватил слово префект. Зал недовольно загудел, поддерживая бородача.

– Он не выходит на связь. Может, и правда партизанит, – отозвалась Мария на мои расспросы.

Неподалеку от нас уселся коммунист Иван Железный. Он кивнул стоящему у стены муниципальному депутату Андрею Семеновичу. Тот тоже ответил сдержанным кивком. Просле-

див за ними, я снова повернулась к Марии.

– Так он против реновации, потому что какая-то бабка плюнула ему в лицо?

– Не какая-то, – поправила меня Мария, подняв указательный палец вверх, – а Марианна Константиновна, доктор философских наук, обществовед, при Союзе работала в институте марксизма и ленинизма. В девяностые она ударилась в эзотерику. – Мария пожала плечами, – я просто предположила. Черт его знает, что творится их партийном болоте.

28 июня. В темно-синем зале кинотеатра организовали очередную встречу префекта с жителями соседнего района. На экране крутилась советская юмористическая короткометражка. Фаина Георгиевна Раневская пришла к чиновнику, который распределял квартиры в новостройках. Фаина Георгиевна жила в старом деревянном домике. Чиновник предлагал ей комнаты в разных домах и даже квартиру, но она капризничала и довела его до обморока.

"Кошечки у меня!" – восклицала Фаина Георгиевна представителю советской власти во времена, когда собственности как права не было вообще. Сейчас же, когда собственность неприкосновенна, меня пытались выселить двумя третями голосов соседей.

– Ну, обидно, да, – ответил мне с ухмылкой зампрефекта по вопросам жилищно-коммунального хозяйства Алексей Иванович. Сам префект отсутствовал, предпочтя в это смутное время оказаться в отпуске. Передо мной через два ря-

да сидели глава управы и ее заместитель по вопросам строительства Александр Лаврентьевич. Они озорно хихикали и шушукались о чем-то – было видно, что все у них хорошо. Я смотрела на всех них с внимательным интересом, ведь именно от этих людей зависела моя дальнейшая жизнь. Они вторглись в мое личное пространство, добавили седых волос и страха перед будущим. Мой голос дрожал от волнения, когда я разговаривала с ними, а они в ответ меня с улыбкой сливали.

– Предлагаю двумя третями присутствующих проголосовать за выселение Алексея Ивановича из его наверняка шикарной резиденции в приятном месте Москвы! – Мария добралась до микрофона. Из соседнего кресла на нее завопила бабка-старожил, желавшая попасть в реновацию.

– Дайте уже другим людям пожить нормально! – возмущалась она.

Я открыла блокнот на последней странице и вписала туда фамилии префекта и его заместителя Алексея Ивановича, расставив порядковые номера. Кроме них в моем черном списке есть глава управы и ее заместитель Александр Лаврентьевич. Я не собиралась сидеть на берегу и ждать, когда трупы врагов проплывут сами мимо. Я пойду вверх по течению, и это будет мой посильный вклад.

– Вот, – Мария, увидев мои записи, дописала адрес внизу страницы, – приходи в понедельник в семь вечера.

После духоты зала свободно дышалось ночной прохладой.

Прошел дождь и прибил дневную пыль, звуки стали звонче в наступившей влажной темноте. Переливались листья деревьев огнями светофоров, в лужах отражались фонари и зеленые кресты круглосуточных аптек. Вспыхивала молния между туч вдали, печальный шелест мокрых шин заглушал звуки грома от удаляющейся грозы. Плотными, черными тенями скользили прохожие по шершавым тротуарам, и я, полная горьких размышлений, тащилась вслед за ними домой. В квартире было пусто и темно, муж ушел в ночную смену. Открыв ноутбук, я еще некоторое время неподвижно сидела, погрузив лицо в ладони и собираясь с мыслями.

– А ты упорная, – сказал муж, листая мою жалобу на пяти листах мелким шрифтом с приложениями еще на тридцати.

Два дня назад на двери нашего подъезда вывесили протокол общего собрания собственников с результатами голосования. 21 июля. Закон о программе реновации был принят двадцать дней назад и с тех пор дома больше не включали в список на снос, но были нюансы.

"Протокол датирован двадцать четвертым июня", – написала соседу в телеграм. Он спустился ко мне и мы вдвоем сели на кухне изучать документ.

– Леонидовна же говорила, что кворума не набрали. – удивлялся сосед.

Через две недели после завершения голосования я подслала его к Веронике Леонидовне. По правилам именно та-

кой срок дается для подсчета голосов и составления протокола. Сама Вероника Леонидовна от меня скрывалась, после того, как узнала, что о всех реновационных перипетиях нашего дома я дисциплинированно отчитывалась в прокуратуру и жилищную инспекцию.

– Скорее всего им помогли подсчитать так, как надо, – я изучала цифры в протоколе, – вот! – указала я пальцем в подозрительно малую площадь дома, – они исключили нежилые площади департамента городского имущества и те, что в частной собственности.

Протокол гласил, что данные организации воздержались от голосования, но в Жилищном Кодексе не была предусмотрена возможность исключить долю кого-то в общем количестве голосов собственников. Без такого исключения поданных голосов набралось бы на сорок девять процентов, то есть кворума, при котором собрание могло вынести решение по вопросу, не было. Счетная комиссия же добилась семидесяти двух процентов голосов. А дальше, на семнадцатой странице были уже проклятые две трети голосов за включение дома в программу реновации от числа проголосовавших. "Решение принято" – торжественно объявил протокол.

– Погоди, – сосед пролистал свои записи в телефоне и показал мне выдержку из постановления правительства Москвы, – должно быть не менее двух третей от общего числа голосов собственников помещений в многоквартирном доме, – процитировал он.

С полминуты мы молча смотрели друг на друга.

– Скоты! – сделал он вывод.

– Нас пытаются обмануть, – подтвердила я.

– Дарья Александровна, – театрально положив руку на грудь, уверяла меня ведущий специалист инженерной службы района, – мы все делали в строгом соответствии с инструкциями!

Я сидела у нее в кабинете спустя полчаса после обнаружения замысловатого подсчета в протоколе и вежливо улыбалась. Светлая и законопослушная часть моей души требовала честного, справедливого суда над всей этой управской шайкой. Другая, темная сторона предлагала простой и эффективный ход – вцепиться ей в лицо и выдавить большими пальцами глазные яблоки.

– Окей, – сказала я, отбрасывая свои соблазнительные, но антигуманные идеи, – откуда тогда столько нарушений?

– Каких нарушений? – удивилась ведущий специалист так, что мне захотелось стукнуть ее по голове.

– Протокол должен был появиться месяц назад.

– Он и был вывешен месяц назад на дверях вашего подъезда, – она кивала в такт каждому своему слову.

– Неужели? – я пристально посмотрела в ее широко раскрытые, искрящиеся недоумением глаза, – мой муж ведет инстаграм. Фотографирует дверь нашего подъезда утром перед работой и вечером, возвращаясь домой. До сегодняшнего дня никакого протокола на двери не было и я могу это

доказать.

Шах и мат. Ведущего специалиста парализовало, она явно набиралась сил, чтобы спросить:

– Простите, а зачем он это делает?

– Хочет и делает.

Драгоценный мой супруг увлекся современным искусством и, вдохновившись примером какого-то ультрамодного фотографа, год назад решил рассказать миру о тщете своего бытия. Подписчиками, а равно и ценителями его искусства, были я и его мама. В конечном итоге его проект оказался весьма полезен.

– Правильно, – говорил муж, обнаружив несколько скриншотов из своего инстаграма в моей жалобе прокурору, – пусть все узнают, что мы поехавшие.

– Скорее всего они уже все прекрасно знают, – спокойно ответила я.

Весь месяц я провела в попытках найти протокол. Его должны были отправить в префектуру и жилищную инспекцию.

"На момент 1 июля протокол общего собрания собственников дома 8 корпус 3 на рассмотрение не поступал. Ваши замечания будут учтены" и так далее, пока в августе, наконец, префектура не ответила, что «протокол от 24 июня 2017 года поступил и находится в работе». Мне показалось даже, что составитель письма мерзко хихикал, когда писал эту строчку. В каждом слове чувствовался бюрократический

триумф.

Я лежала на полу в гостиной и смотрела в белый потолок. Муж уже час разговаривал по телефону со знакомым юристом. Его голос то приближался, то отдалялся – он беспокойно ходил по коридору из кухни в спальню и обратно. На мониторе ноута, стоявшего на журнальном столике рядом со мной, играл ролик, выложенный Марией в группу "Реальная жизнь нашего района". Там возмущенные качеством стартовых домов жители соседнего района отказывались переезжать. Им за это отключили воду, электричество и газ. По пустым квартирам, куда не заселились бомжи, шарили мародеры.

"Нас всех ждут более лучшие дома! Более лучшая жизнь!" – писала Мария в аннотации.

Я представила, как буду отколупывать испанскую плитку и бить окна, если меня все-таки выкурят из гнезда.

– Дашик, – внушала мне матушка на нашей недавней встрече, – живите сегодняшним днем. Надо наслаждаться жизнью! Заведите ребенка!

Мы сидели в ресторане рядом с ее офисом, утопая в подушках на мягком диване.

– Не могу, мам, – я с тоской разглядывала перекрученный разноцветный стакан с остатками апельсинового сока, – я специалист по финансовому планированию и прогнозированию, у меня профдеформация.

Мама опустила расстроенный взгляд в тарелку и приня-

лась кромсать шоколадное пирожное.

– Ну тогда вместе прикуемся к батарее, – предложила она, дочь полковника, сама отслужившая в армии.

Перед моим внутренним взором мелькали возможные варианты будущих событий – достойное продолжение славных боевых традиций нашей старой московской семьи.

На казенно-желтой стене висел портрет Владимира Ильича Ленина. Благославляя всех присутствующих гордо вздернутой бородкой, вождь мировой революции смотрел в светлое будущее человечества. Точно под ним на простом офисном стуле, сверкая серебром и самоцветами на мягкой шее и пухлых руках, сидела дама и нараспев твердила:

– Книга Богородицы, стихи-песнопения-пророчества. Моя миссия – передать людям знание о будущем, дарованное мне через откровение свыше.

Она достала из клетчатой сумки на колесиках толстую архивную папку и, крепко держа ее двумя руками, протянула коммунисту Ивану Железному.

– А это... – начал он медленно и осторожно подбирать слова.

– Стихи-песнопения-пророчества, – повторила дама в самоцветах.

– Да, это все вам приходит оттуда? – сморщив лоб, он на секунду глянул на потолок и перевел взгляд обратно на даму в самоцветах.

– Богородица живет в моем сердце и транслирует через меня свои послания. Полная версия книги весит девять килограмм. Это дайджест. Стихи-песнопения-пророчества. Я хожу по библиотекам и устраиваю презентации. Несу ее слово людям. В Лондоне был фурор.

Неуловым движением Мария Соловьева включила в телефоне запись аудио. Коммунист Иван Железный заглянул в папку. Внутри были собраны вырезки из газет и журналов, раскрашенные фломастерами ксерокопии святых образов, календарики с сюжетами Нового завета, обклеенные стразами и бусинками, стихотворные строфы, записи, портрет президента и загадочные рисунки – все было аккуратно упаковано в файлы.

– Я здесь, потому что вам нужно мое духовное наставление, – продолжала дама в самоцветах, – я хочу курировать у вас духовно-культурную сферу.

На красивом, интеллигентном лице временно безработного и вечно страдающего председателя Народного совета, пожилого инженера Алексева усугубилась мука. Он деловито сделал пометку у себя в записях и произнес:

– Духовную и культурную сферы у нас уже курирует Марианна Константиновна.

– Марианну Константиновну можем перераспределить в артиллерию, – немедленно предложила Мария Соловьева.

Сидящая насупившись, философ, обществовед и эзотерик сдержанно кашлянула, показывая тем самым свое неисто-

вое негодование. Ее пухлые, ярко покрашенные губы были плотно сжаты, а выдающийся хищный нос, казалось, угрожал жестокой расправой даме в самоцветах. От решительных мер Марианну Константиновну оберегала лишь забота о чистоте и спасении своей души. Об этом она с гордостью объявила мне в самом начале нашего знакомства. Ее духовный наставник постоянно твердил о терпимости к чужим заблуждениям, но по мнению Марианны Константиновны, заблуждающихся вокруг нее было чересчур много. Хотя Мария Соловьева ей явно нравилась и свое расположение к ней она автоматически распространила и на меня. Во время рассказа лицо Марии Соловьевой сияло ясным, детским восторгом, и она что-то энергично печатала в телефончике. Сидевший рядом коммунист Иван Железный подглядывал к ней в записи.

"Богородица предрекла узурпацию районной власти рептилоидами-двойниками главы управы," – прочитал он и тихо усмехнулся:

– Очень в твоём стиле.

Его источники в управе вчера донесли, что буквально на днях случилось внеплановое двухчасовое совещание, главной темой которого стала Мария Соловьева и ее очередной фельетон. История о том, как глава управы намазала клеем "Момент" стул главы совета депутатов в отместку за срыв сроков согласования адресного перечня дворов в плане благоустройства на следующий год, спровоцировала ожив-

леннейшее обсуждение в местных группах. Дословно передать отзыв самих главных героев источник коммуниста Ивана Железного отказался, сославшись на исключительную неприличность произнесенных должностными лицами выражений.

– Они должны быть мне благодарны. Я делаю их чуточку интереснее, чем они есть на самом деле, – в шутку обиделась Мария.

Сам коммунист Иван Железный не очень понимал, как к этому относиться. В конце концов, речь шла о серьезных людях, с которыми они пытались сотрудничать.

– Я считаю, это все-таки было слишком, – поддержал коллегу председатель Алексеев, – Маша, надо полегче. Что о нас люди подумают?

Не встретив должного интереса к своей персоне, дама в самоцветах погрузила свой увесистый труд обратно в тележку и ушла, обиженно хлопнув дверью. Разговор быстро переключился на местные слухи.

– То есть Лебедеву можно, а мне нельзя? – возмутилась Мария Соловьева.

– Лебедев – экстремист! – отрезал председатель Алексеев. "Красный блогер и поэт" – так товарищ Лебедев представлялся, когда посещал встречи главы управы с населением. Появлялся он всегда в сопровождении двух или трех своих товарищей, едва обретших совершеннолетие, но уже свирепых на вид граждан Российской Федерации. Когда очередь

задавать вопрос доходила до него, товарищ Лебедев зычно декламировал стихи собственного сочинения на политическую тематику.

Не важно, правый ты иль красный,
Ты должен, сука, вопреки,
Иначе будет всё напрасно,
Иначе сдохнешь от тоски.

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а потом
Наверно, станет всем нам лучше,
Когда все строим, да гуськом.

Коррупцию мы можем тоже
И победить, и превозмочь,
Чего ж такого мы не можем,
Когда мы можем сильно мочь?

И в наше время нужно исто
Порваться ото всех оков,
И быть примерным коммунистом
"Всегда готов?" – "Всегда готов!"

А вот сегодня тоже ,братья,
И не "ха-ха" и не "хи-хи".

Как здорово, что депутатам
Есть время сочинять стихи.

Во время его выступлений уши председателя Алексеева приобретали цвет советского флага, он сидел, вжавшись в кресло, и отчаянно мучился.

– Почему я, человек с двумя высшими образованиями, не могу найти себе достойную работу с достойной зарплатой? – громогласно вопрошал товарищ Лебедев, покончив со стихом.

– Наверное, проблема все-таки не в образовании, – невозмутимо ответила глава управы.

О буйном, легко возбудимом нраве товарища Лебедева знали все. Сотрудник полиции, дремавший на стульчике у входа в зал, приоткрыл один глаз.

– Да, проблема в том, – товарищ Лебедев возвысил голос, – что вся работа отдается дешевой рабочей силе мигрантов!

Полицейский совсем проснулся и выпрямился, с профессиональным интересом наблюдая за гражданином.

– Русские стали теперь самой бесправной нацией в нашей стране.

– Да!!! – грянули хором товарищи Лебедева.

– Обсуждение подобных вопросов находится вне моей компетенции, – со сдержанной улыбкой ответила глава управы.

Председателя Алексеева раздражала ее обходительность с этим человеком. Товарища Лебедева, считал он, необходимо было изолировать от общества. Часто во всеулышание он сожалел, что поддался на уговоры коммуниста Ивана Железного собрать в Народном совете как можно больше районных активистов. От товарища Лебедева у них могли быть только неприятности.

Тревожные мысли председателя Алексеева развеялись от скрежета отворяемой железной двери.

– Прошу прощения за опоздание! – со снисходительной улыбкой приветствовал товарищ Лебедев собрание.

– Помянешь к ночи... – с неудовольствием пробормотал председатель Алексейев. В след за товарищем Лебедевым вошел его квадратный друг Геннадий с наголо бритой головой.

– Народный совет бесполезен! – объявил товарищ Лебедев, выйдя в середину комнаты. Его рот скривила брезгливая ухмылка, – методы, которыми вы оперируете, не способны поднять даже шестидесятилетних старушек.

– А перед нами стоит такая задача? – насмешливо уточнила Мария Соловьева.

Товарищ Лебедев нахмурился.

– Мы сможем чего-то добиться, только создав местным чинушам невыносимые условия.

– Это какие? – спросил юрист Виктор, заваливавший районный суд исками жителей о незаконных завышениях в платежках за коммунальные услуги.

– Ну, во-первых, вы должны сделать меня председателем Народного совета, – товарищ Лебедев приосанился, – с диктаторскими полномочиями...

– Еще один, – буркнул председатель Алексеев, но товарищ Лебедев его проигнорировал.

– Во-вторых, под моим руководством мы будем действовать принципиально ново, молодо и бодро!

– Это как? – юрист Виктор не скрывал скепсиса в голосе. Гордо вздернув подбородок, товарищ Лебедев на манер Владимира Ильича посмотрел в светлое будущее человечества и ответил:

– Мы все вместе придем на встречу префекта и будем скандировать, – он глубоко вдохнул и, выпятив грудь, оглушительно заорал, – Четко знает каждый из нас! Сталин – герой! Президент – пидарас!

Заслуженная учитель России, недавно вышедшая на пенсию, и постоянная слушательница радио "Эхо Москвы" Ирина Львовна Хейфец схватилась за сердце. В комнате повисла звенящая от напряжения тишина. Председатель Алексеев страдальчески смотрел в потолок, видимо, ожидая, что жильцы второго этажа вызовут полицию, а секретарь районной коммунистической ячейки, узнав о происшествии, выкинет их из занимаемого помещения ко всем чертям.

– Прекрасно. Нас тут же сгребут в районное ОВД за нарушение общественного порядка, – предсказал юрист Виктор дальнейшее развитие событий. – Все-таки считаю, нам надо

действовать в правовом поле.

– Да уж! – огрызнулся товарищ Лебедев, – вы сидите тут, как трусливые либеральчики в своей норе!

– Прошу не скатываться к оскорблениям, – спокойно ответил юрист Виктор и поправил очки.

– А как еще с вами, блин?! – горячо вскрикнул товарищ Лебедев.

– Я все равно не понимаю, зачем нам это делать, – занудствовал юрист Виктор.

– Нам нужен грамотный скандал для инфоповода!

– Грамотный скандал, – влезла Мария Соловьева, – это когда мы потерпевшие, а не наоборот.

– Поверхностно мыслишь! – парировал товарищ Лебедев, – надо поступать безрассудно!

– Так мы ничего полезного не добьемся точно, – вынес вердикт юрист Виктор.

– Мы уже добились того, что система доводит таких как я до ручки! – сорвался товарищ Лебедев в крики, – А вы, твердолобые слизни, не хотите понять, мы должны плевать в харю этим властным ублюдкам!

– Давайте проголосуем, – меланхолично предложил председатель Алексеев, – кто за то, чтобы товарищ Лебедев стал председателем Народного совета с диктаторскими полномочиями?

Квадратный Геннадий поднял вверх свою мясистую ладонь и почти достал до потолка. Бледный от гнева и униже-

ния товарищ Лебедев выскочил из комнаты, хлопнув дверью так, что на оставшихся внутри жалобно посыпалась штукатурка.

"Четко знает каждый из нас!" – слышались с улицы удаляющиеся крики, – "Сталин – герой! Президент – пидарас!"

Через неделю товарища Лебедева и трех его соратников увезли со встречи с префектом в районной отдел внутренних дел.

– Но вообще у нас спокойно. Есть несколько толковых активистов, которые могут быть полезны, – сказала Мария, – каждый занят своей темой.

В сиреневой кожаной куртке поверх розовой рубашки в огурцах она напоминала гангстера их американского кино про семидесятые. У нее были короткие взъерошенные волосы, большие затемненные очки-телевизоры в толстой оправе и маленькая собачка чихуахуа, надменно семенившая впереди нас.

– Председатель искренне верит, что прошлого главу управы посадили не без помощи Народного совета.

– А ты что думаешь? – я не смогла скрыть своего скептицизма..

– Борьба бульдогов под ковром, – неопределенно ответила Мария.

Опавшая листва накрыла дворы. Лето прошло, воздух стал другим. Ветер лениво трепал пестрые одеяла, развешан-

ные кем-то на веревках, протянутых между деревьев. Рядом сияла свежими красками новая детская площадка. На лавочках уютно пристроились мамочки в плюшевых спортивных костюмах. Они болтали и пили энергетики из жестяных банок, пока их дети копошились в песке.

– Твоя собака гадит, – заметила я.

Мария обернулась.

– Молодец, Лелик! – одобрила она.

– Это же детская площадка!

– Да, – спокойно согласилась Мария, – везде, кроме нее, я убираю за Леликом. Видишь куст? – Она указала направление и я увидела потрепанный неудачной формовкой, облезлый куст. – Там наши мамашки стихийно организовали общественный сортир.

Я перевела взгляд на мамочек. Те были заняты беседой и не обращали на нас никакого внимания. Мария продолжила:

– Благоустройством этой площадки я вынесла мозг и управе, и совету депутатов, потратила кучу времени и нервов. Даже трафа на Активном гражданине закупила. А когда попросила водить детей посрать домой, вежливо причем, была очень невежливо послана куда подальше.

Активизм не учит человеколюбию, подумала я, глядя на Лелика, энергично накидывавшего задними лапками тяжелую листву на место своего преступления. Из пятнадцати человек, голосовавших против вхождения моего дома в программу реновации, шевелились только я и сосед. Остальные

только морально поддерживали, ссылаясь на сильную занятость.

– Юрист говорит, что может сработать коллективный иск, – сообщил мне муж итог своих переговоров и объявил бюджет мероприятия. Так я осталась вообще в гордом одиночестве.

Но протокол, попав в префектуру, затерялся где-то в ее недрах, готовый всплыть когда-нибудь в будущем, в самый неподходящий момент.

– Если их устраивает человеческое говно, значит они не против и собачьего, – подвела итоги Мария и мы продолжили свой путь.

– Почему не напишешь об этом в группе?

– Потому что каждый раз, когда кто-то вляпывается, он сам обязательно сообщает об этом.

Судя по статистике районной группы – это происходило минимум дважды в месяц. И сразу же начинался вечный спор мамашек против собачников, пешеходов против велосипедистов, автомобилистов против платных парковок и далее в бесконечное разнообразие. Раньше я думала, что внутри района признаков общественной жизни нет. На деле же, вокруг кипели нешуточные страсти и их бурный поток подхватил меня и нес в неизвестность.

– Расскажите немного о себе, – велел председатель Алексеев. Повестка заседания Народного совета подошла, спотыкаясь, к приему новых членов. Я встала, неуклюже задев

стул. Мария ободряюще мне кивнула.

– Ну, – начала я нерешительно, – я теперь помогаю Марии вести блог о жизни района. Я неплохо разбираюсь с документами, умею читать и анализировать сметы. И у меня есть достаточно свободного времени, чтобы этим заниматься.

Мне в полной мере удалось ощутить горечь одиночества в противостоянии с превосходящими силами того, что можно назвать роком или судьбой – чем-то настолько могущественным, что мое поражение было лишь вопросом времени. Я хотела быть полезной Народному совету в надежде, что впоследствии они смогут оказаться полезными мне. Стены моего маленького Рима были разрушены, и я видела бессмысленную и тупую толпу варваров, пожиравшую все на своем пути, в полусонном состоянии ведомую кучкой местных чиновников к их бюрократической выгоде. Воистину сон разума рождал чудовищ. И они, до того существовавшие за границей моего внимания, теперь вторглись в мою жизнь и требовали подчиниться воле большинства.

Я была несогласна с таким положением вещей и, хотя осознавала заведомый проигрыш своей позиции, решила приложить все возможные усилия, чтобы победа не далась им слишком легко. Меня вел страх, но целью моей было понимание. Я хотела разобраться в том, что творилось вокруг меня и можно ли было на это влиять в свою пользу. Стремление мое было еще не отчетливым, а мысль слишком запутана, чтобы проговорить ее вслух, поэтому я молча ждала ре-

шения.

– Давайте голосовать! – скомандовал председатель и совет единым порывом поднял руки "за".

Поздним морозным вечером я возвращалась со встречи совета. Резкий ветер проникал в самое нутро, глаза залеплял снег. Зайдя в "Пятерочку", чтобы купить сигарет, я заметила Веронику Леонидовну за кассой. Она была сосредоточена и не замечала меня, пока я стояла в очереди. Прошло полтора года, наши отношения кое-как наладились.

– Ой, Дарья, здравствуйте! – приветствовала она, когда я наконец подошла.

– Добрый вечер, Вероника Леонидовна! – мой голос звучал тепло и дружелюбно, я улыбалась ей, – Две пачки тех сигарет, пожалуйста.

Она достала из стенда, что мне было нужно, и, пока я расплачивалась, заметила:

– Я видела репортаж про дома по реновации, это ужас, Дарья! – ее красивые зеленые глаза были полны трогательного недоумения, – я так переживаю теперь, что чуть было не втянула нас в это все! Как бы соседи меня проклинали.

Я не верила своим ушам.

"Прикол! Леонидовна стала резко против реновации!" – написала я Марии, выйдя из магазина.

«Ожидаемо», – пришел немедленно ответ.

Касса продолжала монотонно пикать вслед проносющимся мимо датчика разнообразным товарам.

– Пакет нужен? – бесцветным голосом произнесла Вероника Леонидовна, – шестьсот тридцать восемь пятьдесят. Наличными или картой? – резким движением она оторвала чек. – Спасибо! Приходите еще. Пакет нужен?

Касса снова монотонно запикала. Уже почти десять, завтра выходной и немного особенный день.

Запах кофе наполнил по-утреннему тихую, сумрачную маленькую кухоньку. Вероника Леонидовна сделала глоток, затаилась своей первой и единственной на день сигаретой и откинулась на спинку стула. Последнюю среду месяца, самый любимый день, она выгадывала так, чтобы не ходить на работу. Бледной, нежной рукой Вероника Леонидовна потянулась за зеркальцем, стоявшим на полочке над столом, и взглянула на себя, поворачиваясь к отражению то правой, то левой щекой. Как-то незаметно пришли к ней сорок лет. От былой красоты, печально размышляла она, остались только светло-зеленые глаза с ярко очерченной черным радужкой. Грустные и пронзительные они сияли в объятиях множества мелких морщинок. Щипчиками Вероника Леонидовна слегка подправила брови, пока допивала свой кофе.

– Ну! Сегодня много дел! – прошептала она и хлопнула, бодрясь, себя по бедрам.

Погружение в горячую ванну с морской солью и запахом лаванды подарило долгожданное наслаждение и расслабле-

ние. Это был ее священный ритуал возвращения молодости, красоты и уверенности в себе. Из вымотанной кассирши "Пятерочки" Вероника Леонидовна преображалась обратно в саму себя, какой была когда-то – сильную и энергичную молодую женщину. Будто ей снова двадцать пять лет и ничего не страшно. Шелковая маска с биозолотом приятно холодила лицо. Укладка и маникюр заняли еще час времени. Вероника Леонидовна не торопилась. Заниматься собой надо спокойно. Но все-таки она то и дело поглядывала на время.

Снова сев на кухне, она провела ладонью по лицу. Лифтинг-крем впитался, можно было приступить к макияжу. Вероника Леонидовна смазала корректором под глазами, выровняла тон кожи. Главное не перестараться. Она давно практиковала свою магию и знала все сложные нюансы своего лица. Она чуть выделила скулы, добавила румянец на щеки, тонко подвела глаза и нанесла немного блеска на веки, подкрасила губы помадой цвета "чайная роза".

"Естественность и живость!" – крутилось у Вероники Леонидовны в мыслях, когда она расчесывала ресницы щеточкой с тушью.

Еще некоторое время она любовалась отразившемся в зеркале результатом, потом перевела взгляд на часы на стене. Настало время немного поторопиться. Зал обычно быстро заполнялся и легко можно было остаться без места, а ведь еще ехать. В этот раз, к счастью, недалеко.

Вероника Леонидовна распахнула дверцу и придиричиво

осмотрела содержимое гардероба.

– Совершенно нечего надеть, – со вздохом констатировала она, но тем не менее сделала выбор в пользу винного цвета платья строгого кроя до колена. Журналы утверждали, что женщины в красном чаще привлекают внимание, но яркие оттенки она уже опасалась носить.

Медленно полз троллейбус. Вероника Леонидовна нетерпеливо барабанила пальцами по сумочке, глядя в окно. Город постепенно зажигался вечерними разноцветными огнями, хотя было еще довольно светло. Накрапывал дождь. Вероника Леонидовна забыла взять зонтик, и эта оплошность заставляла ее переживать больше обычного. Вереница людей тянулась к внушительному зданию школы, где через полчаса состоится встреча префекта с населением. В актовом зале было тесно и душно от набившихся внутрь людей, шумно от непрекращающихся разговоров, покашливаний и шарканья тяжелых ног. Наконец она нашла подходящее место в середине партера, откуда хорошо была видна обхваченная массивными коричневыми с золотом шторами сцена с установленным на ней столом. Вероника Леонидовна приготовилась ждать.

Префект всегда появлялся незаметно, скрытым от глаз окружавшей его свитой. В этом сине-сером облаке государственных служащих он быстро скользил по проходу и поднимался на сцену уже в сопровождении только главы управы района. Вероника Леонидовна подалась чуть вперед и вытя-

нула шею, чтобы лучше его рассмотреть. Префект выглядел, как и в первый раз, когда она его увидела: строгий, собранный и вытянутый, как игла. Манера держать себя, точеный профиль и благородная седина – он идеально воплощал собой образ человека, наделенного властью и определенно был хорош собой. По сравнению с ним бывший муж Вероники Леонидовны был мешком с картошкой, вечно рефлексировавшим по мелочам и сетовавшим на несправедливость своей судьбы. Они прожили вместе десять долгих лет. Он уговорил ее бросить работу и сидеть дома, воспитывать сына. Шли годы и обескровленная монотонным бытом без признаков романтики любовь Вероники Леонидовны к мужу постепенно растворилась, не оставив следа, в скуке спального района. Вместо нежности Вероника Леонидовна почувствовала раздражение к супругу. Его недостатки теперь резко били по ее тонкой, впечатлительной натуре. Супруг громко храпел, чавкал, распространял запах своих ног и в целом перестал за собой следить. Долгие беседы с ним, в которых Вероника Леонидовна раньше активно принимала участие, теперь казались ей утомительными. Утром Вероника Леонидовна не могла дожидаться, когда он, наконец закончив свой обильный завтрак, уйдет на работу. И муж, будто распознав ее равнодушие, с работы как-то не вернулся.

В одном он оказался прав, когда долго разглагольствовал, сидя вечерами на кухне: домохозяйка Вероника Леонидовна оказалась никому не нужна. Так она стала кассиршей в

"Пятерочке" без каких-либо перспектив на светлое будущее. Ее уделом стал однообразный труд и постепенное увядание. Быт и квартира постепенно ветшали, а сама она погружалась в глухое состояние апатии и уныния.

Будто вчера тусклый свет пасмурного неба потревожил ее маленькую кухню сквозь мутные, невымытые с зимы окна. Вероника Леонидовна вспомнила, как сидела в тот день, мрачно сторбившись на стуле и красила ногти на ногах. Сын ушел в училище, а у нее был отпуск и она собиралась ехать на дачу. Хотелось немного взбодриться на свежем воздухе вдали от суеты.

От тяжелых мыслей ее отвлек звонок телефона. На загоревшемся экране выскочило имя ее старинной подруги, с которой они вместе ходили в школу. Тонечка живет в соседнем дворе и они часто встречаются.

– Ника, отличные новости! – в голосе подруги звенел восторженный ажиотаж, – мы с тобой можем переехать в новый дом!

Вероника Леонидовна слушала подругу очень внимательно, та была общественным советником главы управы и очень гордилась своим статусом, при каждом удобном случае упоминая о своей близости к высшим кругам местного политического истеблишмента. Может быть, черная полоса в жизни заканчивалась и Веронике Леонидовне выпал шанс покинуть свое опостылевшее, полное дурных чувств и воспоминаний жилище, въехать в новую жизнь и, может быть, зады-

шать привольней. К тому же у нее лет пять уже как не работал полотенцесушитель. Иван Валентинович, мастер из Жилищника, только драматично закатывал глаза, когда приходил на очередной ее вызов.

– Встретимся вечером у твоего подъезда. Возьми с собой Мариночку, – пропела Тонечка, а в воображении Вероники Леонидовны полз вверх воздушный замок, кирпичный монолит на шесть или девять, но не более четырнадцати этажей с видеонаблюдением в подъезде, стеклопакетами и, конечно, новеньким, блестящим полотенцесушителем.

– И еще сходим на встречу с префектом. Он на все вопросы компетентно ответит, – на прощание сказала Тонечка и положила трубку.

Веронике Леонидовне показалось, что она попала в волшебную сказку, где обрела крылья. Широко и гордо раскинув их, она что было сил неслась вперед, подхваченная попутным ветром перемен, к счастливому и благополучному финалу. И в жизни ее появился мужчина, в чьи надежные, уполномоченные руки с изящными пальцами она могла доверить свою непростую женскую судьбу. К тому же она не увидела у префекта обручального кольца.

– Эта сука из первого подъезда устроила мне настоящий ад, – жаловалась Вероника Леонидовна подруге Тонечке на провал с реновацией пару месяцев спустя, но встреч с префектом с тех пор все равно не пропускала по глубоко личным причинам. Вероника Леонидовна улыбнулась.

– Чему это вы так радуетесь? – грубо спросила сидящая рядом с ней старуха. Вероника Леонидовна вздрогнула и вернулась в настоящее время.

– В Жилищнике работаете, небось? – не унималась соседка, обдавая Веронику Леонидовну кислым запахом из беззубого рта.

– Письменный вопрос задавать будете? – подскочила девица со стопкой бланков в руках.

– Вот, – Вероника Леонидовна порылась в сумочке и протянула сложенный пополам лист, – я заранее написала.

– Заранее! – сиплым шепотом зло торжествовала неприятная старуха, – эдак ты наше общественное мнение, значит, искажаешь! – она попыталась перехватить послание, но девица со стопкой бланков оказалась проворнее.

– Секретутка! – прошипела ей вслед старуха.

– Что вы привязались, женщина?! – не выдержала Вероника Леонидовна.

– А вам-то что? – вскинулась мерзкая старуха.

– О! Админресурс подключился! – поддержал ее кто-то за спиной у Вероники Леонидовны.

– Ох, вы у меня все еще попляшете!

– Не мешайте другим слушать, – воскликнула, обернувшись, пышная дама.

– Что такие невоспитанные?! – прилетело с другой стороны ряда.

– Не смейте нас затыкать!

И все разом загомонили, обмениваясь оскорбительными обвинениями, отчего глава управы вынужден был прервать свой доклад об итогах социально-экономического развития района в текущем году.

– Я прошу всех успокоиться! – громко проговорил префект в микрофон и строго посмотрел прямо на Веронику Леонидовну. Ее сердце упало. Остаток встречи прошел в попытках не расплакаться. Домой он вернулась поздно и в расстроенных чувствах.

– Мам! Дядя Леша приехал! – крикнул сын из своей комнаты.

Брат Вероники Леонидовны смотрел телевизор на кухне и пил чай.

– Верунчик, здорова! – дядя Леша широко улыбнулся и тут же закинул в рот шоколадную конфету из хрустальной вазочки на столе. – Теперь буду чаще заходить. Мы тут у вас стартовые дом по реновации строим.

Вероника Леонидовна легонько присела к брату за стол.

– И что? Ну, расскажи! – она подвинула вазочку с конфетами поближе к нему.

– Да ну что рассказывать? – отмахнулся дядя Леша, – все через одно место!

– Ну что ты так сразу... – Вероника Леонидовна даже немного обиделась.

В кухне было темно, только ярко мерцающий экран освещал

щал лицо Вероники Леонидовны. Там молодая женщина ходила по квартире, в которую ее собирались вселить по программе реновации. "Кухня без окна, смотрите" – печально говорила она, – "ванная микроскопическая, смотрите, как вмонтирована лейка, вот, ржавый полотенцесушитель. Как тут жить?" – ее скорбь терзала Веронику Леонидовну. Кругом был обман.

– Дура ты у меня, – сказал дядя Леша на прощание и вышел, оставив Веронику наедине с ее унижением. Она тихо заплакала. Больно было в груди, будто сердце остановилось и никак не могло вновь забиться под тяжестью несправедливости, придавившей его.

"Отцвели уж давно

Хризантемы в саду..." – глухо за стенкой репетировал сын, готовясь к окружному конкурсу молодых талантов.

"А любовь все живет

В моем сердце больном..."

Его глубокий, полный страдания голос то затихал, то воспарял под потолок.

"Опустел наш сад. Вас давно уже нет.

Я брожу один, весь измученный.

И невольные слезы катятся

Пред увядшим кустом хризантем."

Голос печального юноши взволновал и приковал внимание префекта к сцене. Конкурсы народной самодеятельности навевали на него скуку. "Песни нашего округа" были очеред-

ным формальным мероприятием и он, усаженный на почетном месте в первом ряду, надеялся со смирением пережить. Энергично стучали твердыми пятками и кружились под грохочущую музыку девицы в коротких красных сарафанах и кокошниках. Депутат городской думы, расположившийся в соседнем кресле, пристально смотрел влажным взглядом на их крепкие коленки. Конферансье торжественно объявлял номер за номером. И вот, появился юноша, неуловимо знакомый призраком, и стал петь о том, что, казалось, утеряно навсегда. Овал его бледного от волнения лица, меланхоличный взгляд, нежная складка губ, множество еле-уловимых черт напоминали ему, как шел он раз за разом через одинаковые актовые залы однотипных школ и взгляд его на доли секунды проскальзывал сквозь плотное окружение коллег, ловя изящный профиль женщины. Она приходила на все его встречи с населением, садилась обычно в середине или в конце. Он легко находил ее бледное от волнения лицо, когда оглядывал присутствующих в момент приветствия:

– Добрый вечер, уважаемые жители! Начнем нашу встречу. Вместе со мной здесь находятся... – префект запнулся. Ее не было. – Мои заместители, а также руководители окружных служб, – с небольшим усилием он продолжил следовать давно отработанному регламенту.

Не было ее полного нежности взгляда, дарившего надежду, что, может быть, есть где-то другая жизнь без этой навязчивой духоты переполненных помещений, бесконечно одно-

образных жалоб и претензий, неповоротливости подчиненных. Там южный радостный ветер гонит корабли розовых облаков в нежно-лиловый закат и каждое мгновение приносит радость. И стрекочут в траве цикады под оглушительные, нескончаемые, раздражающие покашливания и шарканье тяжелых ног. Преисполненные подобострастного страха лица сотрудников, обращенные к префекту, вызывали у него брезгливость и досаду. Месяц за месяцем, встреча за встречей он ждал, но милая женщина больше не приходила.

БЛАГОУСТРОЙСТВО

Войдя ранним утром погожего буднего дня летом в наш парк через маленькую калитку на тихой боковой улочке, обязательно можно было увидеть загорающего нудиста. Презируя нормы морали общественных пространств, едва прикрытый кустом, крепкий мужчина стоял, подбочась и развернув мощную свою грудную клетку навстречу солнечным лучам. На вид ему было лет шестьдесят, у него было багровое лицо и багровое, будто воспаленное, пузо, покрытое сеткой белых волосков. Его коллегу по досугу в это же время можно было застать у пруда неподалеку. На берегу обустроили спуск лесенкой. Зимой в Крещение туда приходил поп, чтобы осветить воду в проруби-купели, а потом поднимался над парком довольный рев моржей. Нудист-купальщик был всегда нетороплив и полон собственного достоинства. После водных процедур он любил постоять и погреться на солнышке, что неизменно возмущало физкультурников. Их площадка с яркими, разноцветными тренажерами находилась аккуратно напротив лесенки. И нудист томно наблюдал за их упражнениями, царственно опершись локтем на голову грубо вырубленной из дерева фигурки выдры в половину человеческого роста. Смущенно отвернувшись, я проскакивала мимо него. Кровожадный обыватель внутри меня требовал вызвать полицию, но я неизменно ждала, что инициативу, в конце кон-

цов, перехватят физкультурники.

22 июня 2017 года. Семь утра. В книгах по фотографии пишут, что лучше снимать ранним утром или на закате, когда свет наиболее красив и рисует приятные тени. Действительно, золотые лучи с трудом пробивались через плотную листву и не растворившуюся после прохладной ночи дымку, а на траве блестела радужными огоньками роса. Воздух благоухал свежестью и влагой. Чуть дальше по берегу стояли старые ивы, внутри совсем пустые. Там обитало семейство котиков. Они тотчас окружали старушку в белой кружевной панамке, требовательно мяукали и толкались, требуя еды. Старушка, согнувшись, развязывала полиэтиленовые пакеты с объедками. Мимо по дорожкам бегали дети, собаки и тихо катили мамочки свои коляски.

Народ все прибывал. От главного входа тянулись вглубь зарослей шашлычники. Компании по несколько человек – каждый тащил в руках по пакету, набитому едой, выпивкой и углями. Часто после их буйных празднеств оставались грустно висеть на ветвях деревьев и кустов поникшие воздушные шарики. Под ногами валялись объедки, перемешанные в траве с блестящим конфетти. Скоро загорятся первые костры. В воздухе поплывет запах жженого мяса и пластика. К вечеру он обратится в удушливую дымовую завесу, за которой будут раздаваться пьяные вопли и песни.

В теплое время года в парк шли гулять все. Это был чудом сохранившийся кусок старой усадьбы. "Памятник садо-

во-паркового искусства XVIII века. Особо охраняемая природная территория" – гласил расписанный полууставом деревянный стенд, установленный на самом красивом, северном берегу пруда, а за ним неожиданно для меня все было огорожено строительным забором в бело-зеленую полоску.

– Вы не знаете, что здесь происходит? – рядом со мной остановилась бегунья и вынула из уха наушник.

– Понятия не имею, – ответила я ей мрачно.

– Вот уж правда, – она кивнула на надпись "Суки!", оставленную кем-то, вдохновленным этим возмутительным препятствием. Бегунья развернулась и убежала в обратную сторону.

"Ну что ж, жадная до благоустройства рука мэра дотянулась до нашего с вами любимого парка, соседи! На освоение территории выделено ни много ни мало двести миллионов." – читала я пост Марии Соловьевой в районной группе, – "Будем же пристально и со всем вниманием наблюдать за уничтожением природной территории недавно назначенным директором Елизаветой Эдуардовной, лоббирующей стратегические интересы матерей-алкоголиц и их конкурирующего потомства".

В прикрепленном к посту видео молодящаяся, длинноволосая блондинка энергично, как китайский болванчик, качала головой и низким, прокуренным голосом тараторила: "И мы хотели бы, чтобы, когда мама приходит с детьми и пьет

пиво, может быть, из этого часа, когда она пьет, на пятнадцать минут или двадцать она зашла в экологическую школу на центральной площади, которую мы собираемся открыть, или покачалась на качелях. Поэтому вот извините, ради бога, но вообще-то мы вам, жителям, делаем лучше!"

– Да они офигели совсем! – возмущалась Катя, на вид совсем молоденькая: лет, максимум, двадцать пять. В сети она была известна под ником Псина Ушастая. С большим интересом и не без пользы я недавно прочла ее статью о возврате средств переплаты за отопление, включающую весьма обширный и крайне тягостный опыт ее личного бодания с управляющей компанией.

– Где информационный щит? Чё за херня?

Ее резкие, нервные манеры выдавали в ней пылкий нрав, а тот факт, что управляющую компанию она все-таки нагнула и выпотрошила, красноречиво свидетельствовал о том, что передо мной предстал человек целеустремленный и даже упрямый.

– Нет информационного щита, надо писать в ОАТИ, – скупающим, будничным тоном ответила, ни к кому не обращаясь, будто бы в пустоту Марина Аркадьевна Кузнецова, человек в районе уважаемый и известный своей работой по защите природного комплекса.

– Муниципальный истеблишмент дал Марине Аркадьевне прозвище "Зеленка", впрочем так же в мэрии называют

зеленые насаждения, – прошептала мне на ухо Мария Соловьева.

Наружность Марины Аркадьевны идеально соответствовала ее славе защитника природы. Она была похожа на вставшего на задние лапки, вытянувшегося суриката. Седые волосы ее были заплетены в косу, свернутую в тугий пучок. Движения были мелкими и суетливыми, юношески угловатыми, хотя лет ей было под шестьдесят. Теплыми карими глазами она смотрела всегда будто сквозь мир, отчего выражение лица у нее было слегка отстраненное и задумчивое.

Мы вчетвером топтались возле дырки в строительном заборе недалеко от главного входа в парк и выглядели довольно жалко, как смущенные, потерявшиеся дети. Мы расступались перед надменно проезжающими мимо КАМАЗами. За забором на стройплощадке суетились рабочие в оранжевых жилетах, прыгали, трясая ковшами, по кочкам деловитые экскаваторы, раздирая своими колесами пушистый зеленый луг с россыпью желтых одуванчиков. На глазах мягкий ковер на берегу пруда превращался в изувеченное месиво из грязи и глины. Подняв камеру над забором, Мария Соловьева снимала все происходящее.

– Отсутствует пункт мойки колес, – прокомментировала стоящая рядом Псина Ушастая, – складирование строительных материалов на земле. – Она указала на кучу досок, сваленных неподалеку.

– На сайте Департамента природопользования нет экспер-

тизы, – Марина Аркадьевна в задумчивости продемонстрировала нам экран своего телефона. Там был открыт раздел, где публиковались документы ведомства.

Марина Аркадьевна еще в 2011 году боролась против планов Русской православной церкви построить огромный храм, отрезав тем самым от сквера в нашем районе больше половины территории. Она была могучим и опытным ветераном активизма, продержалась на плаву и не исчезла в глубине обывательского небытия с тех самых пор, хотя многие, вставшие на путь отстаивания конституционных прав на благоприятную среду, ломались спустя два года интенсивного противостояния властям. В районе она была главным и фактически единственным экспертом по природоохранному законодательству.

– Но есть нюансы, конечно, – загадочно завершила Мария Соловьева свой рассказ про нее.

Марина Аркадьевна стояла чуть в стороне и говорила в пустоту, ни к кому не обращаясь конкретно:

– Надо проконсультироваться с Самсоновым, у них была похожая ситуация. Они писали в прокуратуру и заставили Богданова обратиться в суд. Правда, проиграли. Но Шинкевич говорил, что писать надо как-то хитро, надо попросить его прислать образец. И, конечно, огласка. Креатив, как Грязнова делала в Стрешнево. Там то снеговиков лепили, то надувных уток в пруд запускали, ленточки еще вязали. Может, песню написать и мэру спеть? Есть у нас кто креатив-

ный? Не знаю. Надо еще к Ермолаеву идти, он грамотно с закупками работает, знает, как правильно их оспаривать. Я была на его семинаре у Яблока. Там было что-то про...

Марина Аркадьевна продолжила вещание в режиме радио, но я отвлеклась и негромко обратилась к Марии, которая пристально рассматривала ничем не примечательный куст снежноягодника.

– Кто все эти люди, про кого она говорит?

– Спокойно, – тихо отозвалась Мария, беззаботно махнув рукой.

Упорствуя в своем стремлении познать истину, я встала между ней и так живо интересующим ее кустом:

– Но о чем речь вообще? Я не понимаю!

– Да нормально все, – быстро шептала Мария, – обычно мы сразу натравливаем Марину Аркадьевну на чиновников и она внушает им разумное, доброе, вечное до потери ими сознания и ориентации в пространстве. Они сразу становятся значительно более податливыми и покорными...

– Но сейчас тут чиновников нет, – отметила я очевидное.

– Н-да, – с деланным замешательством Мария медленно осмотрела округу и застыла глядя куда-то вдаль.

– Так что нам делать-то? До завтра тут торчать? – не унималась я.

– Дождемся Алену, – Мария перевела взгляд в сторону главного входа в парк, – она подскажет, что делать.

Стояла удушающая жара. Высоко в лазурной пустоте

неподвижно повисли величественные, ослепительно сияющие белизной облака. Пыль из-под колес КАМАЗов и выхлопы пропитали горячий воздух и делали каждый вдох омерзительным. Мы ждали минут десять, не дольше, но время тянулась как резина.

Наконец, возле главного входа в парк остановилось такси, из него выскочила пухлая, невысокая блондинка. Приметив нас, она тут же, не мешкая, но и не торопясь, прошла через ворота прямо к нам.

– Ну, и где ваши депутаты? – еще раз хорошенько осмотрев наше жидкое сборище и поздоровавшись, строго спросила она. В отличие от нас, полетному расслабленных и одетых непритязательно, она выглядела строго и элегантно в синем, струящемся платье.

– Тут у нас – не там у вас. Все депутаты – единорожики, – усмехнулась Мария, – На носу выборы. Они наверняка сейчас натаскивают своих гончих старушек голосовать как надо.

– Понятно, – Алена презрительно поджала губы. – Еще кого-нибудь ждем?

– Нет, – отозвалась Мария, остальные печально покачали головами.

– Тогда приступим! – Алена резко развернулась и ловко нырнула через дырку в заборе. Мы тут же последовали за ней. Ветер раздувал ее широкий, длиной до щиколоток, легкий подол. Будто Свобода, сошедшая с картины великого художника и ведущая за собой народ, она стремительно напра-

вилась к экскаватору и через мгновение отважно перегородила ему путь.

– Прекратить работы! Где главный? Зови главного! – орала Алена, энергично размахивая руками.

Из кабины вылез загорелый дядька в шортах и шлепанцах. Он стянул со спинки сидения оранжевую жилетку, накинул на себя, спустился на землю и принялся звонить по телефону, стараясь держаться подальше от подгоняющей его Алены, но и не отходить слишком от брошенной им техники.

– А что так можно? – спросила я у Марии Соловьевой. Столь неожиданный ход поразил меня своей смелостью и легкостью. Правда, я была не особо опытна в организации и проведении протестных мероприятий.

– Не думаю, что это этично, – вместо Марии подала голос Марина Аркадьевна, – но...

– Да наплевать! – перебила Псина.

– ...но деваться нам сейчас некуда. Надо работы останавливать. Надо было бы привлечь кого-то более опытного, но у Алены практика тоже есть. – невозмутимо закончила Марина Аркадьевна свою мысль.

Мария Соловьева фыркнула. Крупным планом она снимала на свою камеру дядьку, разговаривающего по телефону. Тот все время норовил повернуться к ней спиной, но Мария совершенно безжалостно его преследовала.

– Что вы чувствуете, нарушая закон? – то и дело обращалась она к нему.

Марина Аркадьевна бродила по округе и фотографировала навалы щебня, песка и земли вперемешку с травой. Разломанный берег раскинулся перед нами безвольно будто бездыханная жертва насилия с выпотрошенными кишками. А я, наткнувшись на свежий труп давнего друга, в ужасе смотрела на него и не знала, что делать. Жаль, что молитвы мои возносились в пустое небо, а не валились метеоритами на головы тех, кого я проклинала.

– Надо все активировать срочно, – отвлек меня от гнетущего созерцания ровный голос Марины Аркадьевны. Она рылась в своем потрепанном туристическом рюкзаке.

– Стукнуть что ли в миграционку? – предложила Псина. Как ястреб, приметивший свою добычу, она наблюдала за рабочими в оранжевых жилетах. Тараканами они спешно расползались с места преступления. Рядом с Псиной остановилась Мария, чтобы снять их побег.

– Рано пока, – ответила она Псине. – Мы здесь бьемся не против наших братьев-пролетариев из дружественных республик, а против системы, что заставляет их пренебрегать законами нашего дорогого отечества.

Марина Аркадьевна протянула мне несколько разлинованных листов с заголовком "АКТ" и детскую книжку "Сокровища Древнего Египта" в качестве твердой подложки. Я взяла ручку.

– Так. Пиши, – скомандовала она, со вздохом собираясь с мыслями. – Первое, повреждение почвенного покрова в

результате проезда тяжелой строительной техники... Потом приложим к нашему заявлению в природоохранную прокуратуру. Записала? Так. Надо сфотографировать. Второе, отсутствуют защитные ограждения кустарников и стволов деревьев.

– А вот и ответственные должностные лица! – оторвала нас Мария Соловьева от подсчета ущерба, нанесенного природе.

Лица эти имели крайне недовольное выражение. Двое суровых мужчин угрожающе надвигались на нас. Один из них было особенно хмур и широк. Он носил густую черную бороду, слоновьи ляжки и тяжелый живот, игриво выглядывающий краешком из-под плотно облегающей черной футболки с надписью "ARMANI". На волосатых пальцах солидно сверкали золотые перстни.

– Чё здесь делаете? – вместо приветствия обратился к нам широкий мужчина.

– Снимай все, что происходит, – тихо попросила Алена Марию Соловьеву, – но постарайся меня в кадре не светить.

– Я помню, – буркнула Мария и направила камеру на вновь прибывших.

– Добрый день, господа! – Алена обратилась к суровым мужчинам с приветливой улыбкой. – Мы настоятельно хотим ознакомиться с разрешительными документами на осуществление работ на данной природной территории.

– Особенно интересует акт государственной экологиче-

ской экспертизы, – вставила Марина Аркадьевна.

– И информационный щит почему-то отсутствует, – добавила Псина от себя.

– Вы вообще кто такие? – мотнув головой, как бык перед рывком, широкий мужчина решил прояснить обстановку.

– А вы? – отказалась прояснять ситуацию Алена, Мария Соловьева с камерой подошла поближе.

Широкий мужчина обвел всех полным презрения взглядом и попытался отвернуться от камеры. На секунду мне показалось, что сейчас случится отвратительнейший эпизод насилия, но он сдержал порыв и нехотя ответил:

– Я прораб.

– Хорошо, уважаемый господин прораб, вы понимаете, что, осуществляя здесь деятельность без соответствующих документов, вы подводите себя и свое руководство под уголовную ответственность? – Алена говорила с ним мягко и доверительно, будто желала всем присутствующим только добра и поэтому вынуждена была предупредить о самых страшных последствиях столь предосудительного поведения.

– Ты кто такая, чтобы мне указывать? – задал прораб наводящий вопрос.

– Мы жители этого района, – Алена оставалась невозмутима.

– Тогда идите знаете куда, жители? – тактично предложил прораб направление дальнейшего следования.

– Так! – восторжествовала Пси́на, – я вызываю полицию! – Она выхватила из кармана телефон и набрала номер 112.

– Вы не имеет права тут находится. – В голосе прораба появились нотки сомнения. В дикой природе он мог быть носорогом, думала я, глядя на него, и сейчас этот носорог был крайне удивлен и несколько раздосадован тому, что мы не бежали от него сломя голову. Как быть дальше, ему было совершенно непонятно.

– Мы – граждане Российской Федерации и стоим на общественной земле, – приосанившись и гордо вздернув подбородок, сообщила Мария Соловьева.

– Ради вашей же безопасности вы должны покинуть территорию, – не сдавался прораб.

– Нет, пока работы не будут остановлены, – сказала Марина Аркадьевна. Она кивнула на полузаполненный акт у меня в руках, – экосистеме природной территории наносится невосполнимый ущерб. Здесь зафиксированы краснокнижные виды, а вы ведете шумные и земляные работы в выводково-гнездовой период, нарушаете места естественного гнездования птиц. Луговину всю уничтожили. Посмотрите! – Она указала на пруд, обратив всеобщее внимание на мутную воду с белесой взвесью и радужными разводами на поверхности, – пятна нефтепродуктов, – пояснила Марина Аркадьевна, – а там сейчас утки с утятами. Редкие для нашей местности чомги...

– Утки, если им понадобится, перелетят на другой пруд, –

вступился второй суровый мужчина. Перепалка затягивалась, и он, до этого момента хранивший молчание и приглядывавшийся к происходящему, начал терять терпение. Он был в темных очках и в мятой клетчатой рубашке с короткими рукавами. Правая рука у него от локтя до плеча была забита татуировкой с полинезийским орнаментом.

– Представьтесь, пожалуйста! – потребовала Алена.

– Я специалист по благоустройству из дирекции парка, – понизил голос второй суровый мужчина так, что его имя ускользнуло от моих ушей.

Алена нахмурилась.

– Тогда позвольте напомнить вам, уважаемый специалист из дирекции, что особо охраняемые природные территории, а также утки, проживающие в их границах, находятся под защитой федерального и городского законодательства об ООПТ. – отчеканила Алена каждое слово, – документы вы нам так и не предоставили.

– Со всей документацией можно ознакомиться у нас в дирекции, – устало проговорил сотрудник из дирекции.

– Отсутствие документации на площадке – это тоже нарушение, – Марина Аркадьевна кивнула мне, – надо внести в акт.

Я послушно заскребла ручкой по бумаге.

– Вы срываете нам сроки! – взревел прораб, – провокаторы! Вам делать нечего? Идите работу себе найдите и не мешайте нормальным людям! – вопил он и даже тряс кулаками,

но Мария Соловьева прервала его страстный монолог:

– Полицейский экипаж прибыл!

К нам возвращалась Псина в сопровождении двух сотрудников патрульно-постовой службы, облаченных в бронежилеты и с автоматами.

– Сейчас нас всех расстреляют! – встрепенулась Мария Соловьева. Однообразные препирательства заставили ее заскучать и она искренне приветствовала подоспевшее развитие событий. Прораб насупился, а специалист из дирекции напустил на себя утомленно-деловой вид, ожидая, видимо, тем самым обрести понимание, а может быть, даже сочувствие со стороны органов правопорядка.

– Товарищ лейтенант! Неустановленные лица ведут незаконные работы на территории парка, – обратилась Марина Аркадьевна к одному из полицейских.

– Все совершенно не так! – вмешался специалист из дирекции. – Эти жители, – он ткнул пальцем в нашу сторону, – мешают ведению работ по благоустройству парка.

– Но документов на благоустройство нет! – громко оповестила Псина стражей закона.

– Есть, – опроверг информацию специалист из дирекции.

– А вот и нет.

– Нет, есть!

– Нет!

– Есть!

– Заявление писать будете? – Уточнил товарищ лейте-

нант. Он равнодушно взирал на всех с высоты своего опыта борьбы с преступностью и явно не собирался вмешиваться в конфликт, ограничившись формальным мероприятием по приему заявления от лиц, полагавших свои права нарушенными.

– Обязательно! – приготовилась мстить Псина. Лицо товарища лейтенанта на секунду исказила мука, но он, соблюдая протокол, любезно пригласил Псину для заполнения бумаг пройти обратно к машине, предварительно убедившись, что у нее при себе был паспорт.

– Ну что ж! – Хлопнул в ладоши специалист из дирекции, просяив, – пусть полиция со всем разбирается.

– Минуточку! – осадила его Алена. Специалист из дирекции вновь потускнел. – Мы отсюда никуда не уйдем, пока работы не будут остановлены.

– Ладно, – сдался специалист из дирекции, – приходите завтра к нам в дирекцию. Мы вам все покажем.

– А работы?

Специалист замялся. Директор парка вряд ли похвалила бы его за такое самоуправство. Деньги на благоустройство были выделены, работы начались, сроки поджимали.

– Приостановим, – пообещал он с тяжелым вздохом.

– Тогда до завтра! – угрожающе попрощалась Алена.

Специалист из дирекции и прораб еще некоторое время совещались, отойдя от нас подальше. Я наблюдала за ними, отчаянно жалея, что не могу подслушать и не умею читать

по губам.

– Надо искать проект на госзакупках и внимательно смотреть, что они там наворотили... – рассуждала Марина Аркадьевна вслух, ни к кому не обращаясь.

– У нас есть кто-нибудь внимательный в тех домах? – спросила Алена, глядя на высотки через дорогу от парка.

Воздух был влажным и душным. Облака с горизонта плыли почти черные и ветер доносил глухие раскаты грома издалека. Надвигалась гроза. Я шла домой уставшая и беспокойная. Вслед за моим домом кипучая и пагубная деятельность властей добралась и до милого моему сердцу парка, где я гуляла почти каждый день. Единственное место поблизости, где можно было почувствовать себя за городом и, проникшись спокойствием здешних столетних дубов, услышать вечный шепот мира, заглушенный за пределами парка шумом машин и уличной суеты.

Про остановку работ специалист из дирекции нам, конечно, наврал. Рабочие возобновили свой незаконный труд, как только прошла гроза. Об этом Алене тут же сообщила ее знакомая бдительная старушка и счастливая обладательница окон с видом на парк в одной из высоток. Нам пришлось по очереди дежурить до самой ночи.

Елизавета Эдуардовна всегда считала, что достойна большего. В детстве она любила крутиться перед огромным антикварным зеркалом в тяжелой, резной раме. Вместе с бу-

харским ковром, висевшим на стене в маминой спальне, и шкапулкой в виде маленького домика оно чудом сохранилось от прабабки с невразумительно-аристократической родословной. Темно-синее платье в мелкий белый цветочек, которое сшила для нее мама, казалось маленькой Елизавете Эдуардовне самым красивым на свете. Она любовалась им и собой в старом зеркале, пока мама вплетала голубые ленты в ее светлые локоны. Ласковые прикосновения мамы погружали Елизавету Эдуардовну в теплый и бескрайний океан любви, где она, как большая рыба, лениво парила, перебирая радужными плавниками, по счастливому и неторопливому течению жизни. И мама Елизаветы Эдуардовны любовалась назревающей красотой своей дочери, то мурлыкая засевавший в голове мотив, то приговаривая нараспев:

– В каждой маленькой девочке внутри спит королева...

Елизавета Эдуардовна, затаив дыхание, прислушивалась. Слова несли саму собой разумеющуюся истину. Мир был таким, как говорила мама, а мама не могла ошибаться.

– Я обязательно стану королевой, когда вырасту, – со всей серьезностью пообещала Елизавета Эдуардовна.

– Ох, – с печальной улыбкой вздохнула мама, – только не в Северодвинске, зайка.

Но Елизавета Эдуардовна уже все для себя решила и с тех пор старалась вести себя соответствующе. Родные потешались над ней, называли барыней, отчего она убегала от их унижительных насмешек вся в слезах. Больше всего ее рани-

ло предательство мамы, которая добродушно убеждала ее в наивности стремлений. Спустя десять лет, отчаявшись обрести поддержку и понимание, Елизавета Эдуардовна уехала за своей мечтой в Москву с намерением никогда не возвращаться.

Столица встретила двадцатилетнюю провинциальную девушку монотонной толкучкой в метро, обшарпанной съемной комнатой в Гольянове и еле-тлеющей в витринах модных магазинов надеждой на другую жизнь. Понеслись скорым поездом годы упорного труда. Сначала было невыносимо. Комнату Елизавета Эдуардовна снимала у древней, полуслепой старухи, страшной и жалкой. Ноги у нее были страшно опухшие, покрытые коростой и обвязанные вздувшимися венами. Перемещалась она редко и мучительно – больше дремала, утопая в мяготи посеревших, засаленных подушек, на лежанке, умещенной в дальнем углу на кухне. Старость и болезни лишили ее человеческих черт. Медленно раздувалась она вширь, превращалась в печальное, горбатое чудище, трепетно хранившее покой и некогда бесценный, а ныне пыльный хлам в своей убогой каморке, проросшей по стенам коврами, как мхом.

Иногда к бабке приходила соцработница Галдан. Елизавета Эдуардовна как-то столкнулась с ней, отпросившись после обеда с работы домой. Соцработница была расторопной и тихой. Умело ходила она за старухой, без раздражения. Ее гладкое, плоское лицо хранило отчужденное спокойствие,

только в темной глубине остро глядящих, раскосых глаз то вздымались скованные ледниками вершины далеких горных хребтов, то разливались мягкой зеленой волной округлые долины. От присутствия соцработницы Елизавета Эдуардовна ощутила нервозный трепет внутри и поспешила спрятаться в своей комнате. Старуха же, истосковавшаяся от одиночества, тянулась к ласке соцработницы, ворковала с ней и умоляла плаксиво: "Боюсь помирать, Галдан! Отгони смерть от меня! Отгони!"

Елизавета Эдуардовна услышала быстрые шаги из кухни в коридор. Соцработница порылась в сумке и вернулась обратно к старухе. Жесткие, ритмичные звуки в ключья разорвали тишину квартиры. Соцработница била в бубен, а следом ручьем о камни зажурчал ее низкий, хрипучий напев. Воздух дрожал и густел, пропитанный упруго тянущимся благозвучием древнего языка. Мир прислушивался к соцработнице, замороженный бойким тактом бубна. На секунду или две он раскрыл перед внутренним взором Елизаветы Эдуардовны туманное свое нутро, исполненное тайных помыслов. И она пошла вслед за своим будущим, куда влекли ее самые сокровенные чаяния. Там был блеск и свет, и уровень комфорта, который достигается в новом "мерседесе". Красивые, элегантные люди прогуливались по улицам, обустроенным по самым высоким цивилизационным стандартам – гранит, зелень и качественный свет. Они сидели в уличных кафе и любовались проходящими мимо своими же отраже-

ниями в витринах, зеркалах, глядели друг на друга с рекламы. Городская суэта обратилась модным дефиле. Социум источал сладчайший аромат гламура, им же дышал. Каждый горожанин восхищался собой постоянно, но ненавязчиво. И среди блистательной публики Елизавета Эдуардовна нашла саму себя. Как уютно было ей, как легко и приятно. Видение оборвалось и реальность оглушила Елизавету Эдуардовну неукротимой тоской до звона в ушах.

Она выглянула из комнаты. Старуха развалилась на лежанке как принесенная на алтарь жертва. На губах у нее застыла блаженная улыбка. В коридоре собиралась уходить соцработница. Елизавета Эдуардовна вышла к ней и замерла в нерешительности. Слова застряли в горле и совсем не хотели вылетать из рта. Соцработница подняла на нее свои темные, холодные глаза.

– Мы тут нафиг никому не нужны, – сказала она тихо, сняв с крючка пальто. – Все только от нас и зависит.

Одевшись, соцработница ушла. Старуха через год померла, завещав, как выяснилось, квартиру соцработнице. Елизавете Эдуардовне пришлось съехать, но ей было уже все равно. Эти пять лет своей жизни она все равно хотела напрочь забыть. Невидимая сила провидения подхватила ее и начала выталкивать со дна того затхлого болота, где она томилась, вверх – на свежий, прозрачный воздух финансового благополучия, в пределы Третьего транспортного кольца. И еще спустя десять лет удачного брака с влиятельным человеком

извилистый карьерный путь привел ее в просторный личный кабинет в бывшем особняке Нарышкиных.

– Или Юсуповых, – поправилась Елизавета Эдуардовна, отхлебнув свой клубничный дайкири, – в общем, что-то царское.

Аля, с которой они вместе начинали в Москве и которой Елизавета Эдуардовна могла доверить свои самые сокровенные мысли, промышала что-то сочувственное сквозь клубы душистого дыма. Аля работала в Департаменте культуры и дослужилась до заместителя руководителя. Они встретились покурить кальян и поболтать в недавно открывшемся, но уже самом трендовом лаунж-баре. Вокруг Елизаветы Эдуардовны за соседними столиками на уютных, пухлах диванах, среди восточных узоров, золота, вышивки, бирюзы и аппетитных запахов изысканных блюд сидели счастливые, успешные люди в расцвете сил и экономической активности. С горьким сожалением она больше не ощущала свою причастность к их блестящему обществу. Еще недавно она была солидным директором одного исторического сада в центре Москвы, энергично и хватко вела свою деятельность с помощью родственников по мужу и проверенных друзей.

Конфликты с общественностью, конечно, случались, но воспринимались мелочью. Недовольные были всегда и торчали они преимущественно в фейсбуке. Их бесполезное нытье и критика обязательно перерастали в выяснение между собой, кто больший москвич и чья семейная история пророс-

ла корнями глубже во тьму прошлого. Сама Елизавета Эдуардовна смотрела только в стремительно обрастающее благосостоянием светлое будущее и брезгливо стряхивала налипавший на ее лакированные Маноло Бланик прах нищевродов, бездельников и душных старушек.

– Все нормально же было! – воскликнула Елизавета Эдуардовна, покончив с десертом. В раздражении она кинула вилочку. Та жалобно звякнула о расписанное красными маками золоченое блюдо. Подруга сквозь клубы дыма бормотала ей какие-то слова поддержки, но ее маловразумительный треп мало успокаивал.

– Все так делают! – зло смяла салфетку Елизавета Эдуардовна, – Важен не процесс, а результат. В конечном итоге для жителей и стараемся.

Не все жители оказались благодарны ей за благоустройство. Гурьбой ходили по ее саду мутные личности и дружно оплакивали выдуманную ими же самими утрату исторического памятника. И был среди них один шибко умный активист. Своими застиранными носками в поношенных сандаликах он вызывал у Елизаветы Эдуардовны чувство брезгливости и омерзения. Во всеуслышание с важностью, достойной префекта, он заявляла, что защищает культурное наследие, да так, будто являлся единоличным его хозяином по праву рождения в столице.

"Для коренных Москвичей в Москве должен быть особен-

ный статус и привилегии." – Писал он в районной группе. – "Какая-то тотальная несправедливость, что понаехавшие из регионов именуют гордо себя Москвичами. Моя семья поколениями живет в Москве. Я – сын профессуры, воспитывался среди интеллектуальной элиты.

Сейчас я с ужасом наблюдаю, как понаехавший мэр ручками понаехавшей директорши Лизаветы и нанятых ею таджиков издеваются над нашим старым городским садом, где в детстве я любил гулять со своей бабушкой. Посмотрите, что они сотворили со статуей из ансамбля фонтана. Ступни Афродиты, богини любви и красоты, превратили в лягушачьи лапки. Кто допустил такое, спросите вы, а я отвечу – директор Лизавета. Компания, которая занимается благоустройством сада, принадлежит двоюродному брату ее влиятельного мужа. Вероятно, в качестве благодарности за прибыльный контракт, контора решила подмазать богине ножки. Я смотрю на это и наглядно вижу, как понаехавшие манкурты разрушают все, что так дорого нам, Москвичам!"

Удар успешно отразила спешно вмешавшаяся Аля. Департамент культуры выпустил пресс-релиз с заявлением, что Афродиту реставрировали опытные специалисты из "Росреставрации". В подлинной работе русских мастеров XVIII века ничего не исправляли. В ответ от надменного активиста последовал нокаут. На суд негодующей публике он вывалил документы, представленные на тендер. В них подрядчик указал номер лицензии на работу с объектами культурного на-

следия и лицензия эта была выдана Минкультом совершенно другой организации. Двоюродный брат супруга незамедлительно отправился в США поправлять пошатнувшееся здоровье. Он копал еще в двух парках в центре Москвы и общая сумма освоенных за сезон бюджетных средств стремительно приближалась к двум миллиардам рублей. Рисковать он не стал. Скандал замять не получилось. История с лицензией разлетелась по соцсетям, а оттуда подло проникла в эфир городского телеканала "Москва-24". Подробностями лениво заинтересовался заваленный жалобами УБЭП. Аля умыла руки. Под улюлюканье сварливой толпы Елизавета Эдуардовна была освобождена от занимаемой должности.

– Отсидишься в другом парке, – Аля выдохнула струю ароматного дыма.

Ее равнодушие неожиданно больно ударило по самолюбию Елизаветы Эдуардовны.

– Ничего. – твердо пообещала она подруге. Та в качестве морально поддержки любезно оплатила их общий счет. – Я и там поднимусь.

Но на душе было скверно, будто Елизавета Эдуардовна откатилась обратно к немощной, глухой старухе в давно уже забытый, обшарпанный клоповник.

– Так, – уточнила Псина, – а образование-то у нее какое? Она же должна соответствовать занимаемой должности!

Мария Соловьева пожала плечами. Историю директора

парка она услышала от Марины Аркадьевны. Ей же подробности скандала рассказал за пластиковым стаканчиком чая тот самый муниципальный депутат в перерыве экосеминара в Сахаровском центре.

– Наши соседи накопили много неллицеприятных фактов, но диплома о высшем образовании среди них нет, – ответила Мария.

– Как же так? – удивилась Псина.

Мария Соловьева снова пожалала плечами.

Дирекция, куда мы втроем неторопливо брели, располагалась в маленьком особняке в глубине парка. Снаружи он был недавно отремонтирован и через густую зелень сиял свежим бледно-желтым цветом. Внутри он был похож на старую загородную усадьбу: пах теплым деревом, под ногами скрипели рассохшиеся половицы, а стены были украшены гербариями и детскими рисунками на тему природы. По обе стороны прихожей видны были крохотные кабинеты, забытые столами и шкапами. Узкая крутая лестница неустойчиво вела на второй этаж, где среди множества похожих дверей в конце коридора мы нашли нужную нам.

Марина Аркадьевна уже сидела в кабинете директора парка. Поздоровавшись с нами, она продолжила монотонно бубнить:

– Наш парк является частью большого лесного массива, но отрезан от него широким шоссе. Статус у этого куска такой же как у всего леса, особо охраняемая природная терри-

тория, но выделен как рекреационная зона. Такие зоны есть в каждой особо охраняемой природной территории. Наш лес не какое-то исключение. Год назад парк был передан под управление Мосгорпарку, то есть вам. Но Мосгорпарк относится не к Департаменту природопользования, а к Департаменту культуры. Однако основной целью функционирования охраняемых территорий является сохранение и поддержание биоразнообразия в городских условиях. Система городских лесов работает на устранение негативных факторов антропогенного воздействия на экологию. Воздух должен быть чистым, а среда благоприятной. Но власти почему-то не видят ценности в этих массивах. Отрезают постоянно куски под застройку. В Кусково в прошлом году вырубили двадцать гектаров для строительства хорды. И компенсируют почему-то не как положено, а внутривидовыми территориями. Законы нарушаются повсеместно. Теперь вот и наш парк хотят сделать учреждением культуры, а это неправильно. Никуда не годится. Мы с вами должны постараться сохранить изначальное назначение парка. Парк надо беречь.

Елизавета Эдуардовна безуспешно пыталась скрыться от Марины Аркадьевны за монитором своего макбука. Ее стол занимал большую часть пространства кабинета. Мы заняли места за вторым, перпендикулярно приставленным столом поменьше. На стуле в углу ютилась невзрачная секретарь с блокнотом в руках и диктофоном на коленях.

– Итак, – терпеливо дослушав до конца, холодно сказала

Елизавета Эдуардовна, – вы же понимаете, что благоустройство делается для вас, жителей. Оно необходимо и оно будет.

– Это мы еще посмотрим, – буркнула Псина, угрожающе скрестив руки на груди и всем своим видом выражая протест.

Елизавета Эдуардовна метнула в ее сторону испепеляющий взгляд, но не встретила никакой ответной реакции, и потому продолжила:

– Я забочусь о своих посетителях. Людям надо прививать культуру, в том числе культуру отдыха. Чтобы мамочки водку не бухали, а потом в пруду не тонули.

– Буквально на днях вы утверждали, что они бухали пиво, – заметила Мария Соловьева. Она раскрыла блокнот и стала делать в нем пометки.

Елизавета Эдуардовна поджала губы.

– И тем не менее, – попыталась продолжить она, но ее тут же перебила Марина Аркадьевна.

– Какой комплект проектной документации вы отправили на государственную экологическую экспертизу? – спросила она.

Возникла напряженная пауза, во время которой директор парка, замаявшись, очевидно подбирала нужные слова.

– На государственную экологическую экспертизу мы отправили все, что требуется по закону, – медленно проговорила она.

– А конкретнее можете перечислить? – настаивала Мари-

на Аркадьевна.

– Еще раз, – Елизавета Эдуардовна бросила на нее испуганный взгляд, – мы отправили все, что было необходимо.

– А что было необходимо?

– Послушайте! Наша юридическая служба работает в полном соответствии с законодательством. Все документы у нас в порядке. Мы должны сейчас думать о будущем развитии парка, поэтому предлагаю вести диалог в конструктивном русле.

Круглое лицо Псины побагровело от ярости.

– Вы вообще не видите, что происходит в парке? – рычала она, – мы нашли кучу нарушений! Сходите посмотрите сами! Вмешайтесь!

– Это не наша зона ответственности, мы отвечаем только за проект. Заказчиком работ является Департамент капитального ремонта. Предъявляйте свои претензии ему.

– Но вам же потом принимать весь этот бардак на баланс! – не сдавалась Псина.

– Уверена, коллеги справятся со всем безукоризненно, – в голосе Елизаветы Эдуардовны было больше злости нежели уверенности. Распросы ее раздражали и она явно планировала закончить встречу как можно скорее. Псина же останавливаться не собиралась и открыла было рот, чтобы возразить, но Мария Соловьева ее опередила.

– А на руках проект у вас есть?

Марина Аркадьевна одобрительно кивнула, поддерживая

вопрос.

– Дааа... – протянула Елизавета Эдуардовна, сощурившись от подозрений.

– Мы можем на него взглянуть? – убедительно попросила Мария.

– Думаю, можно, – директору парка не удалось скрыть своего сомнения в принятом решении, но все-таки она попросила секретаря принести документацию.

– На общественных обсуждениях проекта благоустройства, о которых почему-то забыли жителей оповестить, – принялась объяснять Марина Аркадьевна, придвигая к себе по очереди каждую из пяти толстых папок и пролистывая их, – нам показывали концепцию проекта. Там были только веселые картинки. И том 8 с перечнем мероприятий по охране окружающей среды во время проведения работ. – Она, не торопясь, разворачивала и внимательно рассматривала каждый план. Директор парка хищно следила за каждым ее движением. – Мы нашли в закупках весь проект. Изучили. И там есть любопытное несоответствие. В томе 8 нет того, что есть в других томах проекта, которые нам, к сожалению, на обсуждениях не показали... Вот! – указала Марина Аркадьевна в раскрытом плане построек на два оранжевых прямоугольника на берегу пруда. – В тексте экспертизы эти здания тоже не упоминаются, а значит, эксперты их не видели. Отсюда мой вопрос, какой комплект документации вы отправляли на государственную экологическую экспертизу.

Каменным лицом директора парка можно было кроить черепа. С ненавистью оглядев нас поверх монитора, она отчеканила:

– Мы отправляли все, что требуется по закону. Уверена, случилось какое-то недоразумение.

"В нашем парке построят Елизаветинский дворец!" – объявила Мария Соловьева в районной группе. Ее пост вызвал небывалую по накалу дискуссию, значительная часть которой, впрочем, мало была связана с тем, что было описано в посте. Некоторое время назад мне казалось, что такая махинация неизбежно привлечет к себе внимание правоохранительных органов, но мой энтузиазм быстро угас.

"Новейшая история нашего парка, – писала Мария, – стремительно становится запутанной и вопиющей. Страшно предположить, что творится в крупных природоохранных зонах, если у нас такая вакханалия. Много чего неприглядного всплывает в упорном ходе общественного расследования – это и нарушения строительных норм со стороны подрядчика, и несоответствие работ проекту (сюда, думаю, можно отнести и общую ущербность их реализации), и изменение целевого назначения участка, и нарушение законодательства об ООПТ, а точнее – строительство двух капитальных объектов.

Об этом чуть подробнее.

Сейчас в центральной части парка на северном берегу

пруда строятся два здания, обозначенных во всех томах проекта благоустройства как многофункциональный культурно-досуговый комплекс с площадью застройки порядка 700 кв.м. И только в томе 8 и акте государственной экологической экспертизы эти капитальные сооружения никак не упомянуты, что подтверждается в письме прокуратуры, которое есть у меня на руках.

Однако в следующем ответе г-жа заместитель прокурора неожиданно повторяет версию, которой кормил меня Департамент природопользования еще летом, но от которой впоследствии отказался ввиду ее полной несостоятельности. Итак, г-жа заместитель прокурора пишет: "Установлено, что многофункциональный культурно-досуговый комплекс (Павильоны №1 и №2) в проектной документации обозначен как многофункциональный спортивный досуговый центр с балансовыми показателями территории под застройку 122 кв.м. Данный объект указан с аналогичным названием в положительном заключении государственной экологической экспертизы Департамента природопользования и охраны окружающей среды".

А теперь – самое интересное. В материалах прокуратуры лежит объяснительная, данная руководителем экспертной комиссии, где та сообщает, что в томе 8 "Перечень мероприятий по охране окружающей среды" являлся ключевым материалом для принятия решения о соответствии проектной документации природоохранному законодательству.

И действительно, в томе 8 никакого многофункционального культурно-досугового комплекса нет. Оба павильона приписаны к многофункциональному спортивному досуговому центру, который строится на восточном берегу пруда, ближе к главному входу в парк.

Такая ошибка есть только в томе 8. И что поразительно – именно этот том, в свою очередь, отсутствует в тендерной документации, вывешенной на сайте госзакупок. Видимо, сделано это для того, чтобы не смущать подрядчика. Остальные тома содержат в себе полный перечень строений.

Похоже, таким образом ответственные должностные лица попытались замаскировать двухэтажный Елизаветинский дворец, где с комфортом разместится администрация нашего парка, и кафе, куда сотрудники смогут ходить на обед".

К посту Мария прицепила картинки павильонов досугового комплекса и спортивного центра. Парковая архитектура готовилась пополниться образцами условно-скандинавского дизайна на усреднено-казенный вкус. Оба ансамбля напоминали скорее деревянные бани для многочисленных гостей на задворках богатой дачи. К моему разочарованию, граждане в комментариях беспощадно приветствовали все новое, которое по их мнению было лучше, чем ничего. Мои соседи по району требовали от природы пододвинуться, чтобы они могли расположиться со всеми удобствами. "В парке должна быть кафешка, где можно перекусить!" – писали одни. "И

туалеты нужно сделать нормальные, а не совковое очко", – другие жалели о том, что прокладку водопровода и канализацию не запланировали. "А что плохого в детских площадках?" – вскидывались мамы и бабушки. "А мы хотим заниматься спортом на свежем воздухе", – комментировали физкультурники сооружение отдельной обширной спортивной зоны с тренажерами, пунктами проката и площадками для футбола и волейбола. "Может, дорожки наконец заасфальтируют?" – высказывались велосипедисты и те, кто жаловался на лужи. "Что вы лезете? Наш парк наконец сделают красивым и ухоженным!" – упрекали они нас все вместе.

Природа не должна была демонстрировать раздражающее своеволие – быть грязной, неухоженной, слишком естественной. Она обязана была склониться и стать фоном для селфи в инстаграме. Новые потребительские свойства маленького кусочка леса, отрезанного от своего старшего брата, оказались ближе и понятнее. Абстрактные же эстетика, память, преемственность, даже экология и законность никак не были связаны с сиюминутными интересами и заботами гуляющих в парке граждан. Мы быстро стали для них врагами. Как, впрочем, и для контрольно-надзорных органов. Система нормативных ограничений и предписаний оказалась слишком сложной, чтобы и чиновники, и их подрядчики смогли ее блюсти, проще было идти по пути нарушений и преступлений, чтобы побыстрее получить от территории желаемый функционал и прибыль. И тут на каждом шагу они

натыкались на наш маленький воинствующий отряд.

– Прокуратура – это вам не скорая помощь! – Строго отчитывал нас прокурор московской межрайонной природоохранной прокуратуры города Москвы. – И нечего сюда ходить, как на работу.

Прокурор сидел за большим столом в окружении стопок бумаг и папок и не отвлекался от их просмотра во время нашей с ним беседы.

– Ринат Мансурович, – со всем уважением вступилась Алена, – вы нам это говорите каждый раз, когда мы к вам приходим. Прошло уже почти полгода, а прокуратура все никак не возбудится.

Обычно на ставший уже традиционным прием к прокурору Алена ездила вместе с Мариной Аркадьевной, но та сейчас отвлеклась на разборки с иллюминацией в парке на Воробьевых горах. Мэрия при помощи вложенных в проект миллиардов превратила парк в разноцветный приход кислотного наркомана. Результат благоустройства был потенциально опасен для психики нормальных людей и грозил распугать оставшихся там редких животных и птиц. Старожилы и экологи негодовали. Кажется, даже туристы, ради привлечения которых все и затевалось, были в некотором шоке.

Такое событие ставившая своей целью защиту и спасение природного комплекса всей столицы Марина Аркадьевна проигнорировать никак не могла, поэтому велела идти с Аленой мне.

– Коммунистам доверять нельзя, – коротко сообщила она на мое возражение, что Мария, возможно, справится лучше.

– Тяжело заставить их хотя бы не грызться на людях, – пожаловалась Алена, когда я передала ей слова Марины Аркадьевны. – Достали.

В здании прокуратуры было пусто. Стук алениных каблучков неся впереди нас по светлому желтому коридору с вереницей темных, закрытых дверей.

– Маловато народу, – отметила я, озираясь вокруг. – Учитывая то, что сейчас по всему городу творится.

Я почти бежала за Аленой, которая двигалась необычайно энергично, но сохраняя достоинство. Наконец, добравшись до нужного кабинета, мы влетели в приемную прокурора. Его помощница тут же попросила нас подождать, хотя мы записались на встречу заранее и наше время как раз подошло.

– Оцени, – прошептала мне Алена, когда мы уселись под дверь в кабинет прокурора. Она глазами указала на помощницу, во всем облике которой запечатлелись все последние бьюти-тренды. Невозможно было оторвать от нее взгляд, настолько она была хороша собой. Своими манерами, осанкой и гордым профилем она напоминала египетскую царицу.

– Полный спа на лице, – шептала Алена, – и под лицо наверняка тоже.

– Я попрошу вас не делать необоснованных выводов, – потребовал Ринат Мансурович, – мы завели три административных дела, наложили штрафные санкции и выдали пред-

ставление о приостановке работ.

– Штрафы по пятнадцать тысяч им как слону дробинка, а работы по-прежнему идут, – проинформировала его Алена, – более того, мы зафиксировали многочисленные отступления от проекта, не считая двух капитальных зданий, которых нет в экспертизе. Это все делает ее недействительной.

– Только в судебном порядке, – Ринат Мансурович отвлекся от своих бумаг и, откинувшись в кресле, недобро смотрел на нас.

– В судебном порядке экспертиза оспаривается только, если бы мы были несогласны с ее выводами. А мы согласны! – возразила Алена, – Двух зданий на северном берегу быть не должно. Налицо мошенничество с документацией!

– Я попрошу здесь без резких высказываний! – призвал Ринат Мансурович к порядку. – Благоустройство вашего парка мы держим на контроле.

– Рука руку моет! – раздраженно выплюнула Алена, когда мы покинули кабинет прокурора. Его помощница проводила нас долгим, тяжелым взглядом исподлобья.

– Мы ходим по кругу, – сетовала я, пока мы ехали домой. – Талдычу одно и то же, высылаю фото, видео, законы цитирую, но в ответ мне приходят только терапевтические отписки, что все хорошо. Своими глазами я вижу, что все очень плохо. Безумие какое-то!

– Ну, какой-то толк все-таки есть. – Алена задумчиво просматривала почту у себя в телефоне. – Вот, мне пишут, что

заместитель руководителя Департамента капитального ремонта Журавликов начинает обильно потеть и заикаться при одном только упоминании нашей дорогой Псины Ушастой.

– Жаль, что его не шибает инсульт каждый раз, – проворчала я.

Надо отдать должное. Псина, взявшая на себя контроль за соблюдением строительных технологий и СНИПов, отправляла, наверное, с десятков жалоб каждый день, а то и больше. Прораб ходил за нами по пятам, стоило ему только заметить нас неподалеку от строительной площадки, и обильно причитал о наших кознях. Псину он ненавидел особенно люто. Она со знанием дела щупала сварные швы и находила их небрежно выполненными, расковыривала краску, обнаруживая отсутствие грунтовки, обращала внимание на раскиданные по земле стройматериалы, не укрытые от осадков, оценивала скептически сорт древесины для построек и выясняла, что вместо заявленной лиственницы завезли плохо просушенную сосну. О всех своих находках она непременно уведомляла Департамент капитального ремонта. В моем архиве, где я собирала ответы всех инстанций, писем от Департамента было уже почти под сотню.

– У заместителя руководителя крепкое здоровье, – философски заключила Алена.

Президент Владимир Владимирович и мэр Сергей Семенович смотрели с желтой стены на меня спокойно, как небо-

жители, далекие и отрешенные, безучастные к мелочному копошению вокруг парка.

– Я не понимаю, почему вы против благоустройства! – удивился депутат Московской городской думы Павел Сергеевич. Он сидел в кресле, повернувшись к нам чуть боком, аккуратно под портретами двух лидеров, ненавязчиво тем самым завершив сакральную композицию. Районная приемная у него была тесная, почти все пространство занимали два стола, составленные буквой "Т". Единственное окно было закрыто жалюзи. В прихожей стоял стол помощника депутата, угрюмого юноши с темными кругами под потухшими глазами.

– Ко мне приходят жители, – продолжил он. И действительно, у входа в его приемную в нашем районе мы столкнулись с дамой, в которой я узнала служительницу Богородицы, распространявшую пророчества-стихи-песнопения.

– Они благодарят! – Продолжал Павел Сергеевич, размахивая руками. – Они радуются! Они говорят: наконец у нас в парке появятся места, где можно культурно отдыхать и развлекаться!

На днях в ленте районной группы мелькнул анонс его предновогоднего приема жителей и Марина Аркадьевна предложила попытать счастья, хотя все, включая ее саму, не питали никаких особых надежд на помощь со стороны представителя партии власти.

"Он хитрый старый жук, бывший фсбэшник", – в чате пре-

дупредила нас Алена и, сославшись на занятость, идти отказалась. Псина в тот день не смогла отпроситься с работы и предпочла посвятить себя эпистолярному терроризированию органов исполнительной власти.

"Попробовать можно, конечно", – написала Мария Соловьева, – "мундепы сейчас собачатся между собой, есть некоторый шанс, что единорожики решат встать на нашу сторону, чтобы насолить оппозиции".

Муниципальные выборы, прошедшие в сентябре, были жаркими. В неравной борьбе, достойной остросюжетного фильма с погоней за председателем территориальной избирательной комиссии, пытавшегося скрыться с протоколами голосования, вызовами полиции и взломом коммунистами двери, за которой скрывался председатель, оппозиционеры вырвали из рук провластных семь из пятнадцати мест в Совете депутатов муниципального округа. Депутаты тут же погрязли в интригах, постоянно выясняя отношения между собой, а также кто из них предатель, а кто кровавый сталинист. Попытки избрать главу Совета тоже потерпели неудачу. Ни партии власти, ни оппозиции не удавалось никак набрать нужные две трети голосов, и советом продолжал управлять доставшийся в наследство от прошлого созыва глава – Виктор Геннадьевич. Депутат вышестоящей Мосгордумы Павел Сергеевич же, вполне вероятно, мог взять на себя почетную обязанность поддерживать и направлять своих младших муниципальных братьев в их поединке с непокорными оппози-

ционерами.

– Да и я сам, позвольте, – вещал безоблачный Павел Сергеевич, – не вижу ничего зазорного в том, чтобы в парке покататься с семьей, скажем, на аттракционах или поесть мороженца...

Накануне Алена накидала в чатик скриншотов из закрытого инстаграма его молодой жены, которая, посетив какой-то мастер-класс, занималась производством хенд-мейд косметики. Такая женщина если и будет есть мороженце, то только разве что в парке Ретиро в Мадриде. "Попробовала я ее крем. Такое и на жопу мазать страшно. Поставляют в салоны красоты в Крыму, кстати", – сопровождала Алена фотографии бесценной информацией.

Довольный своими рассуждениями, Павел Сергеевич поглаживал белые усы и широко улыбался.

– Мы не против благоустройства. Мы против нарушения законов, – ответила Мария Соловьева. Перед ней на столе стоял фотоаппарат, она записывала нашу встречу. И депутат работал на камеру, начав разговор с того, как он горой стоит за жителей.

– Ну что вы! – воскликнул Павел Сергеевич и замахал руками так, будто хотел отбиться от такой крамолы. – Елизавета Эдуардовна – уважаемый человек. Немыслимо, чтобы она допустила такое!

– Не только допускает, но и покрывает, – серьезно заявила Мария.

Возникла неловкая пауза, во время которой было слышно, как тяжело сопел помощник депутата, сидевший рядом со мной. Он тщательно записал наши имена, адреса и телефоны, а также по какому вопросу мы пришли. Сфотографировал нас, чтобы сделать формальный пост-отчет на странице Павла Сергеевича в фейсбуке.

Легко было предположить, что он напишет:

"Последний в этом году приём жителей прошел. Ко мне обращаются жители с совершенно разными проблемами и вопросами: бла-бла-бла. Друзья, я всегда рад оказать помощь в вопросах, с которыми вы ко мне обращаетесь. Благодарю за оказанное доверие!"

Павел Сергеевич собирался с мыслью, поэтому инициативу в разговоре перехватила Марина Аркадьевна, представившаяся членом экологического совета округа. Она начала излагать трагичную историю благоустройства со всеми мельчайшими подробностями, которые мы с Марией тоже добавляли по мере необходимости, в ее пространственный монолог. Павел Сергеевич сидел неподвижно, сложив руки, сцепленные в замок, на животе и пристально смотрел в нашу сторону. По выражению его лица было件нятно, что он запутался еще до того, как тяжелая строительная техника въехала в парк без документов. Его измученный помощник обиженно склонился над листом бумаги и с моей подсказки делал краткие записи. Он то и дело горько вздыхал, выражая свою безутешную скорбь. Когда поток информации от Марины Аркадьев-

ны иссяк, депутат оживился и задал единственный возникший у него вопрос.

– Простите, а вы кто? – Он замахал руками, помогая себе сформулировать вопрос точнее, – в смысле, от какой вы организации?

– Ни от какой!– выпалила Мария Соловьева, когда я собиралась упомянуть Народный совет. – Мы жители района.

– И вам никто не платит за все это? – Павел Сергеевич указал на бумаги, которые мы сложили перед ним на столе.

– Мы занимаемся этим в свободное от работы время, – отрезала Марина Аркадьевна.

Перед нашим уходом помощник пролистал мое обращение, полноценный талмуд с детальным разбором нарушений, выжимками из законодательства, фотографиями и копиями писем из инстанций – серьезное произведение бюрократического мастерства, над которым я сидела почти неделю.

– Мне придется разбираться с этим все новогодние праздники, – жалобно пискнул помощник депутата.

– Ваша служба и опасна и трудна! – Подбодрила его Мария Соловьева, вручив в нагрузку свои два листочка.

В тот день, по мнению депутата Павла Сергеевича, его помощник Виталий надел крайне фривольную рубашку. Вроде бы все в ней было и прилично, и как обычно, но нежно-голубая ткань была настолько тонка, что казалась полупрозрачной, а фасон излишне обтягивающим, отчего были вид-

ны поникшие сисечки его полноватого помощника. И каждый раз, когда тот являлся на глаза депутату, взгляд Павла Сергеевича не мог отлипнуть от этих мужских сисечек со втянутыми сосочками. Они были удивительно под стать вялому, флегматичному темпераменту своего обладателя. Павел Сергеевич рассматривал их исподтишка одновременно с чувством и любопытства, и гадливости, как ребенок рассматривает вынутую из носа козявку. Смутившись от собственного такого пристального внимания и опасаясь, как бы помощник не заметил и чего не подумал, депутат перевел взгляд на часы.

Сконцентрировавшись на секундной стрелке, он с досадой отметил ее медлительный ход. Секунды текли как минуты, а занудная старуха, пришедшая к нему на прием, все не затыкалась, будто хотела известить его со свету своими жалобами и просьбами. Речь ее была бессвязной, она постоянно перескакивала с одной темы на другую. То она причитала о постоянно протекающей после капитального ремонта крыше, то принималась требовать отселить ее, ветерана всего на свете, от сына с невесткой. Судя по ее рассказу, отпрыски плодились с невероятной скоростью и она вкрадчиво просила посодествовать включению их дома в первую волну реновации, потому что сын прочел где-то, что всем обещают отдельные квартиры. Все это перебивалось благодарностями депутату по всяким мелочам. Павел Сергеевич кивал, но слушал вполуха. Задача вникнуть, законспектировать и по-

мочь составить обращение лежала на его апатичном помощнике. Усилием воли депутат депутат удержался, чтобы не посмотреть вновь на Виталия. Сисечки были все еще там.

Определенно Павел Сергеевич – большой молодец, что держал себя в форме и в свои пятьдесят семь, был бодр, подтянут и смог позволить себе молодую, красивую жену взамен постаревшей. Павел Сергеевич находился в зените славы и благосостояния. Он никак не мог позволить держать при себе некондицию. Перед коллегами было стыдно. Жена же в момент объяснения резко воспротивилась появлению любовницы и, получив щедрые отступные, гордо удалилась на юг Франции. Так полноправной хозяйкой в его жизнь вошла ослепительная Каролиночка, "Мисс Воронеж-2015". Свежая и томная, как первоцвет, она мгновенно очаровала Павла Сергеевича своими сочными губками и по-детски капризным, но в целом покладистым характером. Николай Угодник благословил их союз.

Мало кто знал, что святой Чудотворец уже много лет посещал Павла Сергеевича во снах. Он всегда являлся окутанный лучезарным сиянием и овеянный благоуханием ладана, в золотых одеждах и осыпанной драгоценными камнями мирте. Охваченный набожным трепетом и благоговением Павел Сергеевич низко склонялся перед пламенеющим ликом святого, с упоением моля о наставлении.

Никаких серьезных решений без совета Николая Угодника депутат не принимал и действовал осторожно – только

по святейшему наущению. Никогда его мудрый совет Павла Сергеевича не подводил. Особенно Николай Угодник помог, когда спокойствие депутата начал подрывать стремительно распространившийся в интернете ролик, в котором видный оппозиционер, прозападного толка и оттуда же, очевидно, финансируемый, в самых мерзких и порочащих добродетельную репутацию Павла Сергеевича эпитетах расписывал его имущество, заблаговременно отписанное им матери-пенсионерке. В стиле американских теле-проповедников беспардонный оппозиционер бесцеремонно изобличал нажитые Павлом Сергеевичем богатства, скрупулезно подсчитывая стоимость каждого актива. Все действие сопровождалось фото- и видеоматериалами. Было во всем этом что-то пошлое, даже порнографическое, заставлявшее Павла Сергеевича чувствовать себя выставленным голым перед ликующей, невежественной толпой, пока доморощенный Савонарола исступленно скандировал "Это наши деньги!", "Мы здесь власть!" и прочий популистский бред.

Тогда Николай Угодник ему сказал: "Должен ты быть спокоен и тверд в своей патриотической позиции. Хулу предателей, коих кормит Запад, должно презреть. Нехай сам отступник несет бремя доказательства своей ереси перед лицом земных владык, чьими стараниями порядок и достаток торжествует. Не лѣть позволять всяким либеральным проходимцам качать богопомазанный земной престол. Бо жизнь человеческая одна и принадлежит всецело отечеству за вы-

четом церковной десятины".

Намек Павел Сергеевич понял и торжественно пожертвовал означенный процент на нужды церкви. Прокурор же, который взялся проверять доходы депутата, нарушений никаких не нашел. Отчасти еще и потому, что был среди тех немногих доверенных лиц, кому депутат в личных беседах предлагал свои скромные услуги посредника со святым. Однако своей духовной связью Павел Сергеевич старался не злоупотреблять.

Вот и сейчас, мучаясь бабкой, он раздумывал, стоил ли консультироваться со святым по поводу экстравагантного вида своего помощника. Может быть, стоило испросить у мудрейшего способ намекнуть о пользе физических нагрузок так, чтобы Виталий не обиделся и не впал в еще большее уныние, чем обычно. На повестке и так стояли гораздо более серьезные вопросы, никак не терпевшие отлагательств. И один из них был непосредственно связан с благополучием Павла Сергеевича.

В обед к нему в ватсапп пришло пренеприятнейшее сообщение лично от Маргариты Степановны, главы управы одного из районов в его избирательном округе. Последняя их встреча прошла в теплой дружеской атмосфере, оттого ее упрек оказался особенно внезапным. Красивой и гордой главе управы пришлось не по вкусу некоторые фотографии, размещенные его помощником в официальном инстаграме Павла Сергеевича. В недоумении он пересмотрел все фото-

графии, на которые пеняла Маргарита Степановна. По ее мнению из всего множества ее фотографий со злым умыслом отбирались и публиковались в инстаграме депутата самые неудачные, что свидетельствовало о неуважении к первому лицу района, достойной дочери своего отца и т.д. и т.п. Обида, в общем, была крепка.

Павел Сергеевич очень расстроился, неуверенный, что у сложившейся ситуации есть дипломатический выход. Сам он на фотографиях получался всегда удачно и не придавал этому вопросу особого значения. Требовалось вмешательство высших сил.

Сквозь темный и холодный декабрь Павел Сергеевич, выведя наконец болтливую бабку восвояси, прибыл на окружную конференцию местных партийных ячеек. В просторном зале дворца культуры былолюдно и царилapредпраздничная атмосфера. Окружное отделение быстро оправилось после скандальных муниципальных выборов и потери на местах руководство признало относительно незначительными.

– Округ умеет признавать свои ошибки, – бархатным голосом, стоя на сцене, вещала Елена Владимировна, руководитель окружного отделения партии, – округ теперь должен сделать правильные выводы. И теперь наша задача пересмотреть механизмы работы местных партийных ячеек.

Павел Сергеевич, утомленный долгим, насыщенным разговорами и размышлениями днем, раздраженно отметил про

себя, что ничего нового Елена Владимировна не говорит. Эти тезисы она, как специально обученный попугай, талдычила слово-в-слово, сохраняя интонацию, с конца сентября. Депутат подавил зевок.

– Муниципальные депутаты должны идти на контакт с населением, становиться лидерами мнений, вокруг которых сплотятся активные жители районов... – продолжала Елена Владимировна, пока Павел Сергеевич отчаянно клевал носом, – а чего депутаты не должны делать, так это ввязываться в пагубные для их деловой репутации конфликты с оппозицией. Мы не занимаемся политикой, а работаем на благо москвичей...

Веки Павла Сергеевича отяжелели и незаметно для него самого сомкнулись.

– ...быть выше политической грязи...

Слова уже слышались далеким эхом из темноты. Павлу Сергеевичу было тепло и удобно в бархатном кресле с краю во втором ряду. Пелена спокойствия деликатно опутала сознание и тянула его куда-то выше темечка.

– ...отвоевывать обратно утраченные политические позиции...

Подхваченный невесомостью Павел Сергеевич блаженно парил ввысь, к манящему сиянию своего сна.

– И все силы свои, и саму жизнь мы должны положить на борьбу с иностранными супостатами, греховными помыслами движимыми, алчностью и гордыней, во еже поставить ве-

ликую отчизну вспять на колени, возпослати к безбожию и пагубе, – возвестил глубокий и отрадно знакомый мужской голос.

Павел Сергеевич распахнул глаза и вскинул голову на встречу золотому мерцанию. Зал был пуст, погасли светильники, а над тем местом на сцене, где раньше стояла Елена Владимировна, в ослепительном сиянии парил, не касаясь пола, его мудрейший наставник Николай Угодник.

– Отче... – прошептал депутат и святой осенил его крестным знаменем.

– Вижу многия твои заботы и горестно мне от того, что ты грустишь. Послушай меня и поступай сообразно разумению, что вложу я в голову твою. И вернется обратно к тебе благодать, кою ты испрашиваешь у меня.

Восхищенный и оцепеневший в созерцании депутат внимал речам, что были так желанны его сердцу и уму.

– Явил Всевышний мне знамения и я, напрягши взгляд, увидел очертания грядущего, где ты, мой пасынок, должен быть спокоен и тверд. Рабе Божией Маргарите Степановне, возведшей на тебя напраслину, ты должен дать наставление, бо заплутала она и склонилась к гордыне и тщеславию. Разящим перстом листай ты ее автопортреты и укажи на те, где сам на ее фоне запечатлен неподобающе статусу своему и благому вкусу. Пристыди заблудшую и будь доволен собой за богоугодное дело.

Слезы счастья и благодарности текли по загорелым щекам

Павла Сергеевича. Огонь истины вспыхнул у него в груди и будто бы сам депутат теперь был окружен сиянием.

– Ведаю я также, что три жрицы Майдана пытались склонить тебя во либеральный грех чинонепослушания и препятствия государевым делам. Инакомыслие предателей Родины надо давить, аки мерзкого таракана тяжелым сапогом, и ты, раз уж к тому причастен оказался, длань свою к тому приложи. Негоже слушать и потакать злокозненным намерениям еретиков, безбожников и жидобольшевиков, бо даешь им шанс опутать себя сетями их бесовской лжи. Покайся перед честным народом! И поклянись блюсти державные интересы и ныне, и присно, и во веки веков.

Мерцал святой в свете своей славы, слова его несли благо и наслаждение в каждую клеточку тела Павла Сергеевича, дрожало все его нутро в платоническом экстазе от неистового патриотического чувства. Ликуя, воздел он руки к преисполненному провидением наставнику своему и прошептал иступленно: "Спасибо, отче..."

Более не блуждал он в сумраке сомнений. Затруднения его были устранены высочайшим ответом, а сам Павел Сергеевич стал снова компетентен и уверен в себе. Сияние вокруг Николая Угодника зарделось и постепенно меркло, будто солнце за его спиной клонилось к закату, и перед тем, как окончательно раствориться в темноте зала, святой строго предостерег депутата. Голос его уже звучал издали, но отчетливо:

– Созерцающие мужские перси не наследуют царствия небесного... Да, Павел Сергеевич? Павел Сергеевич!

Кто-то тронул его за плечо. Деликатное прикосновение резко вырвало его из объятий сна. Павел Сергеевич востропнулся и, открыв глаза, тут же обнаружил, что руководитель окружного отделения смотрит на него с неммым укором.

– Простите, коллеги, я задумался, – виновато пробормотал депутат.

– Мы обсуждали вопрос о том, как нам противостоять нашим политическим оппонентам, – подсказала ему Елена Владимировна, – хотелось бы услышать ваши мысли по этому поводу.

Она протянула в его сторону микрофон, приглашая тем самым на сцену. Павел Сергеевич встал и не спеша поднялся по ступенькам.

– Дорогие коллеги и друзья! – обратился он к сидевшим в зале сопартийцам. – Сам я в этом не очень разбираюсь, – он достал из кармана смартфон и помахал им, – я человек старой закалки, но некоторый опыт все-таки имею. Скажу лишь одно – против нас используются технологии. Нельзя отрицать возможное иностранное вмешательство в прошедшие недавно выборы. Недруги хотят дестабилизировать обстановку. Мы должны бороться с силами, с ресурсами, быть активными. Мы должны активно осваивать эти технологии, чтобы уметь им грамотно противостоять. Мы должны выходить в сеть и воздействовать на общественное мнение. Ина-

че это будут делать наши набирающие силы враги!

Зал взорвался аплодисментами. Дальше началась дискуссия, а Павел Сергеевич решил, что достаточно пробыл на мероприятии, дабы соблюсти этикет и, пожав несколько протянутых ему на прощание рук, отправился домой.

Утром помощник, выполняя выданное накануне поручение, прислал Павлу Сергеевичу несколько скриншотов из официального инстаграма главы управы. На отобранных фотографиях Павел Сергеевич, обрезанный границей кадра, присутствовал лишь частично, а значит – неудачно. Эту подборку он, немедля, отправил Маргарите Степановне, сопроводив все вопросом: "Правильно ли я понимаю, что вы меня не уважаете?"

Ехидно предвкушал он, что конфликт будет исчерпан в самое ближайшее время, и отметил также, что сисечки помощника больше не занимают его внимания. Прав был Николай Угодник. Как всегда.

– Говорят, – пояснила Мария с видом заговорщицы, – он чутка умом тронулся еще на службе. А так весьма полезный для партии человек.

Мы вдвоем пили чай у нее дома. После двух часов хождения по белоснежному зимнему парку с фотоаппаратом и актами для фиксации очередной порции нарушений она пригласила меня к себе, чтобы продолжить нашу борьбу в более человеческих условиях. Ее предложение я восприняла с энту-

зиязмом, январский мороз пробирал до костей и я думала, что сойду с ума от холода.

Дом, в котором жила Мария, находился в самой старой части района, в квартале, построенном пленными немцами сразу после войны. Летом это место, утопая в зелени и цветах, с развешанным на перетяжках стиранным бельем и несущими бдительную вахту старушками на лавочках, напоминало больше маленький провинциальный городок чем район мегаполиса. Зимой же здесь царило заставленное машинами грязно-серое среднемосковское уныние. Стоило только попасть внутрь ее дома и в ноздри проникал запах затхлой старины, которую он хранил в своем светлом подъезде с огромными окнами. И, поднимаясь вслед за Марией на четвертый этаж по широкой лестнице, скользя рукой по отполированным множеством других рук перилам, я не могла отделаться от тревожного ощущения, что нахожусь не совсем в настоящем времени.

– Наш пламенный революционер и красный поэт, товарищ Лебедев на днях объявил о создании собственного координационного совета активистов, – делилась Мария, пока мы шли, последними новостями, – в нашем районе ему тесно и душно, пишет. Негде развернуться. Думаю, он метит в Гордуму.

– Но на муниципальных выборах он же провалился, – скептически отметила я, припоминая скандал с сокрытой товарищем Лебедевым судимостью.

– С треском! – Развеселилась Мария, – но когда такие мелочи его останавливали? Даже собрал под свое крыло кого-то, но меня в свою секретную группу в фейсбучике не пускает. Почему-то.

Она распахнула дверь и пропустила меня вперед. Я зашла в высокий, длинный коридор с аркой посередине. Таившийся за дверью Лелик немедленно обгавкал меня. Мария прошла сначала в кухоньку, стыдливо припрятанную за углом, где заварила нам чай, а потом, будто плутая по отгороженному куску лабиринта, вернулась в гостиную. Или, скорее, кабинет. Вдоль стен выстроились высокие шкафы, заставленные книгами, На полу лежал потертый синий ковер в бирюзовых и красных восточных узорах. В дальнем от двери углу стояло большое зеленое кресло с высокой спинкой и рядом, у окна был стол с ноутбуком и старинной зеленой лампой на толстой бронзовой ноге.

– Выбирай, где тебе удобнее писать, – предложила Мария.

Я села за стол и, поставив рядом чашку, взяла первый лист из стопки, вынутой Марией из ящика, и ручку. Мария устроилась в кресле и тоже приготовилась писать, положив на подлокотник для удобства книгу. Имитируя разные почерки, меняя ручки, на всем разнообразии скопившихся у Марии бумажек мы сочиняли жалобы от многочисленных жителей района, глубоко обеспокоенных творящимся в парке благоустроительным беспределом. Симулировали, в общем, возмущение общественного мнения.

С большим скандалом мы прорвались тем же вечером в зал, где должна была вот-вот начаться встреча с префектом. Стоявший в дверях упитанный молодой человек, за которым прятался безымянный представитель управы, пытались объяснить нам, что в основном зале, где непосредственно должен был присутствовать префект, мест больше не было. Типичная ситуация. На такие встречи массово и сильно заранее стекались все руководители муниципальных и окружных инстанций, а также их заместители и часть подчиненных. Они занимали большую часть мест в партере и создавали префекту благостную атмосферу всесторонней поддержки.

Нам повезло оказаться рядом с муниципальным депутатом и непримиримым противником управы Инной Смирновой, которая от возникшего на ее пути препятствия пришла в ярость и светила ярким фонариком из телефона обоим сотрудникам в лица, снимая на видео их противоправные действия. Через несколько минут, которые понадобились депутату, чтобы сломить их сопротивление, нам удалось протиснуться в зал вслед за ней, что потребовало изрядной ловкости и наглости. Приоткрытая дверь тут же захлопнулась за моей спиной, оставив позади внушительную толпу людей с плакатами "Остановите снос гаражей!"

Мы пристроились на последнем ряду среди враждебно настроенных к исполнительной власти старушек. Мария тут же принялась поддерживать их ядовитое ворчание полным сво-

им согласием по каждому пункту их претензий. Старушки, тронутые ее участием, бодро пихали передаваемые Марией по ряду исписанные нами бумажки в руки бегающим по залу секретарям.

Марина Аркадьевна и Псина засели ближе к сцене у прохода, по которому передвигалась хрупкая девушка с микрофоном, готовясь перехватить ее, как только подвернется подходящий случай. Алена что-то упорно внушала главе совета депутатов Виктору Геннадьевичу, подпиравшему спиной дверь, через которую мы с таким трудом просочились.

После доклада, зачитанного главой управы, слово взял депутат Московской городской думы Павел Сергеевич.

– Дорогие друзья! – покашляв, обратился он к залу. – Я очень рад, что мы здесь сегодня собрались. Поздравляю вас всех с наступившим Новым годом. Желаю счастья и здоровья! – Первые ряды зааплодировали и довольный депутат замахал руками, будто выказанное одобрение ужасно его смущало. – Вернемся же к насущным нашим делам, – призвал он к тишине и принял обеспокоенный вид, – ко мне обратилась некая группа жителей с неясными компетенциями и целями. Я не знаю, кто за ними стоит, хотя подозреваю. Они обратились ко мне с просьбой остановить столь долгожданное благоустройство нашего парка. Но я на вашей стороне. Я на стороне жителей! Я полностью поддерживаю желание нашего уважаемого префекта Александра Тимофеевича превратить парк в комфортное место для массового отдыха!

– А дышать деньгами вы уже научились? – выкрикнула ему Мария Соловьева и зал тут же взревел от ярости.

Успокоились все только после того, как зампрефекта по социальным вопросам начала вдумчиво и со всеми тончайшими нюансами описывать процесс получения бесплатных путевок льготными категориями граждан через центры социального обслуживания. Ее сменила зампрефекта по вопросам реновации с прекрасно отрепетированной рекламной речью. Она произносила ее на каждом подобном собрании. Она умело жонглировала поданными ей письменными вопросами, извлекая из них поводы расписать достоинства скорейшего переселения в цветастые многоэтажки класса "эконом".

– Парк, парк, снова парк, – томно перелистал стопку наших жалоб Алексей Иванович, зампрефекта по вопросам ЖКХ и благоустройства, когда наконец наступил его черед отвечать на вопросы жителей, – не думаю, что есть смысл все это здесь сейчас читать, – задумчиво пробормотал он в микрофон.

Разогретые Марией старушки, как сирены по тревоге, взвыли, требуя сатисфакции и немедленного разбора всех поступивших вопросов. Железной хваткой Псина тут же вцепилась в девушку с микрофоном. Той не посчастливилось оказаться в неудачный момент рядом, она оцепенела от ужаса и даже не помышляла пытаться сбежать.

– Я хочу знать, – оглушив всех присутствующих, завопила

Псина, – какой чиновник и за какую взятку покрывает капитальное строительство в парке? Вот вы, – обратилась она к префекту, – сколько заработали на этом благоустройстве?

Задние ряды одобрительно гудели и хлопали.

Непотопляемый префект Александр Тимофеевич, наблюдавший до того за всем происходящим с отстраненным равнодушием, будто витая где-то в облаках над своей, по слухам, неприлично большой виллой в Сардинии, не стерпел.

– Мы в курсе проблемы парка, – затаив раздражение, сообщил он громогласно, – и мы знаем тех, кто раскачивает обстановку. Некоторые личности очень колоритны. Тем не менее, когда я был еще главой управы вашего района, я мечтал о красивом и благоустроенном парке для жителей и чтобы в пруду можно было купаться!

Префект, рассказали нам рыбаки, с которыми познакомилась Алена во время одного из наших последних обходов парка, будучи главой управы нашего района десять лет назад, уже благоустраивал парк. Тогда появились темно-коричневые беседки под старину и кованые полукруглые лавочки с деревянными спинками и сидениями, выкрашенными в желтый цвет. Кроме указанных малых архитектурных форм на окраине парка строился эколого-просветительский центр, где впоследствии открылся ресторан. По этому поводу случилось даже судебное разбирательство. Суд постановил снести здание как самострой, не отвечающий целям функционирования особо охраняемой природной террито-

рии, но решение это так и не было приведено в исполнение, а потом и вовсе затерялось. Ресторан продолжал коптить в небо ароматом шашлыков и, по слухам, принадлежал гражданскому мужу тогдашнего заместителя главы управы, а ныне зампрефекта по вопросам реновации, развлекавшей нас сегодня сравнением цен на квартиры в хрущевках и их аналоги в реновационных домах. Новым благоустройством префект хотел замести следы старого, предположили напоследок любители подледного клева и ушли обратно дремать над своими удочками.

– Мы работаем на ваше благо! – продолжал тем временем Александр Тимофеевич, придя в сильное возбуждение от черной неблагодарности, с которой встречали жители каждое его слово. – Всегда будут жители, которые недовольны!

– Так это потому что вы все время лагаете! – парировала Псина. – Почему префектура не реагирует на наши обращения? Мы много чего полезного пишем. Например, про экспертизу и про павильоны.

– Вот вы знаете, – перебил ее префект, – я готов сейчас с вами подискутировать... Вы сейчас будоражите общественность. И мне непонятны ваши задачи и ваши цели. Вы хотите сорвать мне благоустройство? – воскликнул он и со злостью стукнул кулаком по столу.

Зал удивленно притих, но уже через секунду разразился новыми гневными криками.

"Встреча префекта с населением прошла в рабочем порядке," – рапортовал у себя на страничке в фейсбуке муниципальный депутат Дмитрий Петелька. – "К сожалению, некоторые отдельные личности попытались использовать важное событие в целях самопиара, но наш префект Александр Тимофеевич достойно справился с провокациями и вернул общение в конструктивное русло".

Правда, он забыл упомянуть, что конфликт грозил перерасти в потасовку между первыми и задними рядами. Главе управы Маргарите Степановне пришлось срочно вмешаться и поспешно завершить встречу.

– Спасибо! – пыталась она перекричать толпу в микрофон, – мы знаем вашу позицию! Время нашей встречи истекло!

– Все это, конечно, ужасно неприлично, – высказала Марина Аркадьевна свое неодобрение, когда мы, раскрасневшиеся от духоты и шума, вышли из школы, где проходила встреча, – из-за таких вещей нас считают сумасшедшими революционерами. Нам нужно более конструктивное взаимодействие.

Мария Соловьева закатила глаза, но промолчала. Вместо нее не сдержалась Псина.

– А как тогда до них достучаться? – уточнила она.

– Надо подумать, – уклончиво ответила Марина Аркадьевна.

– С упорством, возможно, достойным лучшего применения, я регулярно обзваниваю и пишу во все возможные городские СМИ, – мрачно поведала Мария.

– Двенадцать миллиардов в бюджете на пиар мэрии – весомый контраргумент, – сказала Алена.

– Нам нужно как-то обойти этот фильтр. Добиться внимания федеральных СМИ. Сделать так, чтобы им было не мелко, – наставляла нас Марина Аркадьевна. – Устроить бы акцию, чтобы собрать побольше народу и донести до всех правильные мысли.

Мария Соловьева тяжело вздохнула и схватилась за голову.

Мы с Марией стояли на северном берегу пруда. Здесь раньше был луг, а теперь возвышались скелеты двух недостроенных павильонов. Вокруг был раскидан строительный мусор, стояли огромные катушки с намотанными кабелями, на земле валялись ржаво-голубые, облупившиеся газовые баллоны. По всему парку были разрыты ямы и траншеи. Запорошенные снегом, они терпеливо ждали, когда в них соскользнет нога зазевавшегося гуляльщика. Поодаль был отгорожен строительный городок, веющий по ветру пыльными, драными перетяжками, закрепленными на заборе. "Инвестируем в ваше будущее!" и "Скоро здесь будет красиво!" – обещали они. Неутомимо тархтел дизельный генератор, пуская вверх удушливые выхлопы. Под павильона-

ми ковырялись в мерзлой земле рабочие в тяжелых сине-серых куртках, украшенных логотипом подрядчика и крупными буквами "ОСК". Объединенная строительная компания. Под ногами пестрело жирное месиво из снега и грязи. Плотное серое небо давило сверху, а могильный февральский холод сжимал бока.

– Меня, конечно, сожрут с говном, – мрачно высказалась Мария, достав из кармана сложенный лист с заранее составленной речью.

Я расставила штатив и прикрепила на него камеру. Редкие прохожие смотрели на нас с любопытством.

– За Россию без обмана! Как тебе лозунг? – спросила Мария, глядя в свои записи.

– Вполне! – ответила я, ковыряясь в настройках камеры.

– Так. Хм, вот. – она ткнула пальцем в лист и зачитала, – Выдвигаясь в президенты, я хочу привлечь ваше внимание, внимание общественности и федеральных властей к тому бездушному и бездумному благоустройству, которым уничтожается наш уникальный парк. Те капитальные строения, которые вы видите у меня за спиной... – Мария отвлеклась от листка и, обернувшись, прошла несколько шагов в сторону, чтобы павильоны оказались в кадре, – видно? – уточнила она. Я кивнула и она продолжила репетицию, – так... да, строятся в нарушение закона. Их тут быть не должно. Так норм?

Я кивнула и прицепила к ней микрофон.

– Я верю, что Россия – страна больших возможностей и хочу использовать свой шанс, чтобы спасти наш парк. Поддержите Россию без обмана!

Она подняла на меня вопросительный взгляд.

– Тебя все равно не зарегистрируют, – пожалала я плечами.

– Ну так нам не нужна регистрация, – ответила Мария. – Нам нужна хорошая новость! Ну что? Срач в камеру выдать? – спросила она меня напоследок и мы захихикали как два подростка, задумавших чудовищно гнусную шалость.

– Ладно-ладно! Вдыхаем носом, выдыхаем ртом, – призывала к порядку Мария и, последовав собственному совету, шумно вдохнула. – Поехали!

Я нажала кнопку записи.

"Популярный блогер, коммунистка и автор женских эротических романов Мария Соловьева выдвинула свою кандидатуру на предстоящих выборах президента России" – понеслась новость по интернету. Варьируя количество подробностей, сетевая пресса писала: "В своем видео-обращении к избирателям Мария Соловьева рассказала о необходимости пресечения незаконной застройки в одном из районов Москвы.

Благоустройство парка началось еще в июне прошлого года. За время ведения работ межрайонной природоохранной прокуратурой был проведен ряд проверок, выявивших нарушения законодательства. Однако эоактивисты настаивают на том, что случилась подмена проекта, в результате которой

на территории парка в данный момент идет несогласованное строительство двух капитальных зданий".

– О! – возбудилось общественное мнение, – теперь вместо законов нам будут писать порнуху.

– У нас и так вместо законов порнуха, – стояла Псина на смерть в комментариях.

Но вряд ли ее одной когда-нибудь хватило бы на всю плеяду блистательных аналитиков, оживших и хищно круживших над расцветающим предстоящими выборами инфополем. Кто-то традиционно сожалел о попытках превратить священный процесс волеизъявления народа в клоунату. Впрочем, их стенания мало кого трогали, когда выбирать предстояло классического и единственного кандидата, выступавшего на фоне группы подтанцовки. Мария Соловьева воспользовалась тем удачным моментом, когда политтехнологи всех мастей резвились от души, а народ спекулировал своими голосами, пытаясь добиться решения проблем, накопившихся с прошлого электорального цикла.

Ее экстравагантный шаг меня одновременно и восхищал, и ужасал. Замкнутому обывателю недоступна была та отчаянная смелость, с которой она привлекла к себе всегда голодное до скандалов, бездушное и беспощадное внимание общественности. Ходили даже слухи, что adeпты "Мужского государства" собрались идти рейдом на ЦИК с целью предотвратить регистрацию кандидатом в президенты женщины столь низменных занятий. Но больше всех негодова-

ли общественные советники главы управы. Оскорбленные самим существованием Марии, они, как спущенные цепные псы, преследовали нас и облаивали каждое сообщение в районной группе, хоть как-то связанное с парком.

– Эти рыбы-прилипалы тусят при управе еще с 85-го года. Еще советской власти подпевали. У них рефлексы с тех пор выработаны, – сообщила мне Алена по телефону.

Мы созвонились, чтобы обсудить место официальной встречи Марии с избирателями. Должен был прибыть сотрудник ЦИК, чтобы подсчитать поголовье сторонников. Нужного количества людей для регистрации кандидата-самовыдвиженца мы все равно не набирали, но формальности необходимо было соблюсти. Тем более, меня Мария записала в начальники ее избирательного штаба. Изучив прогноз и подобрав наименее травмирующий с точки зрения погоды день, мы распрощались, договорившись предварительно всячески поддерживать Марию в это беспокойное время.

– На нее сейчас столько говна льется, – переживала Алена.

– Не, нормально! – махнула рукой Мария и отхлебнула чаю из огромной синей кружки. Она устроилась в своем царском кресле в углу кабинета. Лелик дремал у ее ног, а я с интересом исследовала содержимое ее книжных шкафов.

– Издатель доволен, – продолжала Мария успокаивать меня, – Продажи неплохо выросли. – Она указала мне на полку, забитую в два ряда книжками в мягких цветастых обложках.

Наугад я вытянула одну и раскрыла на случайной страни-

це.

"Он крепко сжал ее в объятиях", – с сомнением зачитала я вслух. – "Охваченная блаженством, она откинула голову с великолепной копной серебристых волос, открыв шею его сладким поцелуям. Тихо стонала она от его все более изысканных и все более страстных ласк, терзавших ее истосковавшееся без любви тело.

– Нина Владимировна, – шептал он, сильнее прижимая ее к своему напряженному возбуждением телу, – вы самый мой преданный общественный советник. Самый исполнительный и отзывчивый.

– Дмитрий Сергеевич, – жарко шептала она в ответ, – вы так молоды... Я, право же, не знаю. Это так неприлично. Что скажут люди?

Но глава управы заставил ее замолчать своим долгим поцелуем". Меня сейчас стошнит! – сообщила я Марии.

– Только не на книгу! – весело рассмеявшись, попросила она.

– Ты бы хоть имена поменяла. Тебя же засудят!

– Кто? – осведомилась Мария.

– Ну... они! – Я посмотрела на обложку, где три пикантно одетых женщины прильнули к сурового вида мужчине в строгом синем костюме. Поверх них золотыми, витиеватыми буквами было выведено название "Служебный гарем".

– Вряд ли, – уверенно отвергла Мария мое предположение. – Такие книги читают утомленные жизнью женщины в

электричках. Страшный моветон!

Естественно, я взяла почитать этот роман и еще один под названием "Согласованное блаженство". Два следующих вечера я, прячась от мужа, искренне веселилась от коварной мести Марии Соловьевой местному напыщенному истеблишменту. Иногда все же меня преследовал грустный образ хронически усталой женщины, едущей в электричке и добирающей не хватавшей ей любви с помощью таких книг. Дома на диване муж ждал не ее, а ужин. Женщина эта прожила свою жизнь "как положено": школа, техникум, институт, работа, замужество, работа, дети, работа-работа-работа. Бам! Пятьдесят. Жизнь летит на автопилоте. И вспомнить нечего кроме упорной, изнуряющей борьбы за относительно достойное существование.

Я смотрела выложенное в районную группу видео и с сожалением видела эту женщину. Она стояла в центре, одетая в бордовый пуховик, а за спиной у нее собралась неказистая толпа. У кого-то в руках были плакаты "Верните наши деньги!" и "Десять лет без квартир!". Следуя примеру Марии Соловьевой, местные обманутые дольщики решили привлечь внимание и к себе.

Одиннадцать лет назад неподалеку от моего дома расселили и снесли аварийную пятиэтажку. Соорудив подземную парковку и несколько первых этажей, застройщик объявил себя банкротом и кинул тем самым первое поколение дольщиков. Через пару лет пришел следующий застройщик. По-

явился еще один корпус, вдвое шире первого. Оба строения подросли на несколько этажей вверх, затем застройщик разорился. Так появилось второе поколение дольщиков. Котлован со временем затопила вода. Летом в нем плавали чопорные утки. Периодически на стройплощадке случались всплески активности, намекая на то, что родилось очередное поколение обманутых. Несчастные люди безрезультатно судились и взывали к справедливости властей. Даже песню для мэра написали и сняли клип: юное, светловолосое, ангелоподобное создание бродило по недострою и пело высоким чистым голосом о сложной жизни без денег и квартиры.

– Никто из нас не умеет ли петь? – тут же спросила в воздух Марина Аркадьевна, ознакомившись с произведением.

– О, нет. Только хамить, к сожалению, – ответила Мария, передразнив ее манеру ни к кому конкретно не обращаясь.

Впрочем, мне начало казаться, что наши дела шли неплохо. Мы плотно насели на Департамент капитального ремонта, природоохранную прокуратуру, префектуру и дирекцию парка. Прораб нас презирал и здоровался так, будто следующим своим действием он собирался закопать нас в лесу. Тяжело отдуваясь и еле-слышно нас проклиная, он следовал за нами по пятам в попытке предугадать, какой штраф прилетит следующим. Заместитель прокурора, конечно, стояла на своем, но я уже вела переписку с городской прокуратурой по поводу привлечения ее к ответственности за бездействие и халатность. Над недостроенными павильонами

нависла угроза торжества закона. Зима кончилась. Впереди маячил, как лазурные проталины на еще сером мартовском небе, конец наших прений.

"Срочно смотрим все в почту!" – написала Алена в наш чат, – "Марина разослала всем приказ Никольского".

И просвет пропал.

Руководитель Департамента природопользования и охраны окружающей среды волевым решением и легкой рукой внес изменения в текст государственной экологической экспертизы проекта благоустройства нашего парка.

Пункт 1.1. приказа гласил:

"В разделе "Проектные решения" добавить подраздел №6 следующего содержания: Центральный многофункциональный комплекс размещается на центральной площади парка и включает два многофункциональных павильона (№1 и №2) с переменной этажностью 1-2 этажа, позволяющий организовать досуговую и экспозиционную работу с посетителями, зоны фудкорта и др. Общая площадь под павильонами 700 кв.м., максимальная высотная отметка 9 м."

– Разве это законно? – громко возмущалась Алена.

– Закон об экологической экспертизе не допускает внесения изменений в текст акта. Однако в приказе речь идет об устранении технической ошибки, допущенной экспертами. – ровным тоном ответил заместитель руководителя Росприроднадзора, когда мы пришли к нему на прием. Он смотрел в сторону Алены пустыми, светлыми глазами и постоянно

поправлял кончиками пальцев стопку бумаг, лежавшую перед ним на столе, хотя ни один листик не выбивался. Идеальными были его темно-серый костюм и белизна рубашки, стрижка и лицо без каких-либо признаков, позволяющих определить возраст. С педантичной аккуратностью расположены были предметы на его столе, он все же их, разговаривая с нами, постоянно пододвигал.

– Но это, по сути, и есть изменение текста экспертизы, – возразила Алена. – Почему вы не вмешаетесь?

– Если бы статус данной природной территории был федеральным, мы, безусловно, вмешались бы. – ответил безмятежный заместитель руководителя. – Рекомендую вам обратиться в Департамент природопользования.

– Но Никольский только что нарушил закон, – произнесла Алена тоном, несколько выше приличествующего.

– ... и в правоохранительные органы, конечно. – любезно подсказал заместитель руководителя. – Свой ответ мы направим вам по адресу, указанному в обращении.

Он опустил глаза на бумаги и, взяв ручку, старательно обвел адрес электронной почты, указанный мной вверху первой страницы. Разговор был закончен.

– Будто бы я играю в карты за столом, где все шулеры, кроме меня, – удрученно делилась я своими размышлениями на очередной встрече Народного совета.

В дела парка коммунисты, кроме Марии, не вмешива-

лись, удовлетворяясь рассказами о том, что там происходит. Сначала они были заняты подготовкой к муниципальным выборам, потом спорили о том, как продавить своего главу совета депутатов. Затем были президентские выборы, по прошествии которых председатель Алексеев и его заместитель, коммунист Иван Железный вернулись к незавершенному спору о все еще незаконно занимающем свой пост Викторе Геннадьевиче.

– Конечно же, можно заставить Росприроднадзор действовать! – важно заявил товарищ Лебедев.

Последние полгода он, торжествуя, описывал каждое наносимое органам государственной власти сокрушительное поражение, снимал селфи с высокопоставленными чиновниками, если представлялась такая возможность, а если нет, то выкладывал себя на фоне золоченых табличек, указывающих на то, чей кабинет он только что посетил. Также он раздавал активистам ценные указания, всячески демонстрировал свою осведомленность внутренними делами различных инстанций и ужасно собою гордился.

– У меня есть действующая схема, – объявил товарищ Лебедев, гордо выпятив квадратный подбородок.

– Неужели? – оживилась Мария Соловьева и одарила его своей самой обворожительной улыбкой.

– Именно! – снисходительным тоном ответил товарищ Лебедев. – Конечно, вам сначала необходимо было пройти все этапы, описанные в моем весьма подробном руководстве, ко-

торое я написал исходя из своего обширного и успешного опыта борьбы. Цена электронной версии – триста рублей.

– Погоди, – прервала его Мария, – на тебя подали в суд за клевету. Ты выиграл. Опыт, конечно, успешный, но не сказать, чтобы обширный.

– Я консолидировал опыт разных групп активистов, действующих под моим руководством. Если бы вы так же следовали моим советам, а не мололи языками в соцсетях, то вопрос с парком был бы уже давно решен в нашу пользу. А вы как дети малые!

Мария смотрела на товарища Лебедева, раскрыв рот от возмущения его безграничной наглостью.

– Спасибо за вашу высокую оценку наших усилий на протяжении целого года, – зашипела она, как взбешенная гадюка.

Товарищ Лебедев одарил ее презрительным взглядом и шуточным поклоном.

– Может быть, – неуверенно вмешался председатель Алексеев, – у вас есть, что сказать по существу?

Благородные черты его лица неизменно выражали глубокую и невыносимую скорбь относительно всего происходящего вокруг.

– Либо, – предложил он мирно, – можем перейти к следующему вопросу повестки.

– Под моим давлением природоохранная прокуратура учредила рабочую группу, в которой есть представители и

нашего парка, – сообщил товарищ Лебедев.

– Кто эти люди? – быстро спросила Мария.

– Мои люди. – холодно ответил товарищ Лебедев, – я им доверяю.

– Настолько, что боишься назвать их имена?

– С чего бы мне раскрывать вам их имена? – поинтересовался товарищ Лебедев язвительно.

– Должны же мы как-то конструктивно с ними взаимодействовать? Надо передать им наши материалы дела, – предложила Мария, правдоподобно изобразив смирение и покорность.

– Незачем. – отрезал товарищ Лебедев. – Мы сами разберемся без вашего кудахтанья. Тут нужен сильный лидер, который будет говорить с властью на равных.

Мария тряслась от злости рядом со мной, но дискуссию с товарищем Лебедевым дальше развивать не стала. Ее внезапное, показное молчание позволило председателю Алексеву с видимым облегчением сменить тему.

– Идиот. – мрачно бубнила Мария в бокал красного вина, – Какой идиот! Ненавижу.

– Очень типично для коммунистов, – заметила Марина Аркадьевна.

Осторожный взгляд, который бросила в ее сторону Пси-на, она проигнорировала и продолжила спокойно поглощать свое тирамису.

Кафе "Сладкоежка", в котором на следующий день собрался наш экстренный саммит, находилось недалеко от управы района, за что было особенно любимо Аленой. Государственные служащие часто прибывали сюда на обед, а со всеми официантками она находилась в дружеских отношениях. Диваны тут были удобные, столики просторные, кухня приличная, а цены доступные. Огромные окна открывали панорамный вид на проспект и Алену, которая, расхаживая по тротуару, разговаривала по телефону.

Спустя минут двадцать и несколько звонков она вернулась к нам и заказала всем еще по бокалу вина.

– Ну, – усмехнулась она, решительно захлопнув меню, – все не так ужасно.

Товарищ Лебедев, по сведениям, добытым ей из разных источников, с группой дам пенсионного возраста и двумя соратниками, едва достигшими совершеннолетия, действительно недавно посетил Рината Мансуровича и разговор действительно шел об организации при прокуратуре рабочей группы активистов. Обсуждение горячих точек шло более или менее благополучно и стороны вот-вот должны были прийти к соглашению. Вдруг товарищ Лебедев упомянул наш парк, отчего Ринат Мансурович пришел в неистовство. С криками "Прокуратура там сделала все что могла!" он выгнал товарища Лебедева и его делегацию к чертовой матери.

– Эка мы его достали! – обрадовалась Псина истерике прокурора.

– Бедный товарищ Лебедев, – притворно посочувствовала унижению активиста Мария Соловьева, – все никак не доберется до власти. Обязательно напишу об этом пост.

– Конечно же, этого делать ни в коем случае нельзя! – воспротивилась ее планам Марина Аркадьевна. – Никогда нельзя демонстрировать раздор. Мы так или иначе все делаем одно дело. И подобные истории – троянский конь, запущенный в гражданское общество. Наши оппоненты могут использовать его для слива и упорядочивания протеста. Им так проще будет держать ситуацию под контролем. Это важно понимать.

– Я лично не понимаю, как можно покрывать никчемное ничтожество, к тому же вредящее нам, – ледяным тоном ответила Мария.

Бом! Бом! Бом! Резные напольные часы красного дерева с позолоченным циферблатом били шесть. За окном было еще светло, но задернутые бордовые портьеры берегли застывший полумрак комнаты от варварского вторжения дневного света. Здесь всегда было будто за полночь – то время, когда мир тих и дремлет. Ничто не может потревожить свободный полет мысли. Невидимой, гибкой муреной она выскользывает из глазниц и устремляется за пределы осязаемости, охватывая единым движением необъятные просторы обитаемого мира. Кружится она через прошлое в будущее, оставив тело своего хозяина неподвижно наблюдать за многократными

ее метаморфозами под размеренное тиканье часов. И только ухватив саму себя за хвост, тащит она хищно добычу, чтобы воплотиться в звуках и словах, обрести покой, застыв в конечной своей форме на листе бумаги, освещенном желтым светом лампы с белым абажуром на литом бронзовом постаменте.

За массивным дубовым столом, положив сцепленные руки на зеленое сукно, сидел товарищ Лебедев. Его сильные ладони были грубы и обветрены от тяжелой работы, но привыкли много писать. Тянувшее, тоскливое чувство преследовало его и молило постоянно излить в мир всю боль и ярость от людоедской несправедливости этого несовершенного мира. Желание нарастало и мыслям становилось совсем тесно в голове. Бронзовый бюстик вождя с дальнего края стола смотрел сдержано, но ободряюще.

Товарищ Лебедев пребывал в замешательстве. Наверное, впервые в жизни он не знал, как описать то, что давно уже таилось по темным углам его обшитого деревянными панелями цвета "темный шоколад" кабинета. Неведомая сила выжидала там своего часа, когда, вырвавшись на свободу, он сметет его врагов и их коллаборационистов, низвергнет обидчиков в ледяной ад, где они мучительно будут умирать, пожираемые своими грезами и пороками. Этой силой был пропитан и он сам. Вместе с гневом, вскипавшим в горле, она прорывалась через рот и лилась на грудь вместо крови. Под оглушительный марш учащенного сердцебиения яв-

лялся тогда тот, кто обитал по ту сторону натуры товарища Лебедева. Как две планеты, сойдясь раз в тысячелетие, гигантская тень накрывала маленькую тень простого человека, преображая дыхание, душу и взгляд. И мог он вкусить сладость могущества, покорность реальности. Прокатившись, как гром, сила затихала вновь во мгле, но товарищ Лебедев чуял позвоночником ее терпеливое присутствие. И каждый выдох его вдыхался, а жизнь раскручивалась по часовой стрелке, питая ту, что раскручивалась против. Он знал, что умрет и тогда восстанет наконец Красный Монарх.

Товарищ Лебедев встал из-за стола и, заложив руки за спину, прошелся по мягкому персидскому ковру. Также пойдет он по родной земле, ведя за собой великий русский народ. Огласят равнодушные небеса крики и стенания буржуев-супостатов, раздираемых жестокими когтями возмездия. Перевешаны будут на столбах все они, их дети, жены, любовницы, друзья и холопы. Багровыми реками умоется мир, очистится. Будущее неотвратимо и наступит слепым от алчности капиталистам на черепа.

За окном глухо слышны были крики и ругань. Он, подойдя, взялся за края тяжелых портьер и резким движением раздвинул их. Яркий свет ослепил товарища Лебедева. Проморгавшись, он увидел облезавшие хлопьями зеленые стены, обшарпанную плитку на полу и черную решетку напротив. Он сидел в обезьяннике районного ОВД, куда его доставили, задержав на подходах к школе, где назначена была встреча пре-

фекта с жителями.

– Я хочу знать, на каком основании вы задержали гражданина Российской Федерации?! – ругался молодой депутат Андрей Семенович на дежурного.

Товарищ Лебедев встал со скамьи и, зацепившись за холодную решетку, прижался к ней лицом, чтобы увидеть происходящее за пределами камеры.

– Мордой не вышел! – весело крикнул он молодому депутату.

– Успокойтесь, гражданин... – увещевал дежурный.

– Я вообще-то еще и депутат! – сообщил Андрей Семенович, помахав корочкой перед носом дежурного. – Если нет оснований для задержания, то я требую немедленно отпустить товарища Лебедева. Иначе я звоню в Службу собственной безопасности.

Двое толстых, заспанных мента в расстегнутых бронежилетах выползли из-за угла и устало наблюдали за противостоянием.

– Дана ориентировка. Успокойтесь. Проведем проверку и отпустим вашего товарища, – скучным тоном уведомил Андрея Семеновича дежурный.

– Это чудовищное попрание прав человека для вас не останется безнаказанным! – пригрозил в ответ депутат.

За неделю до задержания товарищ Лебедев по всем протестным группам искал единомышленников. Он задумал сорвать гадкое, холуйское мероприятие по запудриванию лю-

дям мозгов. Массово освистать и прогнать надменного бонзу, чтобы тот и подумать не смел, будто весь округ у него в кармане. Он и его подхалимы пусть жопами чуют, что сидят на воспламенившейся бочке с порохом. Товарищ Лебедев станет управлять их страхом.

"Будет интересно!" – Пообещал он под конец своего звания к активистам.

И действительно, стоило ему только появиться на территории школы, как его тут же приняли. По счастливому стечению обстоятельств проходивший мимо, молодой муниципальный депутат Андрей Семенович, хоть и был ему идеологическим оппонентом, кинулся его спасать, но мусора были непреклонны. Андрею Семеновичу пришлось ехать вслед за ними и товарищем Лебедевым в отделение.

– Лебедев, на выход! – объявил тщедушный, рябой мент и лязгнул замком.

Встреча с префектом закончилась и его выкинули на улицу. Тепло распрощавшись с Андреем Семеновичем, товарищ Лебедев шел домой и думал, что этим мразям всем недолго осталось.

А на следующий день он с сожалением узнал, что префекта освистали за благоустройство парка и без его деятельного участия.

Обеспокоенная более нас всех существованием тайной схемы, способной заставить федералов вмешаться в дела

столицы, Пси́на Уша́стая сдалась первой и скачала труд товарища Лебедева, широко разрекламированный им самим по протестным группам. За проявленную щедрость ее постигло жестокое разочарование. Единственная схема, которую она обнаружила в книжке, была передернута с учебника общественнознания для восьмых классов. На ней была изображена структура органов государственной власти и местного самоуправления, сплоченных вокруг большого прямоугольника, внутри которого заглавными буквами было написано "НАРОД".

Следующие двадцать страниц страниц автор посвятил перечислению всех возможных инстанций, куда гражданин может обратиться со своей проблемой. Еще десять он кратко описывал действия активистов в горячих точках по всей Москве. Две строчки он отвел выдвижению Марии Соловьевой своей кандидатуры в президенты. Ее имени он, правда, не упомянул, ограничившись лишь замечанием об экстравагантном способе привлечения внимания к проблеме. Свой доклад товарищ Лебедев завершил подборкой "стихо-злоторений" – так он называл свое творчество.

– Все еще рифмует глаголами, – отозвалась Мария Соловьева, получив от Псины по электронной почте и наскоро пролистав сей примечательный труд.

Алена, признав свое поражение перед обилием орфографических ошибок и почти полным отсутствием пунктуации, читать текст отказалась, передав право судить о его практи-

ческих достоинствах нам.

– Не, – упорствовала Мария, – может, пригодится кому-нибудь новичку в нелегком деле сопротивления властям, но вообще – это, конечно, сочинение в духе "как я провел это лето".

– Ну, хоть что-то, – заметила Марина Аркадьевна, – почему бы нам не написать свою книгу?

Мария неопределенно переменялась в лице и, возведя глаза к небу, трагически произнесла:

– Двести восемьдесят два.

Мы стояли возле четырехэтажного административного здания, где располагалась управа нашего района. Мимо по величественным ступеням деловито сновали люди. Место это было очень похоже на улей.

– Гнездо зла, – подсказала мне Мария, – а внутри засела матка.

Она вытаращила глаза в притворном испуге.

– Ладно тебе! – приструнила ее Алена, – Маргарита Степановна на днях жаловалась, что ей работать приходится до часу ночи. Говорит, водитель ее, наверное, ненавидит.

– Полностью разделяю его негодование, – откликнулась Мария, – нарушать Трудовой кодекс – последнее дело.

Работы в парке близились к завершению и префектура внезапно озаботилась общественным мнением. По ее поручению управа организовала рабочую группу из жителей и активистов. В два часа буднего дня мы собрались в парад-

ном конференц-зале, рассевшись на обитых блестящим, болотного цвета шелком стульях. На невысокой сцене под роскошным ламбрекеном за длинным столом сидели отмеченные соответствующими табличками глава управы, ее заместитель по вопросам ЖКХ и благоустройства, представитель проектировщика, представитель подрядчика, инженер технического надзора Департамента капитального ремонта и юрист дирекции парка, постоянно поглядывающий на свои подозрительно красивые наручные часы.

Партер стихийно разделился на две противоборствующие фракции. Слева кучно сидели оппозиционно настроенные защитники парка, а справа провластные муниципальные депутаты во главе с Виктором Геннадьевичем и общественные советники. Одна из них, женщина с вытянутым, недобрый из-за тонко ошипанных бровей лицом, как раз держала слово:

– Наконец-то наш парк приведен в порядок! – громко восхищалась она. – Есть, где погулять и отдохнуть. Я благодарю нашу дорогую главу управы Маргариту Степановну и, конечно, нашего уважаемого префекта Александра Тимофеевича за их заботу о благополучии жителей района. Думаю, сейчас я выражаю мнение всех присутствующих.

– Вам, Ирина Анатольевна, лучше не думать! – мгновенно вылезла Мария Соловьева и поднялся привычный ор. – Лучше расскажите нам, вы за прайс работаете или от чистого недомыслия? – осведомилась она, перекрикивая остальных.

– Я такой же житель, как и вы! – зычно парировала Ирина Анатольевна.

– Таки по недомыслию!

– Тихо! Тихо, коллеги! – обратилась к залу глава управы, – мы здесь не для ссоры, а для решения конкретно поставленных задач. Вы должны согласовать нам лавочки и урны, которые поставят в парке.

– Лавочки! – выплюнула красная от гнева Псина, вскочив с места. – У нас тут нарушений в полный рост! Капитальное строительство павильонов, – принялась перечислять она, загибая пальцы, – их надо сносить. Асфальтирование дорожек. Половину берега пруда заложили плиткой, вторая половина – в резине. Уничтожена луговина. Понаставили беседок, где теперь бомжи бухают. Трансформаторная подстанция! Вы охренели?!

– У нас на повестке стоят только лавочки и урны, – твердо повторила глава управы.

– Сливают повестку, – мрачно предсказала Алена, когда мы покинули это бессмысленное мероприятие.

Глава совета муниципальных депутатов Виктор Геннадьевич долго и удрученно жаловался, что весь год из-за наших эгоистичных действий, затянувших сроки благоустройства, он был лишен возможности проводить в парке праздники для жителей. Но теперь он был рад и готов отметить стремительно приближающийся день города со всей доступной ему пышностью.

В парке тем временем случился мор рыбы и уток. Их трупики неммым укором прибивались к обмелевшим берегам и плавали там в мутной, с радужными разводами воде. Рыбаки обвиняли во всем рабочих, сливших в пруд какую-то дрянь, но жаловаться кому-либо кроме нас наотрез отказывались. Дирекция парка во всем обвинила несознательных жителей, закормивших уток хлебом.

Моя коллекция фотографий пополнилась множеством трагичных кадров. В парк я ходила все реже и гуляла только по окраинам, избегая приближаться к пруду. Его вид вызывал у меня только печаль и раздражение от собственного бессилия.

Вскоре Псине пришло письмо из Департамента капитального ремонта. Заместитель руководителя Журавликов сердечно благодарил ее за небезразличное отношение к жизни города, а также информировал о прекращении переписки ввиду того, что все необходимые разъяснения по вопросу благоустройства парка ей неоднократно уже были даны. Префектура бодро рапортовала о завершении работ и сообщала, что парк функционирует в обычном режиме. Прокуратура успокоилась исправлением технической ошибки. Последнее письмо заместителя прокурора содержало непозволительно много для столь досточтимой организации капс-лока. Более никак текст ответов не менялся.

Бумажная волокита продлилась еще некоторое время, но дело со всей очевидностью было проиграно. Марина Арка-

дьевна вынашивала планы судебного разбирательства, вела переписку с юристами, но потом переключилась на вновь протесты против стройки храма в сквере. По слухам, церковь готовилась перейти в наступление. Даже районная группа притихла, сосредоточившись на спасении бездомных котиков и собачек.

Древним языческим богом повисло в небе августовское солнце. Хотелось, каясь, поклоняться усталому, густому жару обрюзгшего, красного диска, томящего людей в ожидании грядущего серого, могильного холода. Я стояла на узком тротуарчике у трамвайных путей. Справа, рядом – Мария Соловьева и какой-то пацан. Втроем мы заворуженно любовались выстроившимися в ряд слева от меня тремя девицами. Капризные складки их губ сочно блестели, а густо подмазанные брови были надменно изогнуты. Благословен был асфальт нашего спального гетто под их модными кроссовками – эти девчонки знали себе цену, позволяя солнечному свету ослеплять нас отраженным светом их молодости и красоты. Лениво ползли машины. Мимо них через дорогу сигналят квадратные поклонники белорусского трикотажа.

Мы торопливо влезли в прибывший трамвай. Встав у окна в хвосте, я рассеянно наблюдала, как уплывала вдаль припудренная капитальным ремонтом гряда многоквартирных домов. Я улыбалась солнцу и жизни, старушкам, презирающим правила дорожного движения, и азиатам в оранжевых жилетах, катящихся по своим делам на замысловато тюнин-

гованных великах.

Дребезжа, трамвай царственно вывернул на шоссе. Смотреть назад было больше неинтересно и я отвернулась.

– Не думаю, что уполномоченный по правам человека нам чем-нибудь поможет, конечно. – прервала молчание Мария.

Я всерьез решила бросить и без того затухшее дело с парком, но Мария уговорила меня не сдаваться пока не опробуем все доступные варианты. От перспективы повторять историю благоустройства очередному равнодушному должностному лицу на меня накатила усталость.

– Но есть и хорошая новость, – Мария прочла сообщение в телефоне и улыбнулась. – Алена пишет, что после выборов мэра нашего префекта снимут. Ее источники утверждают, что мы с парком сыграли в этом не последнюю роль.

Повод вычеркнуть из черного списка хотя бы одно имя (– Зато какое! – воскликнула Мария) меня несколько приободрил, но облегчения не принес. Я успешно вошла в курс того, как лихо делались дела в районе.

Еженедельное совещание в префектуре административного округа шло в привычном рабочем режиме. Немного выдавало внутреннее беспокойство присутствующих. Взгляд Алексея Ивановича, заместителя префекта по вопросам ЖКХ и благоустройства, плавно скользил по темным силуэтам сидящих за столом. Яркие лучи необычно золотого для конца октября утра пробивались через неплотно при-

крытые жалюзи и собирались лужицами на складках темно-синих и серых костюмов, играли металлическими бликами на наручных часах, выглядывающих из-под белоснежных манжет рубашек, искрились на полированных ноготках руководителя аппарата префектуры. Она отчитывалась об итогах работы своего подразделения – формальность, обращения граждан, но в ее голосе то и дело проскакивали дрожащие нотки испуга. Алексей Иванович тоже волновался смутно где-то глубоко внутри себя. И все же он был хорошим зампрефекта, опытным государственным служащим с многолетним стажем работы в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Лицо его всегда оставалось безмятежным, с безупречно вежливой полуулыбкой и сосредоточенным взглядом, которым он чаще избегал встречаться с кем бы то ни было и отводил задумчивым наклоном головы.

Источником всеобщего беспокойства был назначенный накануне новый префект, и в этот самый момент он благодарил руководителя аппарата префектуры за полный, обстоятельный доклад.

– Итак, – продолжил префект после краткой паузы в ожидании, когда уляжется деловитый шелест бумаг, – предлагаю перейти к последнему, но крайне важному вопросу нашей сегодняшней повестки.

Алексей Иванович прекрасно знал, о чем пойдет речь. Бурная хозяйственная деятельность предыдущего руководства вызвала нарастающее недовольство жителей. Теперь го-

родская власть на каждом шагу спотыкалась о местных активистов и их не становилось меньше.

– Поэтому мы будем осуществлять постоянный мониторинг социальных сетей, – префект пристальным и строгим взглядом обвел своих смешавшихся подчиненных. – Каждый из вас, – уточнил он и, помолчав, добавил: – Лично.

К моменту, когда Алексей Иванович вернулся с обеденного перерыва, секретарь уже завела ему аккаунт в фейсбуке и вступила во все популярные группы окружной тематики.

– Чтобы подписаться на новые комментарии к посту, нужно нажать сюда, – секретарь щелкнула мышкой, и верхнем правом углу через мгновение появилось красное пятнышко с цифрой – уведомление.

Убедившись, что на данный момент все свои задачи выполнила, она, стуча каблуками, гулко удалилась. Некоторое время Алексей Иванович листал адресный перечень многоквартирных домов, предложенных управами районов к проведению капитального ремонта подъездов в следующем году, оставил на титульном листе документа свой одобряющий, витиеватый росчерк и, преодолев некоторое внутреннее сопротивление, сел читать, что пишут в интернете.

Бесконечная лента текстов и картинок гипнотизировала зампрефекта, будто извивающаяся хищная змея. Мягко и неспешно она отворила свою пасть и проглотила все мысли и чувства Алексея Ивановича, а вместо них десятки, сотни голосов врезались ему в мозг и шептали там, бор-

мотали, постоянно требовали чего-то еле различимо. «Мы против стройки храма в сквере!» – вдруг вскрикнул один. «Управляющая компания рисует нам долги!», «А кто плитку укладывал? Таджиккиргизузбекспецстрой! Чего вы хотели?», «Уже три года инвалид-колясочник просит управу сделать ему пандусы в подъезде...», «За нынешнюю власть голосуют только глупые пенсюки!», «Расскажите, а кто справится лучше?», «Обладатель виллы в Лозанне внес проект об оскорблении патриотических чувств», «Во дворе поставили горку. Дети скатываются по ней прямо в фонарный столб», «Собачники не убирают за своими питомцами!», «Покрытие с краской представляет собой скользкий травмоопасный участок, люди падают и ломают себе руки и ноги...», «В парке нужны туалеты, кафе и комната матери и ребенка!», «Бедные краснокнижные птицы!»

Алексей Иванович очнулся. Рука на мышке замерзла и затекла. За окном уже стемнело, неслышно блестел дождь в свете фонарей. Здание префектуры опустело, только охранник проводил выходящего зампрефекта сонным кивком. И голоса. Они волочились густым, тяжелым шлейфом вслед, шебуршали у Алексея Ивановича за затылком и тут же начинали перекрикивать друг друга, стоило ему случайно выделить в общем хоре какой-то один.

– Нормально, – вздохнул он на вопрос жены, которым она обычно встречала его с работы. Большого говорить не требовалось: ей никогда не были интересны подробности его служ-

бы. Безразличной тенью она скользнула вглубь дома сервировать стол к ужину. Дочка уже несколько лет жила и работала за границей. Заводить любовниц Алексей Иванович считал опасным и расточительным. Поговорить было не с кем. Он лежал в кровати без сна и смотрел в темно-серый потолок, на котором плавным калейдоскопом проступали слова из тех, что преследовали его сегодня весь день. Какая-то тонкая и звонкая струна внутри зампрефекта нервно дрожала от этого многоголосого шепота. На секунду или две ему даже померещилось, будто все вокруг: и стены, и потолок, и кровать, и жена, тихо спящая рядом, – иллюзия, а сам он все еще сидит перед слепящим монитором в темном кабинете, и фейсбучная лента ползет бесконечно, протискивается через нежную пелену сетчатки острыми иглами чужих фраз. И что же все-таки реально было Алексею Ивановичу никак не уловить. Потом пришло воспоминание, как давно, сразу после института он был отправлен по распределению на свою первую работу – инженером в районный ЖЭК. Как похожая на бархатную земляную жабу дежурная Марина Валентиновна выдала ему пухлыми, когтистыми пальчиками ключи от подвала, и они с мятым сантехником Виктором Николаевичем пошли устранять протечку в старом доме на другом конце улицы. Они брели и шутили матерно меж собой, а ветер веял свежестью недавно ушедшей грозы и мокрая улица вся светилась голубым светом прояснившегося неба. Шел Алексей Иванович, легко ступая и широко улыбаясь, по той ули-

це, пока его мысли наконец не перетекли в дрему.

Весь следующий день зампрефекта провел как в тумане. Реальность обтекала его, рассекаемая темной, бурлящей молвой демонов-голосов, обвинившейся вокруг него. «Нельзя допускать сбора листового опада с газонов...», «Из-за капитального ремонта теперь протекает в доме крыша!», «Когда же они наворуются?!», «Платные парковки дорожают, доят нас как хотят». На столе будто из воздуха материализовалась стопка ответов на обращения жителей, зампрефекта начал рассеянно подписывать все листы подряд. Мерцающим, глухим эхом удалялся от него звук каблучков секретаря. Мир двигался заторможено. Машины вокруг чуть ползли, вся улица была забита в обе стороны и грозила превратиться в одну сплошную пробку. Алексей Иванович ехал домой. Расслабляющая музыка из приемника постоянно прерывалась злобным шипением голосов о глупости градостроительной политики властей. Улица встала в ожидании зеленого сигнала светофора. Тут же в окна машин стали стучаться бабки, торгующие вязанными носками, варежками и платками. Одна из них, впрочем, заметил Алексей Иванович, осталась на тротуаре и, согнувшись в три погибели, крошила негнушимами от старости пальцами сухарь прыгавшим вокруг нее голубям. «Пернатые крысы!» – пронзительно взвизгнул голос, – «Полная антисанитария!» Загорелся зеленый, но ехать домой Алексею Ивановичу уже не хо-

телось. Добравшись до ближайшего переуллка, он свернул в сторону сквера, благоустройство которого вызвало возмущение у местных жителей и муниципальных депутатов. «Да-да-да, – откликнулся неуловимо знакомый голос из глубины, – бордюры по документам кладут в три ряда, а плитку – в три слоя». Зампрефекта опустил взгляд и поморщился от вида плитки, уложенной под ногами. Голоса недовольно бубнили ему за ухо. Сквер был пуст, хотя вечер был теплый. МАФы не успели установить, понял Алексей Иванович, и вспомнилось ему, как студентом он с сокурсниками в практику укладывал асфальт на соседней улице. Солнце тогда горело ярко и пекло нестерпимо. Шум летнего города плавился в маслянистом воздухе над раскаленной дорогой. И веселье побеждало усталость, когда убегал он с друзьями, смеясь, по оглушительному свистку бригадира отдыхать в тенистую тишину этого сквера. С периферии сознания Алексея Ивановича веяло совсем другим, но когда-то давно привычным чувством. Зампрефекта стоял в пятне плотно-желтого света фонаря и смотрел, как ветер сдувает сухие листья с деревьев. Никак не мог он назвать или описать то ощущение, возникшее в нем от вида их легкого бега по воздуху, от шороха, с которым они падают и скребутся о землю. Будто бы весь мир обратился в засыхающее дерево, а люди были листьями, опадающими, но не сразу: есть еще время, миг, сон, порыв, – думал Алексей Иванович и, вдохнув глубоко запах осени, улетел вслед за листьями и ветром туда, откуда истекает сама природа

всего мира.

И наступила долгожданная тишина.

КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ

Сложно назвать москвичами жителей районов, лежащих за пределами Третьего транспортного кольца – там живут непокорные измайловцы, тихие перовчане, зубастые вешняковцы и так далее. В каждом районе, будто в отдельном городке, прилепившимся к столице, царит своя атмосфера, которую можно уловить, погрузившись в его внутреннюю, скрытую от поверхностного взгляда жизнь.

Свое детство я провела, играя в прятки в Крутицком подворье. Испещренный богатой резьбой зеленый теремок метрополита отпечатался в моей тогда еще зарождавшейся душе полным неосознанного благоговения ощущением древности. И будто бы благодать спускалась мне на плечи каждый раз, когда я пробегала через святые ворота. Потом можно было уйти до Новоспасского монастыря, кружить там вокруг пруда, а дальше, выйдя на набережную, долго брести до Кремля под матушкины байки из семейной истории. Когда я переехала жить к мужу, дух старой Москвы покинул меня, Москва оказалась далеко, хотя доехать до центра на метро можно было за двадцать минут. Я часто бывала там по делам, но просто так, погулять выбиралась теперь редко. Я больше не чуяла того уюта и тепла, что окружали меня в прошлом. Все время были какая-то духота и жар от лысых, закованных в плитку и гранит улиц, вонючий, перемешанный со

смогом машин воздух, грязь и пыль на надменных фасадах и уныние запертых ворот там, где раньше можно было проскочить задворками. Хотелось спастись от торопливой, нервной толчеи, бежать от неприятного осязания себя чуждой этому месту – обратно в свой район, где деревья обступали и веяли прохладой, к тихим пятиэтажкам, опутанным желтыми артериями газовых труб, и пройти от станции метро насквозь дворами, где в пене кустов и цветов товарищески топорщили свои крашенные крылья лебеди из покрышек, множились розовые свинки из пластиковых бутылок и свисали с оконных решеток затейливые, самодельные кормушки для птиц. Вместо величавого духа старины здесь жила свойская самобытность, которая как мама – любила меня такой, какая я есть. Я перестала чувствовать себя москвичкой.

Сонным и полупустым стоял летним утром район по дворовым закоулкам. С первыми лучами солнца слышался скрежет жестких метел об шершавый асфальт. Пыль взвивалась в воздух. Дворники мели окурки, мелкий мусор и листву, громко перекрикиваясь между собой. Неразборчивая мелодия их речи переносила разум, еще скованный утренней дремой, в далекую, жаркую страну, где из белых глухих стен готовы были вонзиться в ослепительное голубое небо острые пики минаретов.

На перерыв дворники собирались у меня под окнами гостиной, щебетали, как воробьи, присев на низенькой, железной ограде между газоном и парковкой, и слушали свою

музыку на телефоне, пока строгий окрик техника не разгонял их обратно по окрестным дворам. Следом раздавался треск триммера и тогда надо было срочно вставать, бежать на улицу – выгонять нарушителя семьсот сорок третьего постановления Правительства Москвы о правилах содержания и охраны зеленых насаждений.

Затравленным взглядом встречал понурый работник в оранжевом жилете требование немедленно прекратить косить траву неположенным устройством, огрызнулся, что газнокосилку ему не выдавали. Упрямство у него тут же пропало, стоило только достать телефон и начать его снимать. Он поспешно отворачивался и бежал с места преступления, чтобы выждать подходящее время. Противостояние хитрости и бдительности шло с переменным успехом, пока, наконец, Жилищник не выигрывал, оставив после себя пыльную, серую землю, устланную засыхающими срезанными стебельками.

В то лето благоустройство улиц, массивированное мощение и асфальтирование вырвалось за пределы Третьего транспортного кольца и покатилося пыльным комом по спальным районам. Черда беспоконных дней тянулась под бесконечный грохот отбойных молотков и вонь газующих грузовиков. Раздражение мое нарастало. Реновация, затем комплексное благоустройство нашего парка добавили мне седых волос. С мрачным интересом я рассматривала побелевший висок, стоя в ванной перед зеркалом. Шли разговоры о готовящем-

ся законопроекте с упрощенной процедурой, по которой одним решением муниципалитетов можно было изъять земли вместе с жилыми домами под инвестиционное развитие территорий. Формулировка маскировала собой алчность стройкомплекса и стабильного будущего жителям нерентабельных пятиэтажек не обещала. Мэр, трезвонили телеграм-каналы, метил в федеральное правительство и шел этой осенью на свой последний срок, что заставит его команду выжимать из подконтрольной территории максимум прибыли на тот случай, если власть не получится передать спокойно по наследству.

Мой же жизненный план был смят страхом перед чем-то настолько могущественным, что можно назвать это злым роком или судьбой, если бы я не знала конкретных исполнителей поименно, а некоторых даже в лицо.

– Сергей Семенович! – укоряюще воскликнула дама. Она кинулась в кадр своей массивной грудью, глядя прямо и смело перед собой. – мы не можем больше так жить!

Глаза ее гневно блестели, а голос был высоким и сильным, как у плакальщицы на похоронах. За ней толпились жители из трех домов, оказавшихся впритык к строящейся сквозь столицу транспортной хорде. Перебивая друг друга и галдя, как сороки, они делились своими диагнозами, смертельной усталостью и бессонницей – тем, во что превратилась их жизнь, когда к ним под окна пришла лихая стройка шести-

полостной автомобильной магистрали.

Дома эти стояли на дальнем от меня краю района. Пешая прогулка заняла у меня около часа. Туда нас с Марией позвал председатель Алексеев. Он жил в одном из тех домов и выдвинулся кандидатом в муниципальные депутаты. Все пятиэтажки в непосредственной близости от хорды проголо-совали за вход в программу реновации. Он надеялся попасть с соседями в первую волну переселения и съехать поскорее из этого забытого богом и тишиной места.

– Вот уж кому это точно нужно, – сказала Мария, мы встретились с ней на полпути к месту и петляли по дворам, постоянно сверяясь с гугл-картой.

Здесьнее запустение можно было назвать уютным. Витрины и фасады домов хранили дух поздних восьмидесятых. Забытая глушь потихоньку ветшала среди густых тополей и душистых лип. Место казалось ленивым и спокойным, пока визг тормозящих скоростных поездов не прорезался стремительно от железнодорожных путей мимо обшарпанных сонных пятиэтажек прямо в мозг, заставляя кровь стынуть в жилах. Был солнечный августовский день, но пугающие звуки, повторяющиеся периодически, будто предупреждали, что я следующим своим шагом окажусь в арт-хаусном хорроре. По мере продвижения вглубь квартала к визгу поездов примешался нарастающий гул тяжелой строительной техники, мерный металлический лязг вбиваемых свай и протяжный вой болгарок. Путь преградил высокий серый забор, за-

ставленный в два этажа с другой стороны рифлеными синими бытовками, а над ними чуть дальше возвышались мощные колонны будущей хорды. По узкой улочке, заставленной машинами протискивались грузовики, оставляя в воздухе плотный дымный след. Председатель Алексеев с соседями нас уже ждал.

– Здесь сорок метров, – он указал на угол кирпичного дома и провел от него в воздухе невидимую черту до забора.

– Я инвалид и астматик! – пожаловалась полная женщина в застиранном домашнем платье. Она носила огромные очки с толстыми стеклами и шепелявила из-за отсутствия передних зубов. Вряд ли она могла позволить себе переехать. Стоимость ее квартиры из-за неприятной близости к строящейся трассе стремилась к нулю.

– А что за адские звуки от железной дороги? – поинтересовалась Мария.

– А! – махнул рукой председатель Алексеев в сторону забора, – под хорду вырубил всю защитную полосу кленов. Штук пятьсот. Теперь слышно, как поезда тормозят. Шум круглосуточный и от них, и от стройки.

– А вы кто? Представьтесь, пожалуйста! – обратилась ко мне маленькая, сухая старушка, подозрительно щурясь подслеповатыми глазами.

– Валентина Ивановна, я же вам говорил! – ответил вместо меня председатель Алексеев. – Это наши районные корреспонденты. Мария состоит в Народном совете, а Дарья, –

он тронул меня за плечо, – надеюсь, скоро к нам присоединится.

– А вы гарантируете, что сможете решить нашу проблему? – допытывалась старушка. Ее соседки, подойдя почти вплотную, алчно смотрели на меня, явно готовые сожрать в случае, если ответ будет дан отрицательный.

– Мы отправим этот ролик в администрацию президента, – честно ответила я. – Возможно, будет какая-то реакция.

В благополучном исходе дела я сильно сомневалась. В самом лучшем случае, жителей могли распихать куда-нибудь далеко за МКАД, что вряд ли бы их устроило.

– Понятно, – мрачно подытожила старушка, – снова все уйдет в пустоту.

– Попробовать всегда стоит! – ободрила ее Мария Соловьева, но старушка обиженно отвернулась.

– Пусть хотя бы клены обратно посадят! – бросила она нам через плечо.

– Деловая, будто денег нам заплатила, – тихо буркнула Мария.

Председатель Алексеев провел нас через неприметную калиточку на территорию стройки. Мимо бегали рабочие в синих касках. Сквозь суету мы втроем аккуратно пробрались вдоль бытовок. Из одной нам навстречу вышел улыбочивый толстяк, обтянутый синим комбинезоном, – начальник участка. Он приветливо пожал протянутую председателем Алексеевым руку.

– Потерпите! – весело пробасил начальник участка на его замечание о невыносимом шуме. – Скоро мы тут закончим и пойдем дальше!

Он повернулся, глянув в даль, куда уходил долгий ряд серых колонн.

– Вся Москва строится! – воскликнул он, как если бы снимался в репортаже о героях-строителях дороги в светлое будущее.

Он сдвинул каску на затылок, отчего приобрел еще более дружелюбный вид.

– Нам сроки такие поставили, – сообщил он, похлопывая себя по пузу, – работать и ночами приходится.

– Неужто по просьбам жителей? – уточнила Мария.

– Да кто ж такое захочет? – искренне удивился начальник участка.

Он потихоньку выдавливал нас обратно в сторону калитки.

– Вы не поверите, но и такое бывает! – горько усмехнулся председатель Алексеев.

Недавно он в составе делегации кандидатов в муниципальные депутаты вторгся на одну из стартовых площадок по программе реновации. Появились они неожиданно: власти объявили несколько адресов в районе и начали строить дома, о которых известно было только то, что туда переедут жители пятиэтажек, идущих под снос. Без подробностей.

Операцией руководила Инна Смирнова. Она развернула

агрессивную избирательную кампанию и огнедышащим локомотивом перла в Совет муниципальных депутатов. Реновация оказалась жаркой темой. Пока одни жители обсуждали, где еще можно построить стартовые дома, чтобы ускорить собственный переезд, другие жители, под чьими окнами внезапно появилась круглосуточная стройка, писали жалобы на шум и требовали немедленно прекратить пытки.

Инна Смирнова после налета выложила в районную группу коллективное послание некоей инициативной группы граждан, обратившейся к застройщику с просьбой ускорить процесс возведения дома. Другая, не менее инициативная группа, обратившись к Инне Смирновой, хотела добиться соблюдения закона о тишине, но застройщик упорно ссылался на мнение тех, других жителей, а чиновники убеждали недовольных потерпеть ради будущего блага соседей.

– Не понимаю, зачем собачиться... – осуждал всех председатель Алексеев, но в рейды со Смирновой по стройкам регулярно ходил.

– Вам бы тоже в реновацию, – рассуждал он после того, как начальник участка с шутками-прибаутками аккуратно вытолкнул нас за забор. Соседи уже разошлись страдать дальше от шума и пыли, а председатель Алексеев взялся показать нам шестнадцатизэтажку, мимо которой, метрах в десяти, в скором времени будут ездить бесконечные потоки машин.

– Вот у них вообще без вариантов, – вздохнул председатель Алексеев. – Они смогли добиться только, чтобы им ок-

на поменяли.

– У меня, к счастью, хорда рядом не строится. – ответила я, впечатленная пропитавшей квартал трагедией. По старым планам, оставшимся еще с советских времен, хорда должна была идти по ту сторону железной дороги, через промзоны. Под лозунги о модернизации и прогрессе власти города перенесли стройку к жилым домам и втоптали край района в преисподнюю. Догадка о причинах такого решения была у местных только одна – промзоной владел человек, достаточно влиятельный, чтобы отстоять неприкосновенность своей частной собственности.

– Да, это понятно, – отмахнулся председатель Алексеев, – но все равно дом будет новый.

– У меня и капитальный ремонт скоро будет, – продолжала я.

– Нельзя наши дома ремонтировать! – уверенно заявил председатель Алексеев, – у вас дом, как и у меня, хоть кирпичный, но перекрытия-то деревянные...

– Железобетонные, – холодно поправила его я.

Еще в июне, готовясь отражать атаку Вероники Леонидовны, я нашла в сети график капитального ремонта моего дома. Начало работ было запланировано на 1 августа, а завершение – 31 декабря. Кропотливый поиск на сайте госзакупок был вознагражден проведенным фондом капитального ремонта в мае тендером. В документах закупки был договор и проектно-сметная документация. Находка моя была, впрочем,

омащена заключением комиссии. "Закупка признана несостоявшейся" – значилось в итоговом протоколе.

– Не переживайте вы так, женщина! Если капремонт вашего дома запланирован, значит он обязательно будет. – успокаивал меня уверенный мужской голос. На сайте фонда, ответственного за мероприятие, я нашла среди прочих, где не брали трубку, телефон городской комиссии по контролю за капитальным ремонтом. – Это всего лишь значит, что контракт будет заключен с единственным участником, вышедшим на торги.

Через несколько дней во дворе появился строительный городок – маленькая, проржавевшая бытовка с зарешеченным окошком и голубая кабинка. На заборе в бело-зеленую полосу был вывешен информационный щит, с которого я переписала номер телефона начальника участка.

Все первую неделю августа ничего не происходило. Я позвонила начальнику участка. Номер был недоступен. Затем я позвонила в территориальный отдел фонда капитального ремонта. Там не брали трубку. Я позвонила в Жилищник. В управляющей компании, кажется, к телефону не подходили принципиально. Наконец, на мой звонок откликнулись в управе района. Приятный, но равнодушный женский голос продиктовал мне еще один номер, позвонив по которому, я наткнулась на раздраженную даму.

– Я тороплюсь, – сообщила она быстро. – Что там у вас?

Я сжато изложила ей суть своего беспокойства относительно никак не начинающегося ремонта.

– А я тут причем? – нетерпеливо спросила дама.

– Мне сказали, что вы курируете вопросы капитального ремонта со стороны управы... – я уже сомневалась, туда ли я звоню, куда мне надо.

– Да, – подтвердила дама и предложила, – оставьте свой номер. Я разберусь и перезвоню.

Она бросила трубку, едва я закончила диктовать свой номер телефона. Раздражение дамы из управы передалось мне. Не мешкая, я открыла сайт Администрации президента и написала язвительное послание о срыве графика производства работ по капитальному ремонту с нелицеприятными подробностями, описанными мной со всей желчью, которую я смогла выдать из себя, будучи человеком в целом неконфликтным, но порядком выведенным из себя творящимся бардаком. Нажав кнопку "Отправить" я испытала некоторое облегчение, по опыту переписки о парке зная, что моя жалоба пройдет вереницу инстанций в течение ближайших тридцати дней и принесет какому-нибудь ответственному должностному лицу дискомфорт.

– "Они все сейчас муниципальными выборами заняты. Там паноптикум!" – писала мне Мария Соловьева.

Я открыла присланную ею ссылку на видео. В тесном помещении за столом сидела средних лет невзрачная женщи-

на в синем жилете поверх белой рубашки. Она угрюмо наблюдала, как коммунист Железный и переметнувшийся на сторону оппозиции переизбирающийся молодой депутат Андрей Семенович безрезультатно дергают ручку двери. За их спинами Инна Смирнова, широко улыбнувшись в камеру, принялась объяснять:

– Председатель участковой избирательной комиссии номер тринадцать-восемнадцать пытался сбежать с протоколом подсчета голосов. Наши наблюдатели ему помешали и тогда он скрылся за этой дверью. Заперся изнутри.

Она сняла с плеча болтавшийся на кожаном ремешке портативный громкоговоритель и, направив рупор в сторону закрытой двери, поднесла микрофон к губам.

– Светлана Николаевна! – раздался ее гнусаво искаженный голос. – Выходите немедленно! Вы нарушаете закон. Мы вызвали уже полицию.

Коммунист Иван Железный навалился плечом на дверь в попытке ее выдавить.

– Не смейте портить школьное имущество! – взвизгнула угрюмая женщина, никак, впрочем, иначе не вмешавшись в происходящее.

– Мы предотвращаем преступление! – парировал коммунист Иван Железный.

Его соратник, молодой Андрей Семенович обошел стол, за которым сидела и возмущалась вандализмом женщина, распахнул дверцу миниатюрного шкафчика, висевшего на

стене за ее спиной.

– Вы не имеете права! – воскликнула женщина, обернувшись и с тревогой наблюдая, как Андрей Семенович твердой, уверенной рукой собирал ключи, подвешенные на крючки за желтые пластиковые брелоки.

Вернувшись к закрытой двери, он стал пробовать подобрать ключ к замку. В этот момент в помещении появился полицейский. Камера и Инна Смирнова немедленно обратились к нему.

– Товарищ полицейский! Нам необходимо сейчас же вскрыть эту дверь!

Страж закона замер в нерешительности. Мгновение созерцавши открывшуюся перед ним сцену, он, будто очнувшись, достал из нагрудного кармана телефон и принялся звонить. Он быстро шагал по коридору прочь от преследовавшей его камеры. Оператор выхватывал то его затылок с прижатым к уху телефоном, то искаженное гримасой презрения лицо Инны Смирновой, громко требовавшей от полицейского представиться, показать документы и перестать советовать с управой о том, как половчее замять творящийся прямо сейчас у всех на глазах беспредел.

"А снимает это все товарищ Лебедев. Он тоже был кандидатом и во время избирательной кампании его обвиняли в героиновой зависимости и симпатии к фашизму. В итоге, он был снят за утаенную им уголовную судимость," – прокомментировала Мария Соловьева в чате. – "Он шел, кстати, по

твоему округу. Там выиграла в итоге пятерка провластных кандидатов, включая нашего бессменного главу совета депутатов Виктора Геннадьевича".

– Просто потрясающе! – вырвалось у меня, когда я посмотрела на три скрепленных скобой листочка.

Через пару дней после скандальных выборов муниципальных депутатов, мне позвонила сотрудница Жилищника и попросила как можно скорее прибыть на подписание акта открытия ремонтных работ в моем доме. В восемь часов на следующее утро, 13 сентября 2017 года я терпеливо сидела на обитом коричневой рогожкой, пыльном стуле в инженерном отделе №7, укромно расположившемся на цокольном этаже новостройки, рядом с которой, по рассказам старожилов, незаметно для глаз непосвященных дремал советский радиоактивный могильник.

Ласковая и непоседливая сотрудница инженерного отдела представилась Мариной и долго копалась в бумагах, толстым слоем укрывавших ее стол.

– Черт-те что, а не работа! – причитала она без конца. – Ну, а что делать? Супруг мой умер, а на руках осталась лежащая свекровь. Не могу же я ее бросить и уезжать далеко не могу. Приходится даже по крышам лазить. Вот! – Марина показала мне трещину на экране своего телефона. – Уронила, когда лезла на чердак. Неизвестно, возместят ли. Сволочная работа! – Она горестно покачала головой и вернулась в

поискам акта, рассуждая о тяготах своей личной жизни при маленькой зарплате.

Я поддерживала беседу с ней словами сочувствия в надежде заручиться ее расположением. Вряд ли она что-то решила, но могла стать ценным источником информации. Наконец она протянула мне нужные три листочка и ручку. Ей совсем не сиделось на месте и, пока я, поджав губы, изучала выданный мне акт открытия работ, она отошла к небольшому аквариуму в углу кабинета и принялась кормить двух черных рыбок, лениво перебирающих роскошными, струящимися плавниками.

– Отсутствует дата составления акта и номер договора, – констатировала я вслух.

– Слушай, – устало отозвалась Марина, – мне как дали, так я и выдаю. Сказано было собрать все подписи с нашей стороны как можно скорее.

Я открыла последнюю страницу. Там уже стояло несколько росчерков и печати.

– Хочешь, сделаю тебе копию? – предложила Марина, встав у меня над душой.

– Да, пожалуйста, – попросила я ее и с мыслью, что совершаю один шаг к тюрьме, подписала ей акт.

Заместитель главы управы по вопросам жилищно-коммунального хозяйства, строительства и благоустройства Валерий Николаевич двумя пальцами, аккуратно, будто бумага

была пропитана ядом, взял ксерокопию акта и внимательно осмотрел свою подпись. Я нанесла ему визит, по предварительной записи, через несколько дней после похода в инженерный отдел №7 Жилищника.

Его просторный кабинет был пустым и необжитым, как если бы Валерий Николаевич только-только в него въехал. На большом столе стоял монитор, лоток для бумаг и неказистый письменный прибор. На бледно-желтой стене в металлической рамке одиноко висела благодарность. День выдался прохладным и на спинке его кресла висела легкая, черная кожанка. Смотреть больше было не на что, поэтому я безыдейно пялилась в лысину задумчиво склонившегося над документом Валерия Николаевича и на его сломанные уши. Наружность замглавы не очень соответствовала его должности. Валерий Николаевич возрастом был лет за пятьдесят, бережно хранил остатки некогда прекрасной физической формы и идеально походил на бандита из 90-х.

Идти к нему мне посоветовал муниципальный депутат прошлого созыва. Его подпись стояла в акте, но, оказалось, что подписывал он документ еще в мае, а в новый состав совета депутатов не переизбирался.

– Я увидел, что Валерий Николаевич подписал и счел нужным последовать его примеру, – медленно подбирая слова, оправдывался депутат. – Валерий Николаевич – опытный в этих делах человек.

– Вероятно, не разобрался, – спокойно сообщил после

продолжительного молчания Валерий Николаевич и вернул копию акта.

– Ха! Ха! Ха! Смешно. – без тени веселья отреагировала Мария Соловьева на мой возмущенный рассказ. – Николаич сидит тут замом по ЖКХ уже сто лет. Главы управ меняются, а он остается.

Валерий Николаевич протянул руку, нащупал снизу на мониторе маленькую кнопку и нажал на нее. Монитор мигнул логотипом производителя и загорелся ровным, блекло-серым светом. Поделенный сеткой из восьми маленьких экранчиков, он транслировал видео с камер наблюдения, установленных в коридорах управы, при входе и у лифтов. Немое и бессюжетное кино, где, замирая посекундно на каждом шагу, как призраки, проплывали деловитые коллеги. Лабиринты коридоров хранили торжественный покой, но пристально глядя в монитор, где мелькали по экранчикам их макушки с разных ракурсов, замороженный, задумчивый Валерий Николаевич чувствовал, как нарастает в груди тревожное напряжение. Неопределенность этого затишья мучила его, будто привычный, удобный, тщательно выстроенный его мирок вскорости должен взорваться и опрокинуться, оставить Валерия Николаевича беззащитным и сломленным. К тому он был морально готов и даже мысленно ожидал, что на серые, тусклые экранчики ворвутся резким, плотным контрастом вооруженные люди в черном. Быстро и резко раз-

бегутся они по коридорам, затаятся по углам вокруг двери в кабинет. На секунду все замрет, а затем с оглушительным грохотом влетит легкая, будто картонная, дверь и за ней следом – тройка в масках, чтобы положить свою цель мордой в пол. Валерий Николаевич видал такое неоднократно за свой долгий срок службы, особенно часто в девяностые, но каждый раз черная буря пролетала мимо его кабинета.

В памяти Валерия Николаевича восстало совсем недавнее, сияющее мертвенной бледностью, искаженное страхом и обидой лицо бывшего главы управы. Валерий Николаевич бесстрастно смотрел, как его выводили, как враз глава управы сжался из гордого и надменного слуги государства в ссутулившегося, растерянного старикашку. Он был жалок и печален, расплатившись за недавнюю свою самоуверенность и последовавшую за тем беспечность.

Шевеление на нижнем, левом экранчике заставило Валерия Николаевича отвлечься от горьких размышлений. Он увидел, как по холлу в сторону кабинета новой главы управы Маргариты Степановны стремительно и безапелляционно просквозила Марианна Константиновна. За ней, грузно переваливаясь, не поспевал интеллигентно безобидный охранник. Марианна Константиновна, известная своей экстравагантностью и дерзким нравом, презирала паспортный контроль на входе в управу и была достаточно миниатюрной, чтобы в каждый свой визит без каких-либо затруднений протискиваться через уязвимую щель в турникете. Охранник

настиг ее в приемной Маргариты Степановны и после препирательств понуро вернулся на свое место, где вновь склонился над сканвордом, подставив под камеры неподвижную, блестящую лысину.

Марианна Константиновна гордо вскинула голову и по приглашению запуганного секретаря важно пересекла порог кабинета главы управы, скрывшись с камер и от взора Валерия Николаевича. Начались приемные часы. Между майскими праздниками посетителей было мало и вопросы их были мелкими. Ничего существенного не требовалось.

Тяжело вздохнув, Валерий Николаевич встал и подошел к окну. Под окном через дорогу пестрел отдыхающими горожанами окруженный кованой оградой зеленый сквер. Из окна в кабинете Валерия Николаевича на четвертом этаже был виден темный, будто жирно нарисованный на зеленом полотне газона деревянный крест, обнесенный сеткой, чтобы жители, протестовавшие против стройки на том же месте храма, не могли его повредить. История противостояния жителей и церкви в сквере длилась уже несколько лет. В прошлом году храм договорились построить в другом месте, но крест остался. По воскресеньям туда стекалась группа верующих во главе с несостоявшимся настоятелем – потрепанного вида мужчиной средних лет с жидкой бородой и в выцветшем, будто запылившемся, подряснике и скуфье. Он приходил как-то к Валерию Николаевичу, когда тот исполнял обязанности главы управы в междуцарствие.

– Нельзя убирать крест, – твердил он, опустив глаза, – место уже намоленное.

Когда новое место под строительство храма было найдено и согласовано, протестующие тут же потребовали убрать из сквера крест. Делать это должен был собственник своими силами и за свой счет, но церковь не признала, что крест принадлежал ей. Тогда один из местных жителей, юрист Виктор из Народного совета затеял судебный процесс, чтобы признать, якобы найденный им, бесхозный крест своим. Остроумный план юриста Виктора слегка даже тронул Валерия Николаевича. Усилия хитрого активиста должны были увенчаться успехом в самое ближайшее время – готовилось постановление суда. В соцсетях, под проклятия православных, храмоборцы злорадно праздновали победу. Несостоявшийся настоятель выглядел растерянным.

– Что ж, – поразмыслив, предложил Валерий Николаевич решение, – доставьте нам новый крест, а силами Жилищника мы его ночью тихо заменим.

Несостоявшийся настоятель поднял на его вопросительный взгляд. Валерий Николаевич сдержанно улыбнулся и подсказал:

– Это будет уже не тот же самый бесхозный крест.

– Церковь вам будет благодарна! – просиял несостоявшийся настоятель.

Новый крест был проще, лишенный резного декора, суровый, точно готовый к дальнейшей войне. Мрачной угрозой

он чернел под слепящим, после внезапно налетевшей грозы, весенним солнцем. Вокруг сквера, по тротуарам суетились рабочие. Вздывая густые, белые клубы пара они перекладывали асфальт. Работал городской подрядчик. Валерий Николаевич знал, что следом, месяцем позже придет Мосгаз и сломает новый асфальт, чтобы заменить износившиеся газовые магистрали. Все начнется по новой – жители будут роптать, преодолевая баррикады из железных ограждений и навалов земли, но Валерию Николаевичу было все равно. Он никому не мешал зарабатывать, не дерзил и не борзел, храня себя в доверии у префектуры и относительной безопасности.

Вновь перед его внутренним взором возник вспотевший, изрытый от напряжения глубокими морщинами лоб бывшего главы управы, его растрепанные, белесые волосы и поникшие усы, съехавший в беспорядке галстук. Сотрудники управы испуганно выглядывали из-за приоткрытых дверей, не решаясь выйти из кабинетов в холл, и провожали его долгими внимательными взглядами. Вслед за главой управы исчезли из района овощные палатки на людных углах и арбузные развалы, где Виталий Николаевич, бывало, в жару сладко и бесплатно угощался.

Телефонный звонок оборвал его задумчивое созерцание подведомственной территории. Маргарита Степановна, напившись сложносочиненно витиеватыми фразами Марианны Константиновны, послала за разъяснениями. Когда он вошел, глава управы сидела, подперев подбородок кулаком,

за широким и длинным переговорным столом. Блестящей громадой в окружении мягких полукруглых стульев с низкими спинками он стоял посередине ее просторного кабинета. Маргарита Степановна расположилась во главе стола крепким, мясистым комком, плотно обтянутым белой, полупрозрачной блузкой.

Скрыв за вежливой улыбкой свою неприязнь, Валерий Николаевич удобно уселся на указанный главой управы стул. Будто в подражание, Маргарита Степановна тоже откинулась со вздохом на спинку своего кресла и, капризно надув губы, некоторое время молчала. Валерий Николаевич терпеливо ждал, пока она в смятении подбирала слова. Марианна Константиновна производила неизгладимое и тяжелое впечатление на государственных служащих, не обремененных сколь-нибудь весомым опытом работы с населением. Маргарита Степановна была не готова к такому нападению. Должность ей досталась хлопотами высокопоставленного отца. Вероятно, и правоохранительная расправа над предшественником была следствием расчистки карьерного пути для любимой дочери. Мысль эта мелькала в глазах ее новых подчиненных, когда префект прибыл и, собрав всех в конференц-зале, представил Маргариту Степановну новой главой управы района. Многие, и Валерий Николаевич в их числе, работали достаточно давно и помнили ее отца до того, как тот добрался до недостижимых высот бюрократической пирамиды. Никто вслух никогда ничего не говорил, но все понимали: Маргари-

та Степановна пришла руководить по праву крови, но вряд ли задержится надолго. Отсидев для дальнейшего продвижения положенный срок службы, она без лишней заминки двинется выше. Сам же Валерий Николаевич хотел без потрясенный досидеть до пенсии, отчего смотрел вокруг с философской покорностью и смирением.

– У Марианны Константиновны сложилась некая неоднозначная ситуация с поверкой водосчетчиков, – прервала тишину Маргарита Степановна.

Виталий Николаевич легонько склонил голову, согласившись с высказанной Маргаритой Степановной мыслью. Она пыталась скрыть свою растерянность, но Виталий Николаевич понял, что продраться через запутанные словесные излияния Марианны Константиновны к сути ее претензий главе управы так и не удалось.

– Она требует, чтобы мы покаялись! – воскликнула с недоумением Маргарита Степановна, вскинув густо начерченную бровь. Виталий Николаевич снова кивнул, подтверждая единственное ясное требование Марианны Константиновны, с которым она ходила по кабинетам и инстанциям.

– Но за что конкретно? – уточнила Маргарита Степановна.

– Этого никто не знает, – соврал Виталий Николаевич и нарочито пожал плечами, подчеркивая всеобщее замешательство по данному вопросу.

Он давно понял в чем проблема, но подставлять ни ди-

ректора Жилищника, с которым он давно работал и дружил семьями, ни руководителя районного МФЦ, ни, тем более, Инженерную службу совершенно не хотел.

– Возможно, – продолжил он с вкрадчивой осторожностью, – она еще сама не совсем определилась. Я возьму вопрос на контроль, – добавил Валерий Николаевич терапевтическое заклинание.

Маргариту Степановну его ответ удовлетворил.

Трансляция с камер видеонаблюдения на его мониторе оставалась по-прежнему безжизненной. Валерий Николаевич подошел к окну и открыл его. Перегнувшись через подоконник, он бросил обеспокоенный взгляд на внешний угол здания управы. В ближайшей выходной, он уже распорядился, Жилищник тайно, под видом частичного косметического ремонта фасада, переварит узкую и прямую пожарную лестницу, ведущую на крышу, ближе к окну его кабинета.

– Ну, значит, моя жалоба на подпись в пустом акте ему не повредит, – сообщила я Марии Соловьевой, не отводя обеспокоенного взгляда от заслуженного учителя России, недавно вышедшей на пенсию Ирины Львовны. Упорно и энергично она пыталась перелезть через забор, окружавший стартовую площадку, где началось строительство очередного дома по программе реновации. В глубине за забором притаился временный офис начальника участка.

– Ирина Львовна, ради всего святого! – уговаривала ее

депутат Инна Смирнова. Она, стояла воздев руки, рядом с повисшей на заборе Ириной Львовной, готовая подхватить яростную пенсионерку. На плече у нее неловко и неудобно болтался всегда готовый к бою громкоговоритель.

– Из-за этого самоуправства к моему подъезду не может подъехать скорая! – вопила Ирина Львовна в забор.

С самого начала она выступала резко против программы реновации и решение вынести бытовой городок для строителей за пределы стройки, разместив в глубине дворов, на парковке у пятиэтажки, где жила и боролась с произволом Ирина Львовна, было воспринято ею как личное оскорбление со стороны главы управы района.

Соседи Ирины Львовны, лишившись дефицитных парковочных мест, полностью разделяли ее негодование и вышли на улицу выразить свой горячий протест. Наперебой они рассказывали о слухах, что глава управы Маргарита Степановна, движимая собственными карьерными амбициями, планирует сделать образцово-показательную стройку стартового дома. Со дня на день должен был приехать мэр и бытовой городок с потенциально нелегальными мигрантами вынесли подальше от августейших глаз и пытливых телекамер.

– Чтобы они у нас под окнами устроили отхожее место! – Ирина Львовна оставила попытки преодолеть препятствие и, забрав у Смирновой громкоговоритель, теперь пыталась докричаться до начальника участка, никак не желавшего выйти к собравшимся гражданам.

– Может, в прокуратуру еще напишешь? – тихо предложила мне Мария Соловьева.

– Надо бы, – равнодушно протянула я, увлеченная зрелищем, – но вдруг они решат поработать и тогда я рискую лишиться капремонта.

Такая перспектива совершенно не радовала. Капитальный ремонт мне был нужен как еще один аргумент против насильного выселения из моего титаническими усилиями обретенного комфорт-класса в государственный аляповатый эконо́м.

– Соседи! Важно! – взял слово квадратный дядька, лицом походивший на мопса. Он представился строителем и рассказал, что нашел на госзакупках контракт на строительство осажденного нами стартового дома. – Я прочел заключение экспертизы. Почвы тут отравлены бензпиреном. Прежде чем рыть котлован, по правилам, они должны были вывезти отравленный грунт. Девятьсот кубометров. Что-то я не вижу здесь вереницы грузовиков...

Вокруг собирались зеваки из числа прохожих. Место было людное – на проспекте в двух шагах от станции метро и через дорогу от управы, сотрудники которой почти наверняка наблюдали за происходящим из своих окон.

– Кипр-р-рский офшор-р-р не будет заботиться о соблюдении законов! – прорычала Ирина Львовна.

– А еще оттуда с задов недавно вывозили труп! – выступила вперед из толпы миниатюрная девица, до того молча

лузгавшая семечки. – Сама видела, – продолжила она, когда внимание общественности жадно переключилось на нее. – Кто-то из рабочих навернулся на стройке. Скорую ему вызывать не стали, потому что гастар, просто положили трупак за бытовками, тряпочкой накрыли, а ночью вывезли куда-то.

– Вот и нужен нам тут разгул преступности? – грозно вопрошала Ирина Львовна.

Никто из представителей застройщика не вышел к возбужденной толпе. Только тяжелые башмаки охраны изредка мелькали в дырке под накрепко запертыми воротами. Зато неспешно прикатил полицейский экипаж. Двое сотрудников выбрались из машины и неторопливо направились к возбужденным гражданам.

– Давайте расходитесь! – приказал молодой сотрудник, протискиваясь в центр толпы. – А то привлечем вас за несанкционированный митинг, – добавил он, равнодушно стерпев Марию Соловьеву, сфотографировавшую жетон у него на груди.

– Я сейчас, Сережа, маме твоей позвоню, – пригрозила ему Ирина Львовна, отчего страж правопорядка насупился и помрачнел.

– Как удачно! Мы как раз собирались вас вызывать! – вступила Инна Смирнова, сунув Сереже-полицейскому под нос свою депутатскую корочку. – У нас там во дворах несогласованный с жителями захват придомовой территории.

– Заявление писать будете? – осведомился он смиренно.

Через день городок строителей тихо передвинули с парковки на газон. Никто, кроме Ирины Львовны, противиться ему больше не стал. А мне пришел ответ из фонда капитального ремонта, в котором мне любезно сообщалось о завершении процедуры подписания акта открытия работ в моем доме. Ни слова об отсутствии дат и номера договора – будто никаких нарушений вообще не было. По всем вопросам подписавший письмо руководитель территориального отделения фонда капремонта города Москвы рекомендовал обращаться к инженеру технического надзора, закрепленного за моим домом. Далее был указан телефон, который по традиции не отвечал. Меня это несильно расстроило. Свои претензии я взяла в привычку излагать письменно и сразу в самую высокую инстанцию. Оттуда моя жалоба спускалась по цепочке вниз и, получив спустя месяц отписку, я вновь направляла письмо, в котором, приложив полученный ответ, доносила на вранье, бесполезность и халатность ответственных должностных лиц, попутно сокрушалась об утрате нашим бессменным президентом, отцом нации и Отечества, своего устрашающего авторитета над зазнавшимися бонзами в исполнительной власти. В конце я еще раз по пунктам излагала свои ясные требования. Со второго раза обычно срабатывало, если задача, поставленная мной в письме была для чиновников простой и решалась на уровне управы. Другое дело было – фонд.

– Что вам все нейдет? – допытывался свирепо инженер технического надзора, удивительной неказистости человек. Черты его лица мгновенно истирались из моей памяти, стоило мне отвернуться. Единственное, что чувствовалось в нем ярковыраженным, было его настроение. – Все пишете и пишете свои жалобы.

Он был крайне мной недоволен. Крайне недовольны мной были и сотрудница инженерного отдела №7 Марина, и прораб Петр, и трое моих соседей, пришедших в семь часов на информационную встречу с подрядчиком, поспешно организованную после моей жалобы во дворе. Лил холодный октябрьский дождь. Блестели под склонившимися фонарями мокрые зонтики и лужи. Потоки воды обволокли пестрый, скользкий от опавших листьев асфальт. Было зябко и неловко от влажных холодных сумерек и недружелюбных взглядов.

– К сожалению, – отвечала я, собравшись с силами, – у подрядчика на руках неполный комплект документов. Нет журналов производства работ, учета материалов, приема населения. И, что важно, отсутствует договор страхования гражданской ответственности. Все это обязательно должно быть на объекте согласно распоряжению Департамента капитального ремонта и договору подряда.

– Зачем вы себе этим голову забиваете? – злился инженер технадзора. Он подошел ко мне так близко, что ледяные капли, скатывавшиеся с его зонта, падали мне за шиворот.

– Считайте, что это профессиональный интерес. – отозвалась я, выдержав его недобрый взгляд.

Ремонт в доме начался под конец сентября. Двери в подвал распахнулись, потянулись провода и шланги, забежали крикливые мужички, засверкала ослепительная сварка и визжал разрезаемый металл. На дверях подъездов замелькали объявления о временном отключении воды или электричества.

– Надо делать хорошо, а не контролировать, – философствовал включивший наконец телефон начальник участка – прораб Петр. В тесной бытовке, куда я пришла ознакомиться с документами, он вальяжно сидел за обшарпанным столом. Посередине на оторванной картонной крышке с упаковки рафинада в коричневых разводах высилась горка использованных чайных пакетиков, рядом стояли чайник и две замусоленные чашки, не знавшие мытья.

– Ну так делайте, а я проконтролирую, – спокойно ответила я прорабу Петру, перелистывая договор, который он достал из маленькой тумбочки рядом, и сверяя смету с той, что я скачала на сайте госзакупок.

– Чего вы хотите? – прораб Петр говорил мягко и невнятно, с легким акцентом. Внезапно он посмотрел на меня тем доверительным взглядом, коим посвященные в потайные тонкости дела люди хотят вызвать у своего наивного собеседника понимание. – Все уже украдено. До нас, простых раб-ботяг, копейки доходят...

– Прошу прощения? – переспросила я, тотчас отвлекшись от разбора бумаг. Прораб Петр многозначительно промолчал.

– Ну да, просматривается чей-то загородный домик, – заметила шеф, погружившись в изучение моей сметы. Я безотрывно следила за остро наточенным кончиком карандаша, которым она отмечала, обводя и ставя вопросительный знак, очередную сомнительную цифру в смете.

– И насколько большой? – обеспокоенно спросила я.

– Зависит от того, сколько еще домов охвачено.

Медленно переворачивая листы, она погружилась в раздумья. Мы сидели рядышком на коробках привезенной утром плитки. В пыльном воздухе стоял запах сохнувшей штукатурки, а по потолку ползла, изгибаясь плотно уложенными рядами светло-серой гофры, проводка. Нелюбимый мной этап черновой отделки был закончен и примерно через месяц в квартире наших клиентов должно было стать красиво. Я приехала раньше шефа. Мне надо было проверить накладные на отделочные материалы и сверить выполненные работы с чертежами дизайн-проекта на тот случай, если бригада что-то забыла сделать. Особых технических знаний для этого не требовалось – только внимательность. Я просто тыкала пальцем туда, где реальность расходилась с ожиданиями. Процедуру эту важно было проделывать регулярно и не привлекая внимания клиента, если он вдруг нагрянет вместе с шефом принимать очередной этап работ.

– Вот, смотри, например, – вернулась шеф к разговору, – тут они покупают леса, а могут их взять в аренду. И я бы посмотрела по соседним домам, есть ли там покупка в сметах. Вполне возможно, что они купят одни на несколько домов или даже возьмут в аренду...

– А приход оформят по каждому, – кивнула я. Документооборот был мне близок и понятен.

– Именно. Или вывоз мусора. Если прикинуть по всем разделам сметы, где есть этот параграф, то, по ходу, весь твой дом задумали вывезти на свалку.

Расценки на вывоз мусора я тоже знала, поскольку регулярно заказывала контейнеры для наших бригад.

– В общем, все надо тебе пересчитать хотя бы примерно. Тут почти все как у нас, только уровень хардкор. – Шеф грустно усмехнулась. – Я вообще в шоке, что ты в это одна полезла.

– И главное! По какому такому праву вы вообще этим занимаетесь? – под покровом влажной сумеречной мути наехал на меня сосед из четвертого подъезда. Я ненавидела четвертый подъезд. Если бы он провалился под землю, не нарушив несущих конструкций дома, я бы встретила это известие с благодарным удовлетворением. Каждый мой обход дома с попытками внушить соседям обеспокоенность происходящими прямо у них под носом событиями натыкался на вежливое равнодушие, холодевшее по мере моего приближения к четвертому подъезду.

– Я вообще голосовала за реновацию и хочу переехать! – высказалась Вероника Леонидовна и обидно захлопнула дверь перед моим носом.

– Вы сорвали нам реновацию, а мы сорвем вам капремонт. – сердито заявил тот самый сосед, когда я добралась и до его богато отделанной деревом массивной входной двери. Сейчас же он под проливным дождем горячо отчитывал меня за самоуправство. Инженер технадзора, впрочем, смотрел на него с равной степенью ненависти, что и на меня.

– Я юрист и вас засужу! – угрожал мне сосед.

Более, видимо, привычная к подобной риторике сотрудница инженерного отдела №7 Марина закатила глаза и театрально вздохнула:

– В соответствии с протоколом общего собрания собственников в комиссию по приемке работ в качестве ответственного представителя собственников помещений была избрана Дарья Селиванова, – вступилась она за меня.

О существовании такого протокола я сама с мрачным восторгом узнала недавно из письма фонда капитального ремонта, когда предъявила им на рассмотрение жалобу о неправомерном назначении меня в комиссию. Ознакомиться с протоколом мне не дали, потому что ответственным представителем собственников, похоже, был выбран первый жилец дома, ответивший на звонок сотрудницы инженерного отдела №7, то есть я. Тогда же караван пошел и грозил раздавить меня, если останусь с капитальным ремонтом наедине.

– Давайте проведем новое собрание! – предложила я в надежде воодушевить своих соседей. – Кто-нибудь хочет войти в комиссию вместо меня?

Ответом мне были тишина и кривые ухмылки, намекавшие, что помимо меня дураков среди собравшихся нет.

– Да ну к черту их всех! – успокаивал меня муж за ужином. – Накопим денег и уедем. Купим землю где-нибудь под Краснодаром и отгородимся от всех них четырехметровым забором.

Мысль о бегстве стала постоянно всплывать в разговорах с близкими. Будущее не было больше прекрасным, а рассыпалось в прах одним мановением должностного перста. Моя подруга Лена, как только ее дом попал в программу реновации, настойчиво взялась искать работу в Европе. Туда за последние полтора года уехали многие наши общие знакомые и друзья.

– Мне нравится Нижний Новгород, – делилась своими сомнениями Лена, – но там нормальных зарплат нет. Вообще моя работа есть только в Москве.

Она успешно прошла серию собеседований по скайпу и теперь ждала приглашения от крупного разработчика корпоративного программного обеспечения в Берлине. Я искренне радовалась за нее, хотя с тоской в душе предвидела, как сильно мне будет ее не хватать.

– Нет никаких гарантий, что и под Краснодаром землю у нас не отберут, – возразила я мужу, разливая по кружкам

горячий, ароматный чай. – Попадем в какой-нибудь аналог реновации... могут трассу проложить или еще как-то сделать нашу жизнь невыносимой.

Самым страстным агитатором за эмиграцию была моя мама.

– Твой дед мне все время внушал, мол, на кого ты оставишь наши могилы, – повторяла она мне при каждой встрече, когда я делилась своими мрачными предчувствиями, – я молодая была, дура, а сейчас думаю, да пропади пропадом эти могилы! Нет здесь будущего. Уезжайте, Даш.

– Это ты языками владеешь, – отвечал грустно муж на мои предложения переехать за границу, – а я там буду чурка понаехавшая, несмышленная.

Допив чай, он встал и, поцеловав меня в макушку, покинул кухню, поставив точку в нашем трудном споре.

Я высоко тяну руку, сидя в битком забитом школьном актовом зале. Запоздав на встречу главы управы района с жителями, я вошла в числе последних за мгновение до начала, пролезла к свободному месту на галерке рядом с кучкой затупивших в телефон сотрудников Жилищника. С другой стороны от меня села робкая, вежливая пенсионерка в белой песцовой шапке, напоминавшей парик, и в белом пуховом платке, наброшенном на плечи. Места закончились, люди оставались стоять по углам и вдоль стен, сваливая верхнюю одежду на подоконники. В ноябре обильно выпал снег

и весь район немедля засыпали реагентами. Слизкими, белыми кучами, они неожиданно возникали на мокрых тротуарах, а где-то вовсе плотным слоем покрывали асфальт. Гололеда не было, но суммы и объемы закупок были гигантскими, поэтому химию коммунальщики начинали обильно раскидывать по первой же факсограмме из Департамента ЖКХ. Начиналось зимнее противостояние. Крыши от неаккуратной чистки сосуллек проламывались ломами, грязный снег складировался на газонах, отопление было вялым, дворники неумелыми.

Глава управы неизменно игнорировала мое желание выступить с устным вопросом. Как только очередь плавно придвигалась ко мне, Маргарита Степановна будто нарочно вновь переключалась на первые ряды. Желающих к ней обратиться было много. Выступил председатель Алексеев. Выразив надежду на дальнейшее конструктивное сотрудничество, он от Народного совета поблагодарил главу управы за приглашение на смотр снегоуборочной техники. Маргарита Степановна приняла его слова со сдержанной улыбкой и кивком.

Пока коммунист Иван Железный расписывал несправедливость нарисованной старушке задолженности за жилищно-коммунальные услуги, отчего ту лишили субсидий, у меня завязалась тихая беседа с робкой пенсионеркой. Несчастливая женщина, как и я, столкнулась с ужасами капитального ремонта и понятия не имела, что с этим делать.

– Сейчас, Даш, подожди! – отреагировала Маргарита Степановна на мою вновь поднятую руку и указала на лысого деда в противоположной стороне зала. Лысый дед громко требовал себе микрофон и, заполучив его, нудно и сбивчиво расписывал негодную работу азиатских дворников из Жилищника.

– Как они могут работать нормально? Они даже по-русски не говорят! – кричал он старчески дрожащим голосом.

С места громкими выпадами товарищ Лебедев поддерживал лысого деда и его заботу о судьбе коренной нации, лишенной рабочих мест мигрантами.

Робкая пенсионерка аккуратно записывала в блокнотик мои контакты и рекомендации, куда жаловаться на некачественно выполненные работы и срывы сроков. Она тяжело вздыхала, поминала святых и кляла прораба за вранье и лень.

Маргарита Степановна умело вела встречу, легко парируя идеологические уколы товарища Лебедева. Было видно, что она искренне потешается над той звериной серьезностью, с какой товарищ Лебедев вел речь о закреплённом в Конституции источнике власти, коим является народ.

– Я ваш работодатель! – настаивал он, тыча себя пальцем в грудь. – Я плачу вам зарплату из своих налогов. Вы меня должны слушать, а не всяких мразей во власти!

Маргарита Степановна явно пребывала в прекрасном расположении духа, поэтому товарищ Лебедев был снисходи-

тельно выслушан и даже удостоен ответа.

– Управа района работает в рамках стопятьдесятседьмого постановления. У вас есть вопрос в рамках нашей компетенции? – учтиво осведомилась она. Товарищ Лебедев обиженно смолчал и глава управы переключилась на следующего тянувшего руку жителя.

Как-то гуглив сведения о Маргарите Степановне, я наткнулась на кеш старого форума однокурсников Московского экономико-юридического института. Тема была посвящена организации выпускного. Оттуда я почерпнула любопытные, но бесполезные сведения об энергичной старосте и душе любой компании Ритке, идущей на красный диплом. Скриншотами я немедленно поделилась с Марией Соловьевой.

"Сохраню себе в папочку," – написала она, поблагодарив.

"У тебя на всех досье что ли заведено?" – в шутку поинтересовалась я.

"Конечно!" – ответила Мария. – "У них на нас тоже. Вот моя карточка."

Она кинула мне файл. Внутри, как в резюме, под фотографией Марии, снятой кем-то на телефон, перечислялись ее полное имя с отчеством, адрес, сотовый телефон, имейл, ссылки на районную группу в фейсбуке, которую она администрировала, и телеграм-канал.

"Пользуется среди активных жителей поддержкой и уважением. Участвовала в предвыборной кампании СДМО на

стороне оппозиции. Распространяет слухи и недостоверную информацию. Провокатор." – гласила краткая характеристика. В конце были перечислены имена районных активистов, в том числе мое, и оппозиционных муниципальных депутатов, которых связывали с Марией дружба и общая деятельность.

"Алена добыла." – похвасталась она.

Следом Мария прислала скриншоты из закрытого аккаунта главы управы в инстаграме. Маргарита Степановна в коротком, облегающем, черном платье полулежала в соблазнительной позе на изгибающейся бело-золотой волной, барочной софе и обнимала гигантский букет бордовых роз.

"Миллион алых роз от моего прекрасного принца" – подписано было под фотографией.

На следующем скриншоте Маргарита Степановна, убрав волосы в высокий пучок и надев большие солнцезащитные очки, игриво подогнула ножку и любовалась вполоборота своей норковой шубкой. Одной рукой она придерживала пушистый воротник, а второй – фотографировала на телефон свое отражение в зеркале.

"Меня сложной найти, легко потерять и невозможно забыть" – пояснила она чуть ниже.

Следом я открыла ее селфи за рулем. Маргарита Степановна в салоне, отделанном кожей цвета кофе с молоком, призывно смотрела на меня из-под тяжелых, густых ресниц. Она дерзко изогнула одну бровь и капризно сложила покрытые глянцевой, вишневой помадой пухлые губы.

"Красота женщины должна быть видна в ее глазах, это дверь в ее сердце, то место, где живет любовь" – гласила подпись под фото.

– Господи! Да дайте уже девушке спросить! – вспылила вдруг робкая пенсионерка, утомившись наблюдать за моими страданиями. – С самого начала человек руку тянет!

Я уже собиралась сдаться и уйти ни с чем.

– Ну, давай, Даш. Что там у тебя? – обратилась ко мне Маргарита Степановна.

С первого момента нашего совершенно неблизкого знакомства она взяла в общении со мной фамильярный тон, демонстрируя свое по-барски дружеское, но совершенно непонятное мне расположение.

– Добрый вечер, Маргарита Степановна! – подчеркнуто вежливо поздоровалась я с главой управы. Та перебирала поданные ей секретарем бумажки с письменными вопросами. – У меня, разумеется с вашего позволения, вопрос к Виктору Геннадьевичу.

Маневр в обход главы управы напасть на слабейшего подсказала мне Алена. А глава совета депутатов Виктор Геннадьевич был слаб как никогда прежде. С появлением среди муниципальных депутатов относительно сплоченной оппозиции, совет раздирали противоречия. Каждое заседание длилось по нескольку часов, в течение которых две коалиции яростно сходились в споре стенка на стенку, и заканчивалось скандалом с разоблачительными постами в соцсетях

от каждой из сторон. Главный же бой велся за кресло главы совета депутатов с зарплатой и служебной машиной. Глава мог быть избран двумя третями голосов депутатов и на должность претендовала Инна Смирнова. Ее победа и унижительное поражение Виктора Геннадьевича решались одним голосом сомневающегося молодого депутата Андрея Семеновича. Его Виктор Геннадьевич за свой счет благоразумно отправлял отдыхать куда-нибудь за границу, чтобы молодой депутат исправно пропускал заседания, на повестке которых стоял в очередной раз вопрос об избрании главы совета депутатов. Проваливая таким образом очередное голосование Виктор Геннадьевич оставался на посту в качестве тяжелого наследия прошлого подавляюще провластного созыва. За это Инной Смирновой он был окрещен "неизбранным главой" и, в моменты особого раздражения, "узурпатором".

– Тебе выгодней обратиться к нему, – растолковала мне Алена. – Он в совете давно сидит и всю внутреннюю кухню района знает. Тебе он поспешит помочь. Ты с нами, а нас он боится. Если поможет, пиши благодарность. Благодарности, как и жалобы, у них считаются. А не поможет, попроси Соловьеву. Она со свойственным ей человеколюбием напишет в районной группе, что он рептилоид.

– Давай! – согласилась Маргарита Степановна, – а то Виктор Геннадьевич совсем заснул.

Глава совета депутатов на встречах обычно садился по правую руку главы управы и тихо читал что-то в своем теле-

фоне, более никак не стараясь проявить свое присутствие. Иногда, в моменты вскипания страстей в зале он склонялся к уху главы управы и обменивался с ней тихим и веселым, судя по возникавшим на их лицах улыбкам, замечанием, а затем снова замирал, сливаясь со стенкой у него за спиной.

– Виктор Геннадьевич, – обратилась я к избранному, но действительному главе совета депутатов. Он поднял на меня встревоженный взгляд и, резко откинувшись на стуле, приготовился внимательно слушать. – Почему муниципальные депутаты не участвуют полноценно в комиссии по приемке работ при капитальном ремонте?

– Участвуют! – уверенно заявил Виктор Геннадьевич, чем меня коварно обезоружил.

– Неправда! – вырвалось у меня от удивления. По залу прокатились смешки и гул одобрения. – В моем доме прикрепленного депутата на комиссии я ни разу не видела. И акты депутат подписывает пустые. Это так принято у вас?

– Команда дана. Мы работаем. – бодро отрапортовал Виктор Геннадьевич. – Вот, Инна Смирнова участвует, коммунист Иван Железный и Андрей Семенович...

– Подтверждаю! – вскочила на ноги Инна Смирнова. – Провластные депутаты манкируют своими обязанностями. Ко мне уже обращаются жители "не моих" домов с аналогичными жалобами.

– Система сейчас работает против жителей! – вскочил следом коммунист Иван Железный. – Мы требуем усилить кон-

троль за ходом капитального ремонта в районе и со стороны управы в том числе.

Оба депутата так резко переключили внимание на себя, что я смешалась и не успела изложить свои требования. Пришлось покорно сесть на место и слушать их пикировку с Маргаритой Степановной. Слова депутаты говорили правильные, но я все равно ощутила глухое раздражение, предвидя, что проблема моя потеряется в неразберихе политических дебатов. Системного контроля за капитальным ремонтом со стороны местных властей не было, а времени ждать, пока оппозиция вынудит чиновников шевелиться, не представлялось возможным.

Встреча с жителями закончилась и рядом со мной возник Виктор Геннадьевич. Ловко маневрируя в толкучке, он взял меня под локоток и отвел к приоткрытому окну. Рвавший в душное помещение холодный ветер яростно трепал занавеску. Я отрешенно смотрела на колыхавшийся кусок сероватого тюля, пока Виктор Геннадьевич говорил быстро и тихо, будто не хотел, чтобы нас кто-нибудь подслушал. Он вкрадчиво заверил меня в своей готовности помочь и вручил визитку, где под зеленым щитом с красным львом, трубящим в золотой охотничий рожок, был указан личный телефон Виктора Геннадьевича.

– С вашим домом складывается непростая ситуация, – бубнил скороговоркой глава совета депутатов и, помолчав, аккуратно продолжил, – ваша соседка... кажется, Валенти-

на? Как-то так ее зовут. Она написала на вас жалобу в префектуру...

– Вероника Леонидовна! – догадалась я. – И что она пишет?

– В основном про то, что вы своей деятельностью помешали людям готовиться к переезду по программе реновации...

Я собиралась было высказаться на этот счет, но он легонько сжал мой локоть и сообщил.

– Ольга Владимировна, ваш депутат, свяжется с вами в ближайшее время. Будем разбираться!

– Жаль! – Мария Соловьева поморщилась, изобразив притворно-недовольную гримасу. – Я уже придумала про нашего избранного главу рассказ. – Глаза ее хитро блеснули. – На днях было внеочередное заседание совета депутатов и оно продлилось целых семь часов. Удивительно, как Геннадич не помер.

Новость о безрезультатном, но жарком семичасовом заседании змеиным клубком катилась по районным группам и страницам сопричастных. Оппозиционные депутаты отказывались согласовывать благоустройство дворов на следующий год и требовали от управы предоставить проекты и сметы. Управа же в лице Маргариты Степановны при молчаливой моральной поддержке Виктора Геннадьевича и его сторонников отказывала им в доступе к документам, настаивая, что сначала нужно согласовать адреса, где благоустройство

будет проходить.

– И как нам согласовывать работы, не зная, что именно будет сделано? – возмущалась Инна Смирнова, снимая на телефон хмурое лицо Маргариты Степановны.

– Контроль за благоустройством не входит в компетенцию муниципальных депутатов, – отпиралась Маргарита Степановна. – Если вы не согласуете сейчас адресный перечень, то вообще никакого благоустройства не будет.

– Смирнова разменивает интересы жителей на самопиар! – были в унисон общественные советники главы управы в комментариях к видео.

– Сюжет простой, – делилась идеями Мария, – после заседания жена Виктора Геннадьевича настойчивыми уговорами отправила его к урологу для решения накопившихся на почве постоянного стресса мужских проблем. – Она усмехнулась, прокручивая историю в голове. – В свете не утихающих слухов о шикарной молодой любовнице, родившей ему двух сыновей, звучит довольно омерзительно. Да. Пусть любовница поддержит жену. Как тебе идея?

Я неуверенно пожала плечами.

– Волшебно. – раздался у меня за спиной низкий женский голос с изысканной хрипотцой. Сзади к нам подкралась муниципальный депутат Ольга Владимировна. Именно за ней был закреплен мой многострадальный дом после осенних выборов. Она позвонила мне на следующий день после моего разговора с Виктором Геннадьевичем и долго, ненужно

оправдывалась. При виде меня ее строгое лицо в обрамлении рыжего мехового капюшона растянула широкая улыбка, никак, впрочем, не затронувшая холодно смотревших серых глаз.

– Ольга Владимировна? – припоминал муж, когда утром за кофе я рассказывала ему последние события моей граждански активной жизни. – Она ж была директором в школе, где я учился. Преподавала французский.

По блестящему меху ее лисьей шубы мой взгляд скатился к ее рукам, затянутым в кожаные перчатки темно-синего цвета. Замшевая сумочка была подобрана в тон. На покрывшую асфальт серо-коричневую снежную слизь он ступала изящными замшевыми сапожками на невысоком каблуке.

– Всегда любила красивую жизнь, – сообщил муж, – у нее, наверное, одной из первых в районе иномарка в девяностые появилась.

Оставив пост директора школы некоторое время назад и выйдя на пенсию, она полностью посвятила себя политической деятельности и руководила местной ячейкой партии власти. Несмотря на возраст выглядела она превосходно, чем заслужила от Марии Соловьевой, осведомленной о том, что нам придется спуститься в подвал и влезть на чердак, полный восторга комплимент. Ольга Владимировна вежливо кивнула в ответ.

Сбор ответственных должностных лиц на обход моего до-

ма был внезапным и внеочередным. Инженер технадзора был зол, прораб Петр смирен. Последним подоспел инженер-куратор из Жилищника, вернувшийся, наконец, с больничного. Крепко сбитый, удивительно подвижный дед, видимо, был уже наслышан обо мне и заранее боялся, растерянно улыбаясь во весь белоснежный ряд вставных зубов.

– Мы уже проверили все магистрали отопления! – негодовал инженер технадзора. – Отопление подано. Все работает.

Он сверлил меня взглядом, пока прораб Петр неторопливо ковырял ключом в ржавом замке, висевшем на двери в подвал.

– На Фрунзенской тоже проверяли, но там в трех домах трубы прорвало. – повторила я причину своих сомнений.

Сюжет о том, как машины в клубах белого пара катились по затопленной горячей водой набережной в конце ноября, попал даже в телек. Неделю жители тех домов сидели без тепла. А магистрали им менял тот же подрядчик, что и ремонтировал мой дом.

– У меня нормальные бригады, – обиделся прораб Петр.

Делегация под охи Ольги Владимировны спустилась по узкой темной лестнице в натопленную духоту подвала. Я следовала за инженером технадзора по пятам. Как заведенный, он деловито бегал с фонариком вдоль толстых черных труб, проложенных вдоль осыпающихся известкой стен. Марии Соловьевой я дала задание ненавязчиво подслушивать, о чем болтали прораб Петр и инженер-куратор из Жилищ-

ника. От Ольги Владимировны толка я не ждала, поэтому просто оставила ее отбывать наказание за подписанный акт среди пыли и грязи. И она отважно его обрабатывала, поминутно ужасаясь плачевному состоянию окружавшего ее пространства.

Подвал тянулся на всю ширину дома и был разделен на множество темных, тесных подсобок, относившихся к заброшенному магазину на первом этаже. Свет зажигался только в трех центральных помещениях. С потолка жалко свисали тусклые лампочки. Блуждая по остальным каморкам, приходилось подсвечивать себе путь фонариком в телефоне. Его свет жадно выхватывал из плотного мрака воспоминания о преуспевающем прошлом в виде неясного назначения приборов, прикрепленных к полу и стенам, окрашенным потускневшей от времени голубой краской. В дальнем закоулке таилась мощная колода для рубки мяса с воткнутым в нее и так заржавевшим топором. Покосившиеся двери были обклеены вырезанными из журналов картинками полуголых женщин, а с потолка грозили свалиться запыленные, давно неработающие лампы.

– Здесь можно фильм ужасов снимать. – восхитилась Мария царившей здесь печальной атмосферой.

– Просто кошмар! – откликнулась Ольга Владимировна, с тревогой осматривая осевшую на сапожки серую бетонную пыль.

– Может, ограничимся подвалом? – с надеждой на отказ

от осмотра чердака спросил инженер технадзора. Я упрямо настаивала, что потока кипятка с крыши мне тоже не надо. Прораб Петр и инженер-куратор из Жилищника были на стороне инженера технадзора, уверяя, что ничего страшного не произойдет.

– Хватит! – внезапно оборвала их Ольга Владимировна. – Если жители требуют, надо выполнять.

Развернувшись, она уверенно направилась к выходу, чем заслужила от меня отпущение прошлых грехов. На чердак она вряд ли смогла бы влезть, поэтому я не стала ее более задерживать. Мой жест доброй воли был воспринят с благодарным облегчением и обещанием постоянно быть на связи. Увидев квадратный люк в потолке пятого этажа и сваренную из тонких перекладин лесенку, Мария Соловьева выразила желание покараулить внизу.

– Вдруг кто-то решит раньше времени сбежать, – сказала она, с тревогой глядя вверх. – А тут я!

Инженер технадзора и прораб Петр, уже взявшие высоту, подхватили меня у самого люка под руки и втянули на чердак. Я кралась вслед за ними по шатким мосткам, проложенным поперек ватного омота из желтого утеплителя. Казалось, если я случайно оступлюсь, то провалюсь сквозь эту мягкую пелену прямо на головы соседям. В лучах света, проникавшего через маленькие слуховые оконца, плавно вальсировали пылинки и пахло нагретым деревом.

– Осталось только покрасить и утеплить, – отрапортовал

инженер технадзора под заискивающие улыбки прораба Петра и инженера-куратора из Жилищника. – Акт, наконец, подпишите?

– Когда утеплите и покрасите, тогда и подпишу, – заявила я с независимым видом. Мы преодолели тревожный спуск и я уже была в относительной безопасности рядом со скучающей Марией.

Лица их мгновенно угасли и приняли привычный сосредоточенно-тоскливый вид.

– Я подслушала, – шепнула мне Мария на прощание, – они считают тебя стервозной истеричкой.

– Все-таки молодец у нас глава управы. Хороший человек! Встреча Народного совета началась с россыпи комплиментов от председателя Алексеева в адрес Маргариты Степановны.

На днях она нанесла визит в страдающий от хорды квартал и провела немало времени за конфиденциальной беседой с начальником участка.

– И что, помогло? – спросила Мария.
– Маш, ну ты же понимаешь... – грустил председатель Алексеев. – От управы тут мало что зависит. Хоть полиция теперь на вызовы приезжать стала.

– Слабый у вас там народишко. Дрянь! – проворчал товарищ Лебедев, глядя на всех исподлобья. – Надо было вам ночью собраться и стройку зажигалками закидать, а вы под

этих воров стелитесь.

– Ага! – передразнил его председатель Алексеев, – а потом все по статье пойдем. И я, и Ольга Ивановна, инвалид второй группы, и Борис Владимирович после инсульта. Мы все нормальные люди. Работа идет, ждем результатов. У главы управы папа – сами знаете кто, – рассуждал председатель Алексеев. Выражение лица у него стало мечтательным. – Личный друг президента.

Мария громко фыркнула, выразив свое презрение. Председатель Алексеев ее выпад проигнорировал.

Первым, что запомнила Маргарита Степановна в своей жизни, был мягкий, иссиня-черный купол неба, накрывший ее и землю.

– Папа, что это? – спросила она.

– Это звезды, – ответил отец.

Здрав голову, Маргарита Степановна смотрела вверх, на драгоценное, холодное сияние. Звезды казались такими большими и близкими – она точно сможет достать себе одну.

– А где звезды находятся? – спросила она с надеждой.

– В космосе, – коротко сказал отец.

– Давай сходим в космос за звездой! – предложила Маргарита Степановна.

– Обязательно сходим.

Трава в поле, где они гуляли, была выше Маргариты Степановны и кузнечики стрекотали оглушительно. Ночь об-

нимала синим, бархатным теплом. Вокруг мелькали тени взрослых, но Маргариста Степановна никого из них не помнила, кроме отца – его шершавого, толстого указательного пальца, за который она хваталась своей маленькой ладошкой. Потом, когда семья переехала в Москву, в ручке Маргариты Степановны помещались уже три отцовских пальца.

– Не косолапь, – говорил он. – Смотри, как я ноги ставлю.

Маргарита Степановна запомнила его огромные коричневые туфли, которые он переставлял мысками строго вперед. Сосредоточившись, она стала ставить свои ноги так же. Ее с братом отправили в детский сад. Поначалу она ненавидела это место, потом привыкла, хотя так и не полюбила. Отец постепенно превратился в тень, возвращавшуюся домой поздно – уже после того, как Маргарита Степановна по строгому указанию мамы отправлялась в кровать. По утру отец быстро завтракал и уходил на службу. Они виделись мельком. У Маргариты Степановны были школа, домашка и друзья. Жизнь текла по распорядку.

Начитанная мама и школьные уроки литературы растили внутри ощущение, что писатели – особенные люди. Талант возвышает их над всеми остальными. Они – полубоги, величественные силой своих слов, которыми они, как иглами, прошивают сознание людей. И Маргарита Степановна хотела так же, как и они, лишиться плотского бытия, переродившись в текстах, и сигануть в вечность. Она хотела быть как Кундера, Вишневский и Бунин, складывать слова в точный,

изящный узор и дурманить, чаровать, пьянить... Смело и искусно, как они, расшивать звенящими нитями невыносимо прекрасных историй мягкие, податливые складки окружающей ее невзрачной реальности. Маргарита Степановна мечтала написать великий роман. Обязательно о любви, родившейся, как сон, под мягкими облаками, парящими над благословенной золотым солнцем землей. Всюду запах горячей травы и люди живут в полную силу, настоящими чувствами и событиями – великой любовью, что завещана была предками в стихах и в прозе.

– Что за бред! – воскликнул отец, когда Маргарита Степановна робко сообщила, что хочет идти в литературный. – Это сейчас никому не нужно. Времена не те, чтобы сказки сочинять. Твой брат учится на экономическом, пойдет в бизнес. Лучше думай о госслужбе. Мы семья и должны помогать друг другу.

Остаток ужина прошел в молчании. Перед сном мама нежно и крепко, как в детстве, обняла Маргариту Степановну и ушла, тихо притворив за собой дверь. Всю ночь Маргарита Степановна думала о своем будущем и о том, как отец злой возвращается с работы и поглощая сытный ужин ругает руководство, перед которым ему приходится пресмыкаться. Было тошно.

"Ребята, срочные новости!" – писала местная блогер в районной группе, – "Главой управы назначили инфанту

Маргариту Степановну и от нее мы ждем только террибль!"

Эхом понеслась по страничкам местных активистов омерзительная вакханалия. Обсудили и ее родословную, и ее послужной список, и внешность, и даже пару раз назвали шлюхой. Но главным предметом обсуждений был, конечно, ее отец.

Сидя в своем новом, еще непривычном кабинете и читая глупые, гнусные комментарии, Маргарита Степановна с усугубившейся неприязнью почуяла вечное, тягостное влияние своей фамилии. Чем больших успехов она добивалась, тем чаще приписывали их протекции со стороны отца.

Быть главой управы ей, в целом, нравилось – сродни укрощению энтропии, упорядочиванию первобытного хаоса Вселенной, но жители! уровень их культуры! их недалекость и скандальность! Как угнетала и утомляла Маргариту Степановну невозможность послать к чертовой матери особенно одиозных персон. С каждым приходилось разбираться.

– Мы не можем лишь частично заменить плитку, – Маргарита Степановна терпеливо втолковывала депутату Инне Смирновой на очередной встрече с населением. Смирнова регулярно посещала эти ежемесячные встречи и всегда находила повод напасть, набивая себе значимость и дешевый авторитет среди жителей. – Это как стирка блузки, – продолжила Маргарита Степановна, – бессмысленно стирать только рукав.

Смирнова ошпарила ее полным презрения взглядом и ле-

дяным тоном спросила:

– У вас в смете столько плитки заложено, что весь сквер можно в три слоя замостить.

Зал загудел, а Маргарита Степановна посмотрела на своего зама по ЖКХ Валерия Николаевича. Он с непроницаемым видом сидел в первом ряду.

– Должно быть, возникла какая-то техническая ошибка. Мы возьмем на контроль.

Она кивнула, давая тем самым поручение Валерию Николаевичу, который раздражающе спокойно склонил голову в ответ.

– У вас все время какая-то техническая ошибка! – съязвила Смирнова, присаживаясь.

По залу покатались ехидные смешки.

Маргарита Степановна обвела строгим взглядом собравшихся жителей. Многие лица были ей знакомы: ярко запомнились с недавнего праздника, устроенного управой. Ее поразило тогда, что люди не интересовались ни культурной программой, ни субботником. Они толкались у столов, где была организована раздача гречневой каши, чая и печенья. Выражение их лиц было единообразно жадным, жалким и тупым. Постоянно являлось оно, когда жители вдруг видели, чуяли или предвкушали халяву. Маргарита Степановна видела его у скудно и безвкусно одетых баб и старух, у никчемных, пропитых мужиков, окружавших ее во дворах, по которым она с коллегами ходила, информируя население о про-

грамме реновации. Возбужденные жители визжали, стараясь заглушить друг друга и требуя новых больших квартир.

С ужасом и отвращением Маргарита Степановна увидела то же черты и горящие глаза на сморщенном лице ветерана. Вместе со своей заместительницей по работе с населением они шли по адресам поздравлять почетных старожилов района с Новым годом. Было неприятно и брезгливо вдыхать кислый, засаленный старостью воздух квартиры. Густой запахом, как растопленный жир впитывался в сохранивший еще свежесть морозного утра, блестящий мех ее шубки, забивал легкие и желудок. Медленно потянулись трясущиеся пальцы со вздувшимися суставами к букету цветов и пакету с подарком. Слюнявые, бесцветные губы растянула заискивающая улыбка. Маргарита Степановна кричала глухому старику слова поздравления. Напоследок сфотографировались.

"Не постеснявшись своего богатства, шуб и золотых перстней, глава управы снизошла до ветерана, подарив на Новый год ему батон!" – брызгала на следующий день ядом местная блогер в районной группе. Ссылку на пост прислала ей переполошившаяся заместительница по работе с населением.

"Нищета переборчива и требует почтения," – ответила коллеге Маргарита Степановна.

Все равно стало неприятно. И вовсе не батон это был, а вкусная выпечка с мясной начинкой из недавно открывшейся неподалеку булочной, но в комментариях уже беснова-

лись, естественно, через раз поминая отца.

– Занят. Перезвоню. – отрывисто ответил по телефону отец и бросил трубку.

Маргарита Степановна вздохнула и набрала маме. Она всегда умела найти нужные слова в трудную минуту.

– Ну я же неплохая глава управы, и отец тут не при чем, – грустила Маргарита Степановна.

Все титанические усилия виделись ей тщетными. Жители решительно отказывались ценить все хорошее, что для них делалось. Они отвечали только новыми жалобами и претензиями.

– Ах, солнышко! – ласково ответила мама. – У мира не было бы Пикассо, если бы не его папа – учитель рисования...

Декабрьское небо над городом редко бывало чистым. Оно походило на серое матовое стекло, по всей плотной толще которого растекался, как масло, тусклый солнечный свет. Бледный день, тяжелея, опускался в мутные сумерки. Многократно рассеянный между небом и землей невидимый закат розовыми красками ложился на сугробы поверх морозно-синих теней, чтобы растаять к ночи под желтым светом фонарей. Сплошная тьма так и не наступала – глушилась со всех сторон огнями. Ярко и празднично горели вывески и витрины, гирлянды на окнах. Потусторонним мерцанием флюоресцировали фитолампы на подоконниках, окрашивая снег и ветви деревьев в ядовитые цвета. Загадочно и уеди-

ненно светили фонари над подъездами и приглушенно из-за занавесок – окна. Мимо по дорогам ползали вереницы машин, заворачивая во дворы и разгоняя сгустившийся сумрак красными и белыми огнями фар. Все сливалось в единое сияние и тяжелое, серое небо не давало ему рассеяться в космическую высь, а белый снег – впитаться в землю. Призрачный, болезненно-желтоватый этот свет лился в окна, протискивался сквозь шторы, оседал на прикрытые веки и проникал в разьедаемый бессонницей мозг. Воспаленный сумбурным днем, волнами переживаний он крутил в не угасающем сознании события, мысли и ощущения. Все перемешивалось в одну бесконечную галлюцинацию, настолько бурную, что невозможно было от нее отвязаться. Приподнять свинцовые веки тоже не было сил и скованной роящимися наваждениями мне оставалось ждать до серого утра, чтобы снова замельтешить, забегать, засуетиться, но уже наяву.

Этап замены магистралей отопления, водоснабжения и канализации в подвале и на чердаке был со скрипом преодолен. Прораб Петр торжественно назначил дату начала работ в квартирах. По плану жильцам собирались менять батареи вместе со стояками и трубы канализации и водопровода, спрятанные в санузлах за перегородкой в полкирпича. Первым шел мой подъезд и я честно оповестила своих соседей, уговорив их в выходные быть дома.

Но ничего не произошло. Никто не пришел. Телефон прораба Петра сообщал, что абонент недоступен. Вместо

него названивали раздраженные соседи. Бытовка, где прораб Петр обычно сидел, была заперта. Осознав, что до него мне не добраться, я позвонила инженеру технадзора.

Было ранее субботнее утро и он, конечно, был в своем праве сбрасывать мои звонки, но я не унималась и, наконец сдавшись, он взял трубку. Моему возмущению от сложившейся ситуации не было предела, но его глухое, сонное приветствие смягчило тон моего голоса.

– Андрей, доброе утро! – пропела я ласково, как гувернантка, собиравшаяся пожурить своих подопечных, детей богатых и влиятельных родителей, за незначительный и в целом довольно милый проступок. – Это Дарья вас беспокоит.

– Да, я понял, – откликнулся инженер технадзора, тяжело сопя.

– У нас сегодня собирались менять трубы в квартирах, но никто не пришел. Петр недоступен. – затараторила я в трубку, мысленно молясь, чтобы он не послал меня куда подальше.

– Ща перезвоню, – вздохнул инженер технадзора и отключился.

Через полчаса раздался звонок в дверь. На пороге стоял бледный бригадир сварщиков. Его мужественное лицо было измято обильными излияниями накануне. В руках он нервно мям черную шапку.

– Нам никто не сказал, что сегодня надо работать... – дыхнул он в меня перегаром и извинениями. – Вся бригада бо-

леет просто.

– Выздоровливайте! – от души пожелала я.

Следом перезвонил инженер технадзора.

– Прораб Петр в отпуске, – сразил он меня новостью.

Какого черта прораб Петр назначил работы, если знал, что уйдет в отпуск?! – хотела спросить я, но инженер технадзора был невиновен. Вместо этого я изложила свои претензии письменно в очередной жалобе.

Утром, полторы недели спустя, я вышла из подъезда и наткнулась на прораба Петра. В расстегнутой куртке он, раскрасневшись от усилий, разбивал лопатой наледь, мешавшую дверям в подвал плотно закрываться.

– Работы продолжатся, когда будет достигнуто взаимопонимание с жителями, – не скрывая неприязни, гаркнул он на мои расспросы.

На подъездах вскоре появилось объявление.

"Собственниками помещений было принято решение о переносе сроков проведения работ по ремонту внутридомовой инженерной системы теплоснабжения (стояки) на 2018 год. С протоколом ОСС б/н от 12.11.2017 можно ознакомиться в управе района".

В тот день я вообще никому не могла дозвониться.

Подвал закрыли и опечатали бумажками с печатью ГБУ "Жилищник" и размашистой росписью главного инженера.

Наступил Новый год.

"Главная вечеринка зимы!" – писала Мария Соловьева в районной группе, очнувшейся после январских праздников. – "Специально приглашенная звезда, зампрефекта по вопросам строительства встретится с жителями нашего района.

В программе – очередные обещания по программе реновации, отравленные бензпиреном почвы и качество строящегося барака для переселенцев первой волны.

Вероятно, будет драка! Приходите!"

С вершины детской горки, куда я предусмотрительно вскарабкалась, открывался вид на двор и стартовую площадку, где за забором разъезжали экскаваторы. Все пространство подо мной быстро заполнялось людьми. В круговороте пестрых шапок и капюшенов то и дело всплывали знакомые лица.

До назначенного часа прибытия высокопоставленного должностного лица было еще минут двадцать, но муниципальный депутат Инна Смирнова не теряла времени даром. Она решительно вскарабкалась на шаткую, окрашенную казенным зеленым лавочку возле песочницы и гнусаво вещала в свой громкоговоритель.

– Власти Москвы хотят нас оптимизировать! Кто-то из вас поедет в новые квартиры, но хуже станет всем. В метро и так утром зайти невозможно, а представьте, что будет, когда число жителей увеличится в три-четыре раза! А сколько будет машин? Можете забыть про бесплатные парковки. Наде-

уюсь, у каждого есть полтора миллиона, чтобы купить себе машиноместо!

Тема дефицитных парковок нашла отклик в сердцах граждан. Толпа у ее ног волновалась, спорила и с ней, и между собой. Свободных бесплатных мест становилось все меньше, их агрессивно занимал каршеринг. Активисты собирали подписи против введения на улицах платной парковки, а во дворах кипели бои с порчей имущества. Обозленные соседи, пытаясь застолбить за собой место, бывало, царапали и даже расстреливали чужие автомобили, занявшие условно их парковочные места. Шли репортажи по телевизору и статьи в прессе. Полиция предлагала пострадавшим вычислять злоумышленников самостоятельно.

Возбужденный гомон прорывал высокий, сильный голос Ирины Львовны. Прослушав архитектурный курс и изучив проектную документацию на строящийся стартовый дом, она по наущению своего соседа-строителя также обнаружила в заключении экспертизы информацию о бензпирене, опасном токсине, которым были отравлены почвы и под стартовым домом, и, скорее всего, по всей округе. При подготовке строительной площадки, застройщик должен был по правилам вывезти загрязненный грунт на полигон, но начальник участка новость о токсичных почвах встретил с искренним удивлением. Управа района тоже. И со всей страстью и энергичностью природы Ирина Львовна понесла приобретенное знание в массы, закатив скандал на январской встрече

с префектом, после чего на заклятие был щедро отдан зампрефекта по вопросам строительства – сутулый и невзрачный молодой человек с бегающими, темными глазами, зеленоватым цветом лица и кривой полуулыбкой на тонких, будто нарисованных губах.

Его тихое появление в окружении управской свиты было сразу замечено. Поддавшись притяжению высокопоставленного чиновника, толпа отхлынула от лавочки, с которой вещала Инна Смирнова, и плотным кольцом обхватила щуплого зампрефекта и его коллег.

– Вы нам скажите прямо, – представившаяся старшей по дому немолодая, крупная женщина каркала хриплым голосом зампрефекту в равнодушное лицо. Ее пятиэтажка стояла впритык к круглосуточной стройке, подогревавшей ее интерес, – кто в этот дом переедет хоть? Не зря мы тут страдаем?

Она была уже четвертой с таким вопросом. Жители окрестных домов на разные лады сопоставляли свои ветхие метры с опубликованной квартирографией реновационной собянинки. Ничего у них не сходилось так, чтобы всем вместе заселиться, не потеряв в драгоценных метрах.

– Я сейчас по этому поводу ничего сказать не могу, – повторял свою мантру зампрефекта, – мы сначала достроим стартовый дом, а потом будем смотреть, как сформировать волну.

Слова его постоянно тонули в недовольном ропоте и шквале новых вопросов.

– Интересно, получится ли до него отсюда доплюнуть? – Мария Соловьева воспользовалась текучкой и, вскарабкавшись на детскую горку, протиснулась ко мне. В руках на селфи-палке у нее был закреплен телефон, шла трансляция в районную группу в фейсбуке.

– Сколько тебе лет? – язвительно поинтересовалась я.

– Тридцать пять. Это минус, конечно. Но мы на детской площадке, а это плюс.

– Попробовать можно, но ветер дует в нашу сторону, – я придирчиво осмотрела цель. Рядом с зампрефекта царственно, как львица, стояла глава управы Маргарите Степановна и с любезной улыбкой втолковывала что-то председателю Алексееву. Он смотрел на нее по-щенячьи преданными, почти влюбленными глазами, озаренными внутренним ликованием. Я толкнула плечом Марию и указала на парочку.

– Откуда у нашего председателя такая внезапная любовь к нашей главе управы? – спросила я Марию.

После каждого заседания Народного совета, на следующий или через пару дней председатель Алексеев имел манеру звонить мне. В долгих, доверительных беседах он убеждал меня сбавить обороты в боях по переписке с местными властями.

– Даш, я к тебе хорошо отношусь, – говаривал он плаксиво, – поэтому хочу предостеречь. Лучше договариваться, а не воевать.

Далее он обычно принимался изливать свое презрение

к остальным членам Народного совета, кто-то у него был поехавшим, кто-то дураком, кто-то бесполезным болтуном. Этим он посеял в моей душе сильную неприязнь к нему, которой я решилась поделиться с Марией.

– Любопытно, – задумалась Мария. – Мне он тоже на днях звонил. Просил временно не писать про управу гадостей в интернете. У них там, якобы, трудности какие-то с префектурой.

Общественный контроль, тем временем, обнаружив в зампрефекте удручающе скудный источник информации, постепенно угасал. Толпа во дворе потихоньку начала редеть. Депутат Инна Смирнова, прорвавшись к телу зампрефекта, яростно на него спикировала, но тот наотрез отказался вступить с ней в полемику, сославшись на дальнейшие, совершенно неотложные дела. Так же тихо, как и появился, он покинул народный сход. Спустившись с горки, мы с Марией бродили между группками болтающих жителей и выспрашивали на камеру их мнение о программе реновации и встрече с зампрефектом.

– Думаю, председатель Алексеев стал крысой, – с неожиданной ясностью изложила свою мысль Марианна Константиновна, когда мы, уже собравшись уходить, оказались рядом. Ее пухлые, ярко накрашенные губы исказила горькая усмешка. – Он только что похвастался, что эта управская дрянь пообещала его первым сюда переселить.

Мы с Марией переглянулись.

– А еще, – выплюнула с негодованием Марианна Константиновна, – он сказал, что нашу депутатку Смирнову все считают белой вороной, по которой психушка плачет.

Маленькое рыжее пламя вырвалось из зажигалки в изящной руке муниципального депутата. В другой руке Инна Смирнова держала акт приемки работ по капитальному ремонту.

– Инка, давай, жги! – скомандовала Мария Соловьева, направив на акт камеру. Лицо ее приобрело хищное выражение, а глаза алчно горели.

Камеру она поднесла еще ближе, чтобы фокус выхватил подписи членов комиссии и выведенную синими чернилами стоимость проведенных работ. Аккуратно и быстро, чтобы не загорелась бумага, Инна Смирнова провела по рукописной строчке язычком пламени и чернила исчезли. Тот же трюк она проделала с двумя подписями.

– Огонь тема! – воскликнула Мария, а я, сидя в тесном зале заседаний совета муниципальных депутатов, как-то особенно остро и неприятно почувствовала свое одиночество и уязвимость.

Подрядчик подписывал акты, потому что хотел денег. Инженер технадзора, потому что у него еще шестьдесят таких же домов. "Отвалите от меня, пожалуйста!" – молил он каждым своим действием. Жилищник подписывал, потому что это Жилищник. От управляющей компании ничего толко-

вого ждать не приходилось, кроме списания и освоения денег. Управа подписывала, потому что их хата с краю. Муниципальный депутат подписывала за глубоко уважаемой управой. Оставалась только я – ответственный представитель собственников помещений. Я могла, встав в позу, вообще ничего не подписывать, но тогда фонд капитального ремонта мог сменить меня на более сговорчивого соседа, отрисовав новый протокол общего собрания собственников за пять минут.

Дисциплинированно написывая жалобы во все инстанции, мне удалось добиться некоторых успехов. Акт подписывался после информационно насыщенной экскурсии по местам ремонтной славы в моем доме. Подписи меня уже не так волновали, как указанные в актах суммы.

– Мы закрываемся по факту проведенных работ, а не по смете, – убеждал меня инженер технадзора, выслушав мой отчет о заложенном в смете перерасходе.

– Тогда мне нужно видеть акты по форме КС-2 и КС-3 с детализацией фактически сделанных работ, – потребовала я.

– Попробую спросить, – ответил инженер технадзора, – но это наша внутренняя документация.

– Вы тратите деньги собственников жилья, – бурчала я от досады, – неплохо было бы собственникам знать, как эти деньги были потрачены.

Тем не менее, суммы, указанные в актах, которые приносил хмурый прораб Петр, примерно соответствовали мо-

им личным подсчетам. Бдительность моя притупилась и я немного расслабилась. Как оказалось, очень зря.

– А что про исчезающие чернила на финансовых документах думают правоохранительные органы? – поинтересовалась я. – Вы к ним обращались?

– О да! – воскликнула Инна Смирнова. Тон ее был ядовит. – Наш районный прокурор не увидел в этом никаких нарушений и вообще был недоволен, что мы отвлекаем его такими мелочами от важных дел.

– Действительно! – хмыкнула Мария. – Еще не все родители, вышедшие погулять в зону несанкционированных митингов с детьми, лишены родительских прав.

– Короче, он посоветовал просто обводить весь рукописный текст своей ручкой, – закончила Инна Смирнова свой рассказ.

В феврале по подъездам засели электрики, а по квартирам пошла, наконец, бригада сварщиков менять батареи. Прораб Петр, куратор из Жилищника и я сидели в бытовке и добавляли в шахматку номера квартир, владельцы которых согласились пустить к себе рабочих.

– Почему нельзя за один заход поменять и отопление, и канализацию с водоснабжением? – пыталась я прораба Петра.

– Работы решили перенести, – ответил за него куратор из Жилищника. – Никто не хочет ломать стенку в сортире.

– Трубы превратились почти в труху. Вы сами показы-

вали! – вспомнила я последнюю информационную встречу с жителями, где куратор из Жилищника прочел лекцию и продемонстрировал насквозь проржавевший кусок трубы из подвала.

– Это никого не волнует до первого залива, – поделился он своим житейским опытом. – У нас есть протокол общего собрания.

– Минуточку, – притормозила я, – не было никакого собрания. Протокол поддельный.

– Все равно, – дернул плечами куратор из Жилищника, – отказов слишком много.

У него зазвонил телефон и он, извинившись, взял трубку. Страдальчески возведя глаза к потолку и надувая щеки, он слушал своего собеседника, изредка пытался что-то возразить, но на том конце его резко обрывали.

– Вам бы мужчину, – тихо сказал мне прораб Петр. – Хорошего, кавказского мужчину, чтобы – вжик вас! – на коня и детей рожать.

Он заулыбался, довольный собственной пронизательностью.

– Спасибо, конечно, большое за предложение, – процедила я, злобно глянув на него в упор, – но у меня уже есть муж.

Он ответил мне полным снисходительного сочувствия взглядом.

– Леонидовна достала! – пожаловался куратор из Жилищника, покончив со своим телефонным разговором.

– А что у нее? – вскользь спросила я, собираясь уже уходить.

Куратор из Жилищника тяжело вздохнул.

Мелкая проблема Вероники Леонидовны, возникшая в питательной среде жилищно-коммунального хозяйства, разрасталась до глобальных масштабов. У нее не грелся ее старый полотенцесушитель.

Сначала Жилищник отказывался его ремонтировать, утверждая, что ток в стояке нарушен кем-то из соседей выше этажами, заменивших полотенцесушитель у себя. Затем стал спихивать работу на фонд капитального ремонта. Фонд в лице инженера технадзора отчаянно сопротивлялся, настаивая, что таких работ в смете нет.

– Мне плевать, кто будет это делать. – вмешалась я в конфликт, пригрозив не подписывать приемку отопления, пока полотенцесушитель Вероники Леонидовны не заработает.

Для острастки я предложила куратору из Жилищника возмутиться письменно вместе со мной небрежно составленной сметой. Вид у него тут же стал глубоко несчастный, он невнятно замямлил, аргументируя свой отказ, но непрозрачный мой намек был понят.

Через неделю позвонил прораб Петр и бодро доложил, что договорился с Вероникой Леонидовной о замене полотенцесушителя. В назначенный день мне позвонила взволнованная Вероника Леонидовна. Рабочих нет, – сообщила она. Я позвонила прорабу Петру. Рабочие есть, – сказал он. Хоро-

шо, – сказала я, но выяснилось, что соседка есть, рабочие есть, сварщиков нет, – сказали рабочие.

В разборки удачно вклинился инженер технадзора.

– Акты подпишите? Нам квартал закрывать надо, – вкрадчиво спросил он меня по телефону.

– Сварщиков нет, – объявила я.

Через пять минут он мне перезвонил и сообщил, что сварщики есть, соседки нет. Ушла по делам.

– Построения, что ли, по утрам устраивать? – сокрушалась я.

– Учись тогда у Ирины Львовны построения устраивать, – выказывала свое вящее недовольство Мария Соловьева, – причем без личного своего присутствия.

Злилась она, конечно, не без повода. Ирина Львовна подняла панику в соцсетях своим истошным кличем. Призвав всех активистов срочно десантироваться к березовой роще на территории районной больницы, а сама она не пришла, сославшись на занятость.

Больница стояла через дорогу от парка и тоже была частью старой усадьбы. В советское время рядом с барским особняком один за другим постепенно отросли еще три вместительных корпуса, но березовая роща сохранилась. Было что-то сказочное, очень нарядное и светлое в том, как пестрели за оградой белые в черных пятнышках стройные стволы над пышной, зеленой травой. Люди здесь появлялись редко, дорожек не было, отчего роща казалась позабытой и загадоч-

ной.

В прошлом году пошли разговоры, что на капитальный ремонт одного из корпусов выделили два миллиарда рублей. Корпус стоял с заколоченными окнами и обнесенный сеткой, защищавшей заброшенное здание от любопытства скучающих пациентов. В феврале Ирина Львовна уже поднимала район на дыбы, узнав от соседа, регулярно посещавшего медицинское учреждение, что корпус, который хотели отремонтировать, собрались сносить и строить на его месте новый комплекс. Под снос из бюджета выделили дополнительные деньги, а два миллиарда так и затерялись где-то в глубинах документооборота.

– Нашу жемчужину, березовую рощу, мы, конечно, постараемся максимально сохранить, – заявил надменный главный врач, когда Инна Смирнова с соратниками вломилась к нему в кабинет. Неравнодушные жители из его слов сразу все с прискорбием поняли.

– Рощу рубят! – оповестила всех Ирина Львовна в апреле. К своему сообщению она приложила несколько фотографий. В выкопанную глубокую яму были свалены распиленные на части бревна. Сверху они были обильно присыпаны мелким мусором и прошлогодней листвой. К этой яме я прибыла одновременно с полицейским патрулем. Мария Соловьева уже снимала место преступления, а Инна Смирнова принялась объясняться с угрюмыми сотрудниками.

Старший лейтенант страдал.

– Я уже сталкивался с фантазиями активистов. – говорил он, но все-таки подал Инне Смирновой бланк заявления и согласился вызвать следственно-оперативную группу.

Мимо в тот момент тихо крался больничный техник.

– Вот он руководил работами, когда мы пришли! – Мария Соловьева громко обратила внимание полиции на подозреваемого.

– Уважаемый! – старший лейтенант припер к стенке больничной часовни пойманного техника.

Тот все отрицал.

На помощь технику подоспел заместитель главврача. Высокий, крупный мужчина с красным, рябым лицом, облаченный в великолепное темно-зеленое пальто из верблюжьей шерсти тоже страдал.

– Как же достали эти активисты! – возмущался он, не стесняясь публики. – Ничего в России нельзя делать.

Резко развернувшись, депутат Инна Смирнова строго отчитала его о правовом регулировании содержания территорий, входящих в природный комплекс Москвы.

– Вы у себя на дачах, небось, убираетесь, – обиделся заместитель главврача.

Когда к месту прибыла глава управы, по роше уже бродили двое криминалистов из следственно-оперативной группы. Маргарита Степановна и сопровождавший ее директор Жилищника осмотрели вырытую яму и сваленные туда порубочные остатки. Пообщавшись по телефону, дирек-

тор Жилищника прояснил, наконец, сложившуюся ситуацию. Его подчиненные мирно пилили свалившийся за зиму сухостой под присмотром больничного техника.

– Порубочный билет для этого не нужен, – на всякий случай уточнил директор Жилищника.

Следом чистосердечное признание сделал заместитель главврача. Именно ему пришла в голову идея выкопать яму и свалить туда весь мусор и закопать, сэкономив тем самым на вывозе отходов на полигон.

– Блин, – переживала Инна Смирнова о несанкционированных рубках в ее заявлении в полицию. – Меня могут, интересно, за клевету привлечь?

– Совсем неинтересно, – проворчала Мария, – уже в который раз подрываюсь на фейках от Львовны.

"Девочки, очень жаль, что меня там не было!" – написала Ирина Львовна в районный чат. – "Мне надо было с внучкой посидеть, а так я бы вывела их всех на чистую воду. Вывороченные корни от поваленных деревьев имелись?"

"На месте работает оперативно-следственная группа", – отчиталась ей Инна Смирнова.

"Теперь вся эта древесина отравится на полигон." – вмешалась в переписку Марина Аркадьевна Кузнецова, – "Лучше уж закопать было. Молодцы!"

– Как же иногда хочется их послать ко всем чертям! – озвучила Мария Соловьева мои мысли.

– Не надо. – ответила Инна Смирнова строго. – Такие лю-

ди все-таки полезны.

Вероника Леонидовна тем временем радовалась своему новенькому, блестящему полотенцесушителю, установленному за счет подрядчика.

– Ты теперь тоже коррупционер, – подшучивал надо мной муж.

Прораб Петр с необычным для него красноречием распи­сывал победу сварщиков над проржавевшей и забившейся трубой в ванной Вероники Леонидовны. Не забыл он упомянуть и свой вклад в виде поездки на строительный рынок, где он выбрал для соседки наиболее оптимальный, хромиро­ванный экземпляр.

– Из уважения к вам, – объяснил прораб Петр свои уси­лия, после чего вручил мне акты приемки работ по замене стояков отопления и ремонту фасада дома.

– Ремонт фасада еще не закончен. – запротестовала я, до­став ручку и зажигалку.

Куратор из Жилищника уже поставил свою подпись на обоих документах и смотрел на меня с опаской, как на по­мешанную, пока я объясняла, что и зачем я собиралась де­лать. Прораб Петр хранил угрюмое молчание. Сумма про­писью мгновенно поблекла, а затем исчезла от нагревания. Рядом со мной дежурила понурая Ольга Владимировна, по­этому ответных мер, типа скрутить и закопать меня в лесу, которых я опасалась, не последовало. Инженер технадзора

был в отпуске.

– Нет, ну это только к прокурору! – громко возмутилась депутат и я тут же спрятала акты себе в сумку.

– Зачем к прокурору? – взвизгнул куратор из Жилищника. – Все хорошо же делают. Добросовестно!

– То есть, по-вашему, это добросовестно – заполнять акты исчезающими чернилами? – огрызнулась я.

– В каком виде мне дали, в таком я вам и передал. – спокойно ответил прораб Петр.

Отмытый майскими грозами район оделся в яркое. Жара наступила рано, спровоцировав нашествие личинок и панику в районной группе. Постоянно появлялись фотографии с опутанными белой паутиной ветвями деревьев и беспоконные тексты. Экозащитники обнаружили в городе острую нехватку птиц. Внеплановое тепло и яркое солнце меня все же расслабляло и успокаивало, расправляло мне плечи и замедляло походку. И дом мой многострадальный в оцеплении припаркованных машин втягивал трещинками в кирпичной кладке жар народившегося солнца и заблестел щегольски новенькими водосточными трубами будто старый стилига, приодевшийся на остатки пенсии. Опоясывающий его цоколь выглядел дряблым и небрежно оштукатуренным рваными кусками. Прискорбная поделка эта вряд ли пережила бы следующую зиму. Мой внимательный взгляд следовал выше, по швам кирпичной кладки. Несмотря на возраст, выглядела она вполне прилично, не осыпалась, даже если поковырять

пальцем, хотя имелись кое-где неприятные пустоты. Их я фотографировала и помечала в своем акте обследования. По смете фасадные работы включали в себя замену балконных экранов и частичный ремонт цоколя. Нужен было как-то добиться от фонда капитального ремонта пересмотра сметы, которую рисовала безвестная, мелкая НПО на коленке по фоткам, полученным от Жилищника. У меня скопилось достаточно материалов и я надеялась, что они смогут заинтересовать крайне занятого районного прокурора.

Слава об упрямстве Федора Ивановича и его ведомства, не желавших разбираться с нарушением прав граждан, проживавших на территории района, была легендарной. Каждый раз, как речь заходила о районной прокуратуре, осведомленные собеседники обязательно делились анекдотичной байкой, хмыкали или непрозрачно намекали на тщетность любых усилий. Хуже репутация была только у районного суда, который попросту звали гадюшником, отчего мой выбор между ним и прокуратурой был прост. И я сосредоточенно ваяла свой жалобный труд со всеми аргументами, фактами, фотографиями и ссылками на действующее законодательство.

Громко хлопнула дверь четвертого подъезда. Ко мне целенаправленно направилась Вероника Леонидовна. Ее благодарность за новый полотенцесушитель обратилась в контрольно-ревизионную лихорадку. Теперь она заходила ко мне по вечерам и разрушала мне мозг долгими и утомитель-

ными рассуждениями о том, с какой неразумностью ведется капитальный ремонт в доме.

– Почему не меняют окна в квартирах? Почему не стеклят балконы? – возмущалась она. – У меня в квартире все трубы менять надо, а не только стояки. Зачем ремонтировать подвал? Туда же никто не ходит!

Высказывать претензии кому-либо, кроме меня, тем более письменно, она не захотела.

– Совсем нет времени! – пожаловалась она, покачав головой. – У меня дача! К тому же вы уже все взяли на себя.

Ее беспутная, бесцельная многословность и скрывавшаяся за тем беспомощность ужасно раздражали, поэтому явление Вероники Леонидовны в этот томный и тихий летний день вызвало у меня внутри тоску и отчаянное желание смыться поскорее от нее домой, сославшись на неотложные дела.

– Ни в коем случае не подписывайте никаких актов! – взмолилась Вероника Леонидовна, приблизившись.

– И не собиралась. По крайней мере пока. – удивленно ответила я. – А что такое?

– Вы только посмотрите, какую в подъезде плитку кладут! – воскликнула соседка и, цепко ухватив меня за запястье, увлекла за собой.

Уложенная поверх старой, новая, серого цвета плитка выглядела чудовищно. Рабочие оставили зазоры у стен, без плинтуса в них будет забиваться грязь. Выпилы под уходя-

щие в пол трубы были сделаны криво, швы разъехались, одна плитка вообще отвалилась.

– Вы смотрите неоконченную работу! – ругался на меня срочно вызванный на следующее утро инженер технадзора.

С минуты на минуту я ожидала появления Вероники Леонидовны, которую уговорила присоединиться к четвертованию ответственных.

– Я смотрю неоконченную работу и вижу, что она уже говно! – парировала я выпад инженера технадзора.

Рядом с ним с независимым видом топтались двое молодцев. Прораба Петра я не видела уже довольно давно.

– Вы разве не видите, какой тут творится кошмар? – Вероника Леонидовна напала на инженера технадзора коварно, без объявления войны. – Безобразная плитка! Скользящая! Неудивительно, если все рабочие не говорят по-русски! Что они могут хорошо сделать?

И скорбная речь ее понеслась по уже известному мне изматывающему кругу. Один из молодцев, воспользовавшись засадой, в которую попал инженер технадзора, отвел меня в сторону и, представившись Сергеем, инженером со стороны подрядчика, предложил встретиться вечером и обсудить насущные вопросы.

– Без психованной, – покосился он на Веронику Леонидовну. – Сейчас мне надо отъехать по срочному делу.

Я возражать не стала и он быстро покинул поле боя.

– Серега тот еще балабол, – философски заметил ему

вслед второй молодец. Он был выше меня на голову, широк в плечах и бородат. Его руки и ноги были полностью покрыты татуировками.

– А вы у нас кто? – полюбопытствовала я.

Одет он был в футболку, шорты и кепи в шотландскую клетку, на ногах были новенькие кеды.

– Я прораб, – с веселой ужимкой ответил мне прораб, больше похожий на хипстера, тусящего на Крымской набережной и невесть как попавшего в наш спальный гоп-район.

– А куда делся прораб Петр? – удивилась я.

– Сбежал, – без затей ответил прораб-хипстер. – Свистнули деньги, документы, нагрел бригаду свою и сбежал. Теперь его ищут чеченцы. – не скрывая восторга, уточнил он.

Прекрасно, подумалось мне, теперь в истории моего дома появились чеченцы. Когда они отловят и закопают прораба Петра, то наверняка захотят получить остаток денег. На их пути окажусь я, ответственный и упрямый представитель собственников, со скандалом подписывающий каждый акт приемки работ, являющийся основанием для перечисления фондом денежных средств подрядчику.

От размышлений меня отвлек инженер технадзора. Пять минут психологической атаки Вероники Леонидовны сломили его волю к сопротивлению. Он принялся молить меня о защите. Натравить на него соседку оказалось годной идеей. Ремонт шел уже без малого год и я порядком от него устала.

Через три дня на встрече главы управы с жителями рай-

она я поделилась с ошеломленной публикой захватывающими подробностями вечерней беседы с инженером подрядчика Сергеем. Обещания он не нарушил, прибыв к моему дому в пять часов, и я второй раз за день пошла осматривать фронт проделанных работ.

Инженер Сергей деловито ходил по подвалу и конфиденциально внушал мне, что несмотря на все мои усилия, все было сделано через жопу.

– Вот, например, этот кран, – Сергей указал на водопроводные трубы, соединенные широким краном, – его неправильно поставили. Он должен быть перевернут.

Оглядевшись, он печально покачал головой и подытожил: – Рекомендую вам продавать квартиру и валить в ближайшие пять лет.

Моральные силы мои были истощены окончательно. Я впала было в уныние и апатию, но, слегка поразмыслив, поняла, что стоит попробовать закатить тонирующий скандал при свидетелях.

– Капитальный ремонт в моем доме идет уже год, – излагала я Маргарите Степановне свою принципиальную позицию, – много есть проблем. Я их регулярно излагаю вам письменно... – Маргарита Степановна понимающе склонила голову. – Но сейчас подрядчик начал меня разводить, чтобы я закрыла ему все работы по моему дому.

Когда мы с Сергеем вылезли из подвала наступили серые сумерки. Подойдя к припаркованной рядом машине, он из

стопки бумаг, развалившейся на заднем сидении, достал акт и показал мне.

– Все остальные подпишут без проблем, – уверенно заявил он.

– И замглавы по ЖКХ? – уточнила я.

– Он в первую очередь! – ни секунды не сомневался Сергей.

– Представитель подрядчика, некто Сергей, пообещал, – продолжала я докладывать Маргарите Степановне, – что если я ему все подпишу, то через две недели он поможет составить мне претензионное письмо и даст телефон знакомой девочки-прокурора, которая поможет мне снять главу управы и всю верхушку территориального управления фонда капитального ремонта.

Заманчивым предложением легкой расправы, отложенным лишь на краткий срок оформления документов, Сергей заронил мне в душу подозрения. По моей деликатной просьбе, он важно продемонстрировал образец претензионного письма. Оно оказалось банальным списком недоделок, изложенной им в переписке с кем-то в вотсаппе. Сергей моих сомнений не заметил и самодовольно сиял, решив, что окончательно меня уговорил. Перед собой он видел наивную домохозяйку и, вероятно, в чем-то был прав, но не во всем.

– И это все за одну твою подпись? – иронично улыбнулась моему рассказу Маргарита Степановна.

Слушала она с пристальным интересом. Я надеялась, что

столь нахального покушения на свое достоинство и власть она не стерпит. Даже глава совета депутатов Виктор Геннадьевич отвлекся от содержимого своего телефона и внимательно впитывал каждое слово.

– Ага! Представляете? – воскликнула я и рой тихих смешков пролетел по залу. – Поэтому я прошу и управу, и Жилищник, и совет депутатов ничего не подписывать, пока я не разберусь с этой историей.

– Обещаю, этих подписей на акте не будет, пока не будет твоей, – дала слово Маргарита Степановна.

Больше подрядчика Сергея я не видела и ни разу о нем даже не слышала.

Хотя в одном он был, конечно, прав. Если бы собралась инициативная группа жильцов дома, можно было бы большего добиться, чем удалось мне в одиночку.

– Гарантирую, ты у соседей еще и виноватой во всем окажешься. – Пригрозила мне Мария.

Ссутулившись так, будто на его плечи давили все несправедливые обвинения за долгую и противоречивую историю человечества, председатель Алексеев сидел за столом совершенно неподвижно. Его лицо было бледным, а три морщины на лбу, вестники его постоянной печали и разочарования, были особенно глубоки. Не мигая, лишь изредка тяжело вздыхая, он смотрел на коммуниста Ивана Железного. Его старинный, добрый друг стоял, гордо расправив плечи и

скрестив руки на груди, в центре комнаты, где шло очередное собрание Народного совета.

– Жека, – обратился коммунист Иван Железный к председателю Алексееву, – мы с тобой давно знакомы, многое вместе преодолели, но предательство должно быть наказано!

В углу, обняв свой портфель, сидел меланхоличный юрист Виктор. Проиграв битву за захват креста в сквере, он не остановился. На днях он представил в совет депутатов района образовательный проект, предполагавший установку в том же месте, где собирались строить храм, исторически реконструированного языческого капища. Усилиями неугомонной Инны Смирновой депутаты внезапно одобрили его дерзкую инициативу. Верующая общественность громко страдала от оскорбленных чувств, а защитники сквера славили торжество светского государства.

Юрист Виктор был удовлетворен успехом своей коварной контратаки на капиталистические амбиции православной церкви, а потому в импровизированном суде над председателем Алексеевым занял позицию защитника.

– По правде говоря, – рассуждал он, – нет ничего страшного в том, что управа знает, о чем мы тут разговариваем. Ничего противозаконного мы тут не обсуждаем. За некоторым исключением, конечно, – вспомнил он о товарище Лебедеве. – Действия председателя Алексеева никак нам не повредили.

– Все мы можем оступиться в доверительных беседах, –

возразила Мария Соловьева, пристально следившая за судебными процессами над активистами.

Именно она выяснила, что председатель Алексеев уже некоторое время аккуратно вел аудиозаписи дискуссий Народного совета и отсылал их замглавы по работе с населением. Об этом она рассказала Ирине Львовне и Марианне Константиновне. Воинствующие пенсионерки тут же подняли бунт и даже великодушный коммунист Иван Железный не смог противостоять их свирепому напору. Обе они, оскорбленные в лучших чувствах, взирали на собрание и стоически ждали своего чередать требовать крови.

– Одно дело, – продолжала Мария, – искренняя дружба с противником, – ее слова были встречены брезгливым фырканьем Марианны Константиновны, – и совсем другое – меркантильное стукачество на соратников после устного обещания должностного лица об улучшении жилищных условий, – закончила Мария свою дипломатично запутанную мысль.

– А может быть, ты сама сливаешь все в управу! – огрызнулся председатель Алексеев.

– Маша – наш человек, – холодно ответила Марианна Константиновна, – и ни разу не давала повода усомниться в своей лояльности, даже несмотря на моральную и идеологическую нестабильность.

– До этого ты вообще говорил, что тут жучки установлены, – припомнил ему коммунист Иван Железный.

Председатель Алексеев нахмурился и медленно, упирая

на каждое слово, произнес:

– Говорю, я тут ни при чем! Я понятия не имею, откуда у управы записи наших собраний. Я никуда не стучу. Это ниже моего достоинства.

– А якшаться с этой управской шалавой вашему достоинству как, не вредит? – не выдержала Ирина Львовна.

Она страшно обиделась, узнав о неприятном мнении председателя Алексеева о ее персоне. А его неоднократно высказанное почтение к главе управы, которую Ирина Львовна терпеть не могла, добавила к обиде алчной мстительности.

– Коллаборационизм с оккупационной властью не может быть приемлем ни в каком виде, – выступила Марианна Константиновна в поддержку подруги, – наивность, с какой некогда уважаемый председатель нашей организации откликнулся на обещания этой мошенницы и тем самым подставил всех нас, является преступной.

– В чем он нас подставил, извините-ка? – вскочил на ноги товарищ Лебедев. – Наш совет пока что не более чем бесполезные посиделки плакальщиц на кухне! – Он обвел строгим взглядом всех присутствующих. – В одном я со всеми согласен, – он сжал руку в кулак и потрясал им в такт каждому своему слову, – председателя Алексеева надо сместить и назначить вместо него меня! Только под моим началом этот курятник превратится в стальной пролетарский елдак, воткнутый в нежную попку административного аппарата!

Ирина Львовна скривилась как от приступа тошноты, а Мария Соловьева удивленно вздернула бровь:

– Что за гомоэротические призывы, товарищ Лебедев? – ехидно спросила она.

– Так! – притопнул ногой коммунист Иван Железный, прерывая назревающую ссору, – будем голосовать!

И председатель Алексеев единогласным решением покинул Народный совет навсегда. Его место, к матерно высказанному разочарованию товарища Лебедева, занял коммунист Иван Железный.

Светлый день настал. Поутру под моим домом случился съезд ответственных должностных лиц составом, превосходящим мои самые смелые надежды. Первыми прибыли из Жилищника главный инженер с вкрадчиво улыбчивым куратором моего дома и хмуро сосредоточенным руководителем отдела капитального ремонта. Следом подоспел глава совета депутатов Виктор Геннадьевич в компании элегантной Ольги Владимировны и растрепанной Инны Смирновой. К обмену приветствиями и колкими любезностями незаметно, как вампир, присоединился замглавы управы по вопросам ЖКХ Валерий Николаевич. Последними появились хипстер-прораб и инженер технадзора, прибывшие на одной машине.

Собравшись, наконец, делегация не мешкая проследовала прямо к пресловутому перевернутому водопроводному кра-

ну, послужившему причиной моего скандального беспокойства.

– Идиот. – высказался главный инженер Жилищника, будто был оскорблен в лучших чувствах. Он принялся подробно объяснять мне, почему Сергей был неправ. Из его объяснений я поняла лишь, что кран стоял правильно. Однако вынуженный против всякого на то своего согласия из своего уютного кабинета главный инженер был все равно недоволен. Под его тяжелым и холодным, как могильная плита, взглядом подчиненные немедленно принялись тщательно исследовать подвал, фасад и подъезды, шарить вдоль труб и ковырять уложенную плитку. Их сопровождал хор муниципальных депутатов, певших о благе жителей. Сникший инженер технадзора покорно заполнял дефектную ведомость. Даже замглавы Валерий Николаевич не оставался в стороне. Прогуливаясь туда-сюда, он, заложив руки в карманы брюк, то и дело качал головой и неодобрительно цокал языком, когда на глаза ему попадалась очередная небрежная недоделка.

Куратор из Жилищника горячо спорил с хипстером-пропрабом о том, что и как следует ремонтировать, тряс сметой и требовал устранить все нарушения. Царила атмосфера здоровой конкуренции и исполнительности. Никто не убеждал меня в том, что сделать что-то невозможно или ненужно. Впервые с начала капитального ремонта я почувствовала облегчение и покой, но умиротворенное мое состояние длилось недолго.

Главный инженер с подчиненными и замглавы Валерий Николаевич вскоре, расшаркавшись, уехали. За ними следом покинули собрание и муниципальные депутаты, строго наказав инженеру технадзора и хипстеру-прорабу "делать как положено".

– На самом деле, – склонившись ко мне, сказал тихо хипстер-прораб, – ты мне только помогаешь.

Его реплику я встретила вопросительным взглядом из-под нахмуренных бровей, что его тут же развеселило. Подрядчик, рассказал он, не платил бригаде, и хипстеру-прорабу доставляло искреннее удовольствие наблюдать, как фонд трахает мозг руководству за все недоделки по моим жалобам.

– Осталось-то всего-ничего, – оценил он остаток работ, – но делать мы ничего не будем, пока нам не заплатят.

– Вообще было дано распоряжение доделать все к выборам мэра, – буркнул инженер технадзора, шелестя бумагами.

– За кого голосовать-то будем? – усмехнулся хипстер-прораб и бросил в сторону инженера технадзора, – ты-то понятно за кого...

– Не скажи! – грустно возразил тот, не отрываясь от заполнения дефектной ведомости, – домов все больше, а премия все меньше.

Он вздохнул.

Разобравшись с бумагами, я вернулась к старому нашему разговору о пересмотре сметы на ремонт и возможности до-

бавить туда ремонт кирпичной кладки.

– Да-да, я узнавал, – спохватился инженер технадзора и достал свой телефон, – нельзя ее переделать. Проект был принят. Вот акт. – он переслал мне фотографии.

Я посмотрела на акт.

– Андрей Владимирович, это что такое? – спросила я соседа на следующий день.

Андрей Викторович скрылся в недрах своей забитой хламом квартиры, оставив меня ждать у приоткрытой входной двери с распечатанным актом приемки проектно-сметной документации в руках. Он вернулся быстро, с очками на носу и аккуратно принял трясущимися от алкоголизма руками бумагу, из которой следовало, что проектно-сметная документация была принята в сентябре прошлого года, через месяц после официального начала капитального ремонта в моем доме, когда я формально уже была ответственным представителем собственников с правом подписывать подобные документы. Вместо меня акт приемки был подписан моим соседом, живущим этажом выше.

– Я ничего не подписывал! – вытаращил глаза Андрей Владимирович. – Это вообще не моя подпись. – Заверил он меня, но заявление в полицию писать наотрез отказался.

– А вот это уже наглость! – науськивала Мария Соловьева граждан, томившихся ожиданием в очереди на прием к прокурору. – Мы уже час тут сидим без движения.

Ее возмущение было встречено с пониманием. Районный прокурор Федор Иванович принимал по понедельникам.

– Давай прям к девяти, – предложила Мария, узнав, что я собираюсь в ее края.

Прокуратура неприметно сидела в глубине немецкого квартала, через дом от Марии. Рядом с черной, гладкой дверью висела маленькая, тусклая табличка с режимом работы. Сразу за дверью к обшарпанной стене был прикреплен жестяной почтовый ящик, "обращения граждан" сообщала приклеенная скотчем бумажка. Вверх вела узкая лестница, кончавшаяся узким, длинным коридором со множеством закрытых дверей. В самом конце у окна стоял стол, возле него и вдоль стены, напротив входа в приемную прокурора, тянулся ряд черных офисных стульев. На них с потолка равнодушно смотрела камера видеонаблюдения. Дверь в приемную была распахнута, там за высокой, широкой стойкой, ограждавшей, как крепостная стена, массивную дверь в кабинет прокурора, запечатанную электронным замком, суетливо шуршала миловидная девочка-секретарь.

– Ждите! – приказала она, когда Мария заглянула в приемную осведомиться, начался ли уже прием.

Очередь за нами постепенно росла. От ожидания росло и напряжение. Свободные стулья закончились.

– Я инсультница, – жаловалась толстая, вся в коричневых пятнах женщина, – помереть мне тут, что ли?

– А я на работу опаздываю, – причитал мужчина в дело-

вом костюме в кратких перерывах между переговорами по телефону.

– Нет, ну сосед всех точно топором зарубит, пока я тут жду! – уделала всех безумного вида женщина со всклокоченными огненно-рыжими волосами. Схватившись за голову, она некоторое время металась по коридору, потом одолжила у меня ручку с бумагой и села писать заявление, во всеуслышание делясь подробностями из жизни на одной лестничной площадке с буйным соседом-алкашом. Он любил на досуге рубить топором двери неудобных ему жильцов при полном бездействии полиции.

Время тянулось, граждане роптали все громче.

– Надо, наверное, в прокуратуру города идти, – повысила голос Мария Соловьева, – рассказать им, как тут на районе граждан принимают.

Она встала и, подняв голову, посмотрела в нависшую у нас над головами камеру.

– Федор Иванович! – крикнула она. – Сейчас либо прием начнется, либо революция!

Очередь одобрительно зашумела. Протяжно пискнул электронный замок на двери прокурора и секретарь холодно пригласила первого по очереди пройти.

– Давай, – подбодрила меня Мария, – тут тебя жду.

Я быстро прошла через приемную в неожиданно, по сравнению с казенно-убогим убранством коридора, шикарный, просторный кабинет. Районный прокурор Федор Иванович

сидел в широком, отделанным кофейного цвета кожей кресле с высокой спинкой. Перед ним раскинулся массивный, гляцевый стол темного дерева. Среди множества беспорядочно разложенных бумаг скромно поблескивал малахитовый письменный набор, отделанный маленькими, золочеными колоннами и с орлом на верхушке. Не отрываясь от чтения документов, Федор Иванович едва уловимым жестом указал на пухлое черное кресло напротив.

– Разберемся! – наконец, обратил он хоть какое-то внимание на мое присутствие. Прошло минуты три, в которые я вместила год раскрытых мной нарушений и злоупотреблений при капитальном ремонте. Он забрал мой увесистый претензионный трактат и быстро расписался о его приеме. Протяжный писк электронного замка сообщил, что мне пора на выход.

– Полтора часа ожидания, три минуты на прием и никакого морального удовлетворения. – подвела Мария неутешительный итог. – Федор Иванович точь-в-точь как мой бывший!

Через неделю, на следующий после выборов мэра день я нашла в почтовом ящике письмо, которым районная прокуратура уведомила меня, что мое обращение было отправлено в фонд капитального ремонта. Меня ждала очередная, набитая враньем, бессмысленная отписка и обиженные стенания инженера технадзора.

В октябре по району прокатилась волна ликования – ука-

зом мэра сменился префект.

"Наша первоочередная задача", – говорил новый префект в интервью окружной газете, – "наладить конструктивный диалог с жителями". Надежда чуть затеплилась.

– Дарья! Что-то вы давно нам не писали! – вальяжно вел со мной беседу по телефону какой-то дядька, представившийся руководителем службы технадзора территориального отделения фонда капитального ремонта.

– Ну, если вы настаиваете... – язвительно начала было я.

– Не надо. – резко оборвал дядька, помрачнев голосом. – Вы уже в прокуратуру написали.

Имел ли он ввиду мое многостраничное обращение к Федору Ивановичу или уже жалобу на Федора Ивановича в вышестоящую прокуратуру за малодушную пересылку моего обращения в фонд, я уточнять не стала.

– Из-за вас мой инженер не хочет из отпуска выходить! – ругался на меня дядька. – Я, вот, понять не могу, – злился он из трубки, – что вас не устраивает-то?!

– Вы знаете, – ответила я ему, чувствуя приступ смертельной усталости и глухого раздражения на его беспардонный тон, – меня не устраивает абсолютно все!

В студеном воздухе резво пикировали крупные, редкие снежинки и, едва коснувшись земли, растворялись в слякоти под ногами митингующих. Зябким ноябрьским вечером, в шесть часов на площади у здания префектуры собралось две

тысячи возмущенных горожан. Развевались поднятые ввысь красные флаги коммунистов и синие – либералов. Одиноким билось зеленое знамя анархистов. Незамысловатые плакаты, мелькавшие над головами, во всем своем разнообразии призывов требовали одного – справедливости.

– Они воруют наши парки и застраивают их! Вырубают деревья! Закатывают все в асфальт и плитку! Нам уже нечем дышать! Как будут жить наши дети? – голос муниципально-го депутата Инны Смирновой неистово рвался из двух больших динамиков, установленных по бокам на сцене. Сама она стояла посередине, на фоне белой растяжки с ярко-красной надписью "Народ против префектуры". – Каждую ночь наши районы накрывает удушливая вонь от свалок! У нас першит в горле! Мы задыхаемся! А что они нам говорят?! Что уровень загрязнения воздуха не превышает ПДД! Только они сами их и устанавливают! А мы умираем от рака!

Рассекая сумерки, ее слова неслись над толпой прямо в темную восьмизэтажную громаду префектуры, грозно высившуюся за спинами собравшихся. Свет горел только на первом этаже. Поглазеть на представление, а заодно и покурить на крыльцо изредка выходили по очереди охранники. Никаких иных признаков жизни здание не подавало.

– В Конституции закреплено наше право на благоприятную окружающую среду! – вопила Инна Смирнова.

Разгоряченное море протестующих поглотило меня. Они неловко толкались, наступали случайно на ноги, тут же из-

винулись, выдыхая белые облачка пара, смеялись, знакомились, завязывали беседу. Голоса то сливались в единообразный, давящий на уши шум, то взрывались, скандируя:

– Мы за чистый воздух! Мы за чистый воздух!

Медленно я пробивалась сквозь толкучку к сцене. Там Мария Соловьева вела трансляцию для районной группы. По дороге постоянно встречались знакомые, приходилось останавливаться, здороваться и обмениваться новостями.

– Они закрывают больницы и поликлиники! Нет больше медицинской помощи в шаговой доступности. Власти называют это оптимизацией, а я называю это геноцидом! – Чеканил активист из соседнего района, выступавший следом.

Он был то ли банкиром, то ли финансистом, имел военную выpravку и неоднозначную репутацию в сообществе. Амбиции вели его в Московскую городскую думу в следующем году и пламя связанных с его потенциальным выдвижением интриг уже разгорелось. С воинственной бескомпромиссностью он выискивал и прессовал любого активиста, посмевшего его критиковать. Бился он в основном за сохранение больниц и против стройки храмов. В ответ провластные телеграм-каналы вываливали в сеть фотографии его куртуазных танцев с девицами, значительно моложе него.

– Вместо больниц власть строит нам храмы! А мы хотим больницы вместо храмов!

– Больницы вместо храмов! Больницы вместо храмов! – вторила ему толпа.

Рядом с Марией Соловьевой у сцены топтался облаченный в красный жилет с надписью "Народный совет" председатель Иван Железный. Он ждал своей очереди выступать. Обрушившаяся со сцены храмоворческая тирада вызвала на его лице бессильно страдальческое выражение, бывшее более свойственным его предшественнику.

– Веру-то трогать зачем? – простонал он, проведя ладонью по лицу, будто стирая налипшую грязь.

Мария бросила на него презрительный взгляд.

– Затем, что идет отъем общественной собственности в пользу социальной группы верующих, а точнее даже церковной общины.

– И все это за наши налоги! – поддержали Марию динамики.

– У нас в районе многие за храм. – возразил председатель Иван Железный.

– Но не в сквере, – уточнила Мария и хитро глянула на меня, – вот будет заварушка! Сорок сороков прибегут бить бесовских безбожников.

Я равнодушно пожала плечами.

– Это уже без меня. Хочу соскочить. – поделилась я усталостью и апатией, настойчиво терзавшими меня в последнее время. Я мечтала вернуть свою спокойную, безмятежную прошлую жизнь, хотя отчетливо осознавала, что это уже невозможно.

– Не ты одна, – Мария ласково приобняла меня за пле-

чи. – На днях Алексей Иванович, наш дорогой зампрефекта по вопросам ЖКХ, совершил политическое самоубийство. – Звонко рассмеявшись она отпустила меня и продолжила, наблюдая за председателем Железным, поднимавшимся на сцену. – На оперативном совещании с новым префектом, говорят, он предложил послушать, наконец, жителей. Маргарита Степановна, по слухам, в скором времени займет его место.

– Жаль. – Эта новость меня огорчила. Триумфально вычеркнуть главу управы из своего черного списка у меня не получилось, как, впрочем, и Александра Лаврентьевича. Волна реновационного ажиотажа схлынула и он затаился в управе, вне поля общественного зрения.

– Не расстраивайся! – утешала Мария, почуяв мое мрачное настроение. – С такой крышей от нее можно избавиться только путем повышения в должности.

– Товарищи! – вещал председатель Иван Железный со сцены. – Только объединившись, мы можем добиться своего. История на нашей стороне!

Толпа сзади напирала, от постоянного ее давления в спину мне стало тревожно и мучительно неудобно. Мария с воодушевлением приняла предложение пролезть прочь, на свободную окраину.

– Свое почтение, считаю, засвидетельствованным, – объявила она и нырнула вглубь толпы, поманив меня за собой.

Натыкаясь на шнырявших резвыми рыбешками среди су-

толоки сборщиков подписей за все хорошее и против всего плохого, мы выскочили наконец к лестнице у входа в префектуру. Перед нами, когда мы поднялись по ступеням, открылся вид на заполненный людьми сквер и сцену, куда неукротимым вихрем ворвался товарищ Лебедев.

Желтый свет фонарей делал будто вырубленные из камня черты его лица еще более жесткими. Как рок-звезда, он, крепко обхватив широкой ладонью микрофон на стойке, второй рукой указывал на безмятежно дремлющее здание префектуры.

– Мы устали от постоянного вранья и пустых обещаний! – громом ревел товарищ Лебедев под одобрительные крики благосклонной публики. – Мы – их начальники! Мы – народ! Мы – источник власти!

Черные окна слепо смотрели на разбивающиеся у подножья волны народного гнева. Позвоночно-параноидальным чувством я ощущала исходящее из них скрытое любопытствующее внимание.

– Не допустим произвола! Не позволим вытирать об себя ноги! – неистовствовал товарищ Лебедев. Голос его срывался в истеричный крик.

За спиной мягко шлепнула дверь. К нам неторопливо подошел охранник. Окинув нас насмешливым взглядом, он дернул головой в сторону двери.

– Наблюдает за вами, – бросил он, закурив.

– Естественно. – ответила Мария.

Эхо митинга, отскакивая вверх по окружавшим сквер офисным стекляшкам, глухими раскатами пробивалось в окна префектуры. Свет повсюду был выключен, в коридорах стояла пустая тишина. Только в одном из кабинетов холодное сияние от монитора выхватывало из сумрака очертания невысокой, грузной фигуры, напряженно застывшей у окна. Раздвинув двумя пальцами широкие полосы шалюзи, префект пристально наблюдал за пульсирующей лозунгами толпой.

Народ ли это? – отстраненно размышлял он. Может, и недостойный восхищения, хорошо, к сожалению, ему известный, народ – хоть он и не есть кладезь и источник всех премудростей – занят работой и тем все же достоин сочувствия. А там внизу бесконтрольно бунтовали маргиналы, доставшиеся ему в наследство от потерявшего хватку его предшественника Александра Тимофеевича. Бездельники, убогие и полоумные, шантажировали власть своими правами.

Поднимаясь недавно по розовой с серыми, кудрявыми прожилками мраморной лестнице, не этого назначения он ожидал. Но его предшественник и старый противник, с которым их карьерные пути когда-то разошлись, провалил выборы мэра. Не смог дать хорошие результаты голосования. Постарел. Обмяк. Отставка не заставила себя ждать.

– Воры и жулики! – слышалось с улицы. О товарище Лебедеве префект был уже наслышан. Он посмотрел на ма-

ленькую фигурку на сцене. Исходящая от нее воинственная, злобная энергия опасно заряжала толпу. – Проклятые буржуи так и будут дальше нас доить! Гнать их всех взашей!

Это было уже слишком. Вызов принят. Префект достал из внутреннего кармана телефон и сделал один звонок.

Через пять минут в сквере погасли фонари, отключились динамики и микрофон. Пропало электричество. Наступил сумрак, возникла внезапная глухота. Народ стал потихоньку расходиться.

Москва, 2020г.